

БАРНАУЛ

литературный

280
лет

#2 /2/ июль 2010

*Барнаул –
истории живая нить*

Николай Панченко.
Новый день. 2010.

БАРНАУЛ

литературный

Редакционный совет

Б.А. Черниченко
(председатель совета)
А.Н. Вайс
М.В. Гундарин
(главный редактор)
В.В. Десятов
М.К. Зимогор
Л.Н. Зубович
И.П. Кудинов
В.М. Лопаткин
С.А. Мансков
Ю.Н. Овиденко
В.Г. Паршков
Ю.С. Ряполов
М.И. Юдалевич

Михаил Гундарин. Время расцвета	3
ИСТОРИИ ЖИВАЯ НИТЬ	
Александр Родионов: «В Барнауле был собран высший интеллект империи». Беседа с Сергеем Мансковым	4
Александр Родионов. Бунт «пробежной воды»	8
Павел Пономарев. Фантазии старого города	10
Дмитрий Золотарев. Барнаул в рисунках Павла Кошарова	12
Дмитрий Негреев. Ленинский и окрестности: прогулки по советскому Барнаулу	15
Легенды нашего города: Предание о Демидове. «Хрущевский тракт». Ботинок Ползунова. Достоевский-комедиограф	34
Дмитрий Марьин. Шукшин и Высоцкий встретились в Барнауле	36
Поэты в городе: Евгений Банников; Юлия Воловикова; Михаил Гундарин; Дмитрий Латышев, Владимир Токмаков	38
Дмитрий Золотарев. Посвящение городу	40
Знаменитости под «Открытым небом»	42
ПОЭЗИЯ	
Александра Вайс. Оставляя свет	44
ПРОЗА	
Сергей Бузмаков. Голубиный город	48

КОНКУРС

Наталья Николенкова. Обратный адрес	70
Дмитрий Мухачев. Волшебная лестница	72
Испытание на чувства: Артем Вахрушев; Елена Гешелина; Евгений Евтушевский; Юлия Кречетова; Елена Ожич; Ольга Яковлева; Константин Гришин	74
Анастасия Мухопад. Образ друга в поэзии Натальи Николенковой	76
Константин Гришин. Автопортрет героя	80

ГОСТЬ НОМЕРА

Нина Садур. Мальчик в черном плаще	82

ХРОНИКА

Елена Гешелина. Селигер литературный	106
Владислав Пасечник. Сростки - Хайдарабат	108

КНИЖНЫЙ ОБЗОР

Анатолий Муравлев «Неизвестный Алтай. Лихолетье войны»; Вячеслав Корнев «Вещи нашего времени»; Татьяна Журавлева, Дмитрий Ведяшкин «Труп»; Елена Ожич «Истории взрослых»; Елена Рябова «Письма без ответа»;	110

ВЫСТАВКИ

Алиса без чудес	116
Неархитектурные пейзажи	117
Повелитель стихий	118
Гости из Прокопьевска	119
Театр одного художника	120

Журнал «Барнаул-литературный»

Учредитель: Автономное учреждение города Барнаула
«Редакция газеты «Вечерний Барнаул»
Директор: Овиденко Юрий Николаевич.
Главный редактор: Гундарин Михаил Вячеславович.
Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной
службы по надзору в сфере связи, информацион-
ных технологий и массовых коммуникаций по Алтай-
скому краю.
Св-во о регистрации ПИ № ТУ 22-0174
от 14 апреля 2010 г.
Информационное издание.
Тираж 1500 экз. Дата выхода: 30.08.10 № 3
Цена свободная

Адрес редакции и издателя:

г. Барнаул, пр. Ленина, 110. Тел. (3852) 362-534.
E-mail: barn-1@yandex.ru

Журнал отпечатан на полиграфическом комбинате
«Сибирь»: Алтайский край, г. Барнаул,

пр. Комсомольский, 110

Мнение редакции может не совпадать с мнением ав-
тора. Любая перепечатка или копирование реклам-
ных материалов возможны только по предварительному
согласованию с редакцией журнала.
Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Время расцвета

Михаил Гундарин,
главный редактор
журнала «Барнаул-
литературный»

Барнаулу – 280 лет. Сама по себе эта цифра нам говорит мало о чем. Ее можно разве что сравнить с возрастом других городов – да и в этом смысла немного. Есть города и подревнее, и помоложе. Куда интереснее сравнивать жизнь внутри города. Как оно было 280 лет назад? А сто лет назад? А двадцать, двадцать пять?

Думаю, не вызову особых дискуссий, если заявлю следующее: жизнь в нашем городе по сравнению даже с «благополучными» доперестроечными временами существенно улучшилась. У нас, горожан, стало несоизмеримо больше возможностей для проведения и своего рабочего времени, и досуга. Как похорошели наши улицы! А какие здания выросли на смену стандартным девятиэтажкам и хрущевкам! Причем среди этих зданий много общественных, служащих всем нам. Мы, бывает, сетуем на транспортную проблему – но ведь и она совершенно незначительна по сравнению с 1980-ми годами. Всякий, кто пытался тогда уехать, например, с Сулимы в забитой до крыши «тройке» просто не может со мной не согласиться!

Особо мне хочется сказать про сферу культуры и искусства. Утверждаю смело: никогда, ни в какую из исторических эпох своего существования Барнаул не переживал такого культурного подъема, такого расцвета! Особенно касается это литературы. Посудите сами. В городе выходит несколько литературных журналов (и бумажных, и сетевых). Работает не один десяток (!) талантливых авторов разных поколений. Слава богу, активны, талантливы и те, кому под 70, и вчерашние школьники. Публикации и выступления поэтов вызывают шквал обсуждений и комментариев в Интернете, да и литературные вечера ставят рекорды посещаемости. Новые талантливые авторы появляются чуть ли не каждый месяц.

Да, расцвет, не имеющий, повто-

рюсь, аналогов в истории города. Но без попечения, без заботы о развитии культурных начинаний они рано или поздно изживут себя. Мы видим действенные шаги городских властей в этом направлении. И «Барнаул литературный» считает своей миссией поддерживать все талантливое, перспективное, достойное внимания горожан. Один из примеров – издание нами книг двух талантливых поэтов, Натальи Николенковой и Дмитрия Мухачева, победивших в литературном конкурсе журнала. Их презентация вполне закономерно приурочена к Дню города.

Нынешний праздничный номер журнала вполне вписывается в идеологию празднования юбилея, выраженную девизом: «Истории живая нить». От прошлого – к будущему, причем вместе со всеми барнаульцами. Здесь вы найдете и размышления над историческим процессом нашего известного краеведа Александра Родионова, и стихи совсем молодых авторов, посвященные Барнаулу современному, живому. Историко-культурные разыскания в номере сочетаются с аналитическими обзорами современного состояния литературы и изобразительного искусства города...

Обратите внимание, что многие материалы номера (например «Ленинский и окрестности») иллюстрированы старинными фоторепродукциями, среди которых есть действительно уникальные. Эти фотографии присылали сами барнаульцы на фотоконкурс, организованный городской администрацией к 280-летию города. Мне кажется, что в них много настоящей любви и преданности нашему Барнаулу. Думаю, эти чувства присущи очень многим нашим читателям – да и нам, всем тем, кто делает «Барнаул литературный».

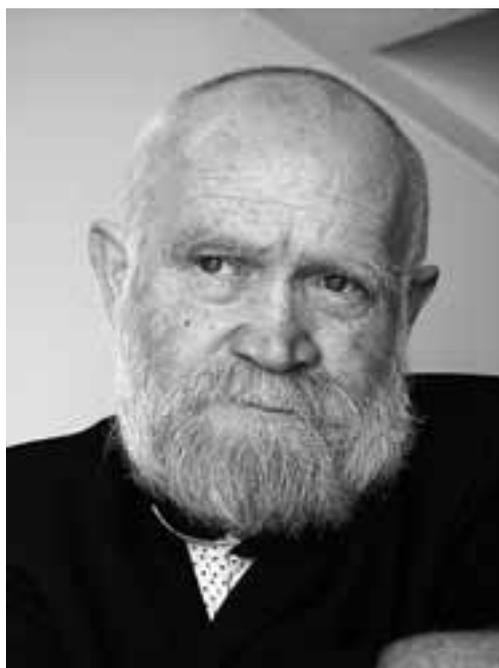
С праздником, дорогие друзья!

Накануне очередного юбилея нашего города мы поговорили с большим знатоком истории краевой столицы, настоящим барнаульским летописцем - Александром Родионовым. Тем более что юбилей и у него - в этом году автор «Красной книги ремесел», «Колывани камнерезной», «Летописи города Барнаула», «Князя-раба» и многих других книг - Александр Михайлович Родионов, отметил 65-летие. Наш разговор шел в переполненном старинными книгами доме юбиляра...

Александр Родионов: «В Барнауле был собран высший интеллект империи»

Беседовал Сергей Мансков
Фото из архива редакции

Геолог в горном граде

— Александр Михайлович, вы по образованию геолог, учились в Томске, работали «в поле»... А в итоге стали барнаульским писателем. Как это произошло?

— Я и профессию геолога выбрал благодаря книгам уже в отрочестве. Не помню, каким путем попала мне книга «Лоцман кембрийского моря». Это о геологе, возмечтавшем найти древнюю нефть в Забайкалье. Днем он ищет ее в тайге, а ночью в книгах. А чтобы не заснуть, привязывает прядь своих волос к перекладке. Такой вот неистовый. Уже много позднее на практике в геологической

партии дотянулся до «Илиады» Гомера. И это были лучшие дни «в поле». Я забывал, что нахожусь в Северном Казахстане, казалось, вот-вот из-за сопки вылетит колесница Гектора. Да и Елена в ковчеге виделась...

Учился я в Томске в политехническом. По сей день перед глазами ступеньки в вестибюле главного корпуса, который построили в 1906 году. Они были из томского песчаника. За век тысячи студентов износили их, а точнее — разнесли по белу свету. Тогда я впервые увидел настоящего поэта и занимался у него в литобъединении. Это был Василий Иванович Казанцев. Великий знаток литературы Вадим Валерьянович Кожинов сказал в свое время о том, что в последнюю треть XX века о русской поэзии надо судить по трем вершинам — это Николай Рубцов, Юрий Кузнецов и Василий Казанцев. Добавлю к этому — Кожинов не одинок, и в Москву на выход ежегодника «День поэзии» Казанцева приглашал сам Смеляков. Василий Иванович не отменял ни Вознесенского, ни Ахмадулиной. Наоборот, знакомил молодых с их новыми книгами. Но что много главнее, он открывал глаза наши на Баратынского и на Анненского. Неоднократно повторял: «Если молодой стихотворец не читал Блока, ему в поэзии делать нечего».

А про ступеньки я не зря вспомнил: как выпускники нашего политеха разносили в мир его по частице, так и мы разносили по России то, чем с нами на литобъединении поделился Василий Казан-

цев. И главный добыток здесь именно умения делиться. Насколько щедр был учитель наш, судите сами. Из-под его ладони вышли в свет литературы ныне известные Михаил Зайцев, Владимир Петров, Григорий Кружков. Все они – выпускники физтеха. Но всех птенцов гнезда Казанцева перечислять длинно, часть их так и не улетила из Томска, для творчества родное гнездовье – подспорье великое.

После института работал в геологических партиях по Кемеровской области, по Алтаю. Когда можно было, упаковывался в замечательную библиотеку сталинских времен в Новокузнецке. Но вела меня туда алтайская тема. Первый якорь, который крепко врезался в алтайскую почву, – это Колывань, в ее окрестностях я ходил в маршруты, приглядываясь к ней издалека. Появилась необходимость узнать поподробнее об этом уникальном месте, а вся плоть документальная хранится в Барнауле. Однако отпуска на работу в архиве никогда не хватил. Поэтому и решил – надо жить с первоисточником рядом. Оставил родной палеозой и стал работать на четвертичке – это инженерно-геологические изыскания под строительство. Исколесил степной Алтай вдоль и поперек, но Колывань из виду не терял. К тому времени уже вышла книга стихов в Кемерове, поэтому заявил я о себе в литературных кругах как поэт. В Барнауле дописал поэму о камнерезах.

Валютный фонд России

– Александр Михайлович, вы – идейный вдохновитель и создатель «Летописи города Барнаула». Сейчас многие говорят, что у нашего города нет изюминки. Есть ли «лица не общее выражение» у Барнаула в общероссийской истории?

– За весь исторический период это лицо менялось неоднократно. Так что динамика – налицо. Изначально существовало только два горных города Российской империи – Екатеринбург и Барнаул. И до конца XIX века, пока заводы не погасили, это ощущалось. Мы ведь были валютным фондом страны. Городом, в котором плавают серебро и золото, а потом караванами отправляют в столицу. Иногда три обоза шло! До тысячи пудов серебра в год! И ведь мы единственные, у кого эти заводы работали до конца про-

шлого века. По всей стране, даже на Урале, все развалилось – не осталось даже остонов. А в стенах Барнаульского сереброплавильного завода производились спички, которые продавались от Туркмении до Дальнего Востока. Нет больше таких фактов у нас в стране. Эхо «валютного» города периодически отзывается. В двадцатые годы в аптеках пропали ртутные градусники. Умельцы собирали шлак с берегов Барнаулки и амальгировали серебро в домашних условиях. От улицы Анатолия до реки шлак, на который укладывали современный асфальт, содержит серебро в промышленных количествах, а уж сколько его накопилось в кирпичной кладке фабрики! Так что мы до сих пор на серебре стоим.

– Что было потом?

– С закрытием производства город менял свою направленность – на купеческую и аграрную. Барнаул стал центром стяжания алтайского масла. Во всех, даже мелких, деревнях были свои маслобойки и маленькие заводики. Самый заметный был в Старой Барде, и у каждого члена кооператива в доме было электричество и телефон. И это в 1912 году! В Барнауле стояли огромные склады, работало больше десятка иностранных компаний, которые скупали масло и сыр, а затем распространяли его по всей Европе. Хлеб возили семь пароходных компаний, пока не появилась железная дорога в Новониколаевск. До этого пытались вывозить зерно в Англию даже Северным морским путем. Инерция этого запаса сохранилась до конца нэпа. А потом была глубокая яма, когда наш город стал захудалой провинцией, из которой вывозили все. Вывезли старейшую библиотеку Сибири с Колывано-Воскресенских заводов в 25 тысяч томов (именно она стала основой редкого фонда ГПНТБ). Вывозили даже мемориальные доски с Демидовского столпа (они потом в Новосибирске и сгнили). Даже шлак с улиц собирали и увозили в столицу Сибири на аффинажную фабрику.

- Барнаул был валютным фондом нашей страны – на алтайском серебре укреплялась экономика империи. И сейчас забыли, что город всегда существовал межэтническим пограничным оплотом.

— Что позволило выйти из кризиса?

— Барьерным моментом стал «костоломный» 1937 год. В массовом сознании он воспринимается как кровавый, а для Барнаула он стал «возрожденческим». Был сформирован Алтайский край, административным центром которого стал наш город. В 1938 году строят гостиницу «Алтай», и обыватели ходят глазеть на первый экскаватор, который рыл котлован под здание. Кинотеатр «Родина» открылся картиной «Ленин в октябре» в 1941 году. Кстати, темы театра и кино в «Летописи» отрабатывала Ирина Свободная, она имеет колоссальный опыт: были изучены все сибирские архивы по театральной теме. К нам в Барнаул приезжали Александр Вертинский, Леонид Утесов, Георгий Свиридов и многие другие. Культура стала большой частью летописи. Второй подъем — эвакуация промышленности во время Великой Отечественной войны. А потом и целина городу здорово помогла — пахать надо, а комбайнов не хватает.

Первый губернатор сибиря

- Ваш роман «Князь-раб» получил несколько престижных литературных премий. С чего началась работа над романом о первом сибирском губернаторе - князе Гагарине?

- Роман «Князь-раб» начинался в 1985 году. Затеять роман только ради того, чтобы сработать жизнеописание вельмо-

жи петровского времени — дело пустое. Прош цена исторической прозе, если она не опрокинута в сегодняшний день, если нет узнавания национального архетипа, а проще — не видно сквозных характеров. Герои и в XVIII, и в XXI веках придут неизменными, и в высоком, и в низком. Время петровского перелома в чем-то совпадало с горбачевско-ельцинскими реформами. Началась ломка хребта России. Причем, она была внешне мягкой, но кости хрустеть стали позднее. Динамика истории развивается по классической триаде: трагедия, комедия, ирония. Верховная революция Петра и понизовая революция Ленина-Сталина — это трагедия. Далее пошла комедия либеральная. А как история поиронизирует над нами: кроваво или без... — это еще впереди.

Мне очень хотелось понять, куда выходит Россия через Петра, через Гагарина. И первым делом я поехал в тобольский архив, где на меня сразу вылили ушат холодной воды. Оказалось, что весь период петровской истории Сибири сгорел в пожаре. Выручил вначале миллеровский двухтомник, а потом и его источники. Немец Герард Миллер в тридцатых годах XVIII века путешествовал по Сибири и переписывал многие архивы. Этому мужику нужно в каждом сибирском городе памятник ставить. Без него мы бы собственной истории не знали. Сейчас портфели Миллера хранятся в Центральном архиве древних актов в Москве. К счастью, мне дали возможность с ними поработать, но тут же обнаружился «конкурент», который также серьезно интересовался князем Гагариным. Это был сотрудник Института русской литературы (Пушкинского дома) из Ленинграда Владимир Бестужев. Он искал генеалогические корни Николая Некрасова, а пращур поэта был крепостным слугой Матвея Петровича Гагарина. В общем, где Гагарин, там и предки Некрасова.

- Почему именно этот малоисследованный исторический деятель вас заинтересовал?

- Сколько сейчас у нас в Сибири губернаторов? А раньше Сибирская губерния начиналась на Урале в Соликамске, заканчивалась на Камчатке, а губернатор был один. Центром Сибири в XVII и XVIII веках был Тобольск. Все освоение Сибири шло через эту духовную столицу.

И сегодня патриарх Кирилл называет три духовных центра России: Москва, Петербург, Тобольск. Матвей Гагарин сдвинул тяжеленный камень. Благодаря его геополитическим шагам в отношении казахов и джунгар, мы с вами уже триста лет живем на алтайской земле. Это чужая территория – телеутская. Здесь жили и должны были жить люди с совершенно другим восприятием мира и языком. Пришли русские. Сегодня это норма. Посмотрите на карту, и вы увидите, что Барнаул находится на самой оторочке центральной Азии. Мы - окраинная земля, лоскуток Сибири, но лоскуток очень дорогой. По этой причине в роман вводятся исторические отступления, потому что современник часто даже не предполагает, какая ситуация была в стране.

В России нет драгоценных металлов: один Нерчинский завод добывает три пуда серебра в год. Россия вынуждена покупать монеты из драгоценных металлов в Европе и перечеканивать их. Часто на талерах, куда поверх европейских монархов вдавливали боевой марсовый образ Петра, под плохо отчеканенными латами проступали монашеская ряса правителя тирольского герцогства. И такой «серебряный авитаминоз» длился в России, пока не был открыт Алтай. Плодородная почва встречается в Сибири не только на Алтае, а вот полезные ископаемые, которые обнаружили в наших горах, в таких количествах мало где встретишь. Но чтобы сохранить этот валютный резерв, необходимо было отгородиться от кочевников. Для кочевника высшая доблесть - отогнать скот у соперника. Даже слово специальное есть - «баранта». Барантачи заходили на территорию Кулунды, наших предгорий, угоняли скот, прихватывали крестьян. Четкой пограничной линии со столбиками и собаками просто не было.

Гагарин построил крепости по Иртышу, и сразу джунгарский и казахский грабежи прекратились. Алтай от набегов огородили русским частоколом. За этим частоколом появляется русская территория с русским образом жизни.

- Но почему этот культурный герой так трагично закончил жизнь?

- Оклеветали. Петр, не без помощи пленных шведов, вообще воспринимал его как гетмана Мазепу. Первому губер-

- Можно назвать два места: Алтайский горный округ и Нерчинский горный округ, где собирались лучшие люди, но в Нерчинск еще и ссылали. А у нас до советской власти не было каторги.

натору ставили в вину попытку отделения Сибири от России. Он ведет переписку с китайским Департаментом внешних сношений. Получается, мимо Петра шла переписка с соседним государством? Да, шла. И никто не учитывал необходимость принятия мгновенных решений и опасность колоссальных расстояний Российской империи. А потом автор первой русской истории Татищев помог, мягко сказать, гетманизировать Гагарина, таковым князь остается по сей день.

Девяносто пять процентов труда

- Любый писатель, создавая произведение, пишет о себе. За каким из персонажей спрятались вы?

- Я вдруг обнаружил, что мне ко времени завершения романа столько же лет, сколько и князю Гагарину перед казнью. И кто будет натурщиком? Надо иметь в жилах кровь Рюриковичей, чтобы мыслить и чувствовать так, как это делал первый губернатор Сибири. Для подобных деяний сегодняшняя власть не подходит. Все ощущения проверял на себе. И даже консультировался у врачей. У меня есть сцена, где князю набрасывают мешок на голову и петля сжимает шею, у него начинают сыпать искры из глаз. Медики подтвердили описанные мной ощущения казненного князя.

- Писатель знает вдохновение? Или все-таки это только труд?

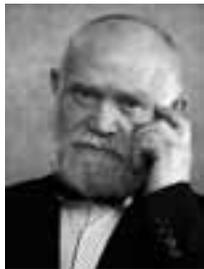
- Девяносто пять процентов труда. Необходимость бежать к столу появляется, когда появляется какое-то вкусное словцо. И вокруг него начинает все крутиться. Вот попало слово «пестрозлобный» - такое яркое, что сразу образ героя высвечен. Старорусские слова, составленные из двух, дают какие-то неожиданные радости. Из двух сроднившихся слов рождается новое третье.

- Что сегодня лежит в объемных черновых папках писателя и краеведа Родионова?

- Готовлю сборники для Тобольска и Барнаула и Горном Алтае. И, думаю, пришло время напечатать в одной книге свои публицистические работы за последние годы. Надо ловить мгновения лет мимо летящих. Упустишь – безнадежно пожалеешь.

Александр
Родионов

Бунт «пробежной воды»

Кто же не согласится с тем, что Барнаул рожден на берегах речушки тихой и смиренной, а если не забыть, что она еще и заводские колеса крутила, то есть ежедневно давала жизнь сереброплавильному заводу, то ее еще можно назвать и речушкой работающей. Но труженица Барнаулка, когда ее запряг в работу молодой город, показывала свой неукротимый нрав, и как говорят, — выпрягалась из инженерных оглобель хоть и редко, но доходила до масштабов катастрофы.

У наших старших современников еще в памяти те майские дни 1969 года, когда река, давшая жизнь городу, снова проявила развеселый характер — в воде плавал не только Старый базар, но и близлежащие улицы. Мимо этого события не прошел художник Михаил Будкеев — на его этюдах город запечатлен по колено в воде. Тот припадок неожиданного многоводья не причинил городу особого вреда, чего не скажешь о наводнении 1793 года, о котором повествует в своем рапорте на имя начальника Кольвано-Воскресенских заводов управляющий Барнаульской сереброплавильни Иван Черницын. Фигура этого человека могла благополучно остаться в тени городской истории, когда бы ни «лунный эффект» — Иван Иванович освещен «ползуновской вспышкой»: в те дни, когда «государеву механикусу» выделили четверых помощников и среди них оказался такой же выходец из солдатской семьи, как и сам изобретатель, — Иван Черницын. Человеком он оказался небесталанным, потому и управлял заводом барнаульским более десяти лет (1785 — 1796). На этот период и выпала весна буйного майского половодья, когда вода и мельницы ломает. Беду заводскую, точнее ее последствия, под смотрением Ивана Черницына город ликвидировал все лето, и поток из пруда восстановленного снова закрутил колеса воздухоудвухных машин. А иначе бы и колесо карьеры ползуновского ученика не провернулось бы в сторону увеличения оборотов — его в 1796 году указом Кабинета Е.И.В. начальником Нерчинского округа. Да и не бесследно то наводнение — к окончанию века технологическая погода на заводе проявилась — реконструкция и даже строительство новых плавилен стали неизбежностью.

Нерчинск в своей начальной судьбе — профессиональный побратим Барнаула. Две лошадки сибирские: барнаульская и нерчинская и в XVIII, и в XIX веке, впрягшись в телегу русской императорской казны, вывозили ее в область валютного благополучия. И происходило это после неоднократных бунтов «пробежной воды» при деликатном отношении к малым речкам-работягам, без дармовой природной силы которых заводское дело «ни туды и ни сюды».

Иван Черницын

Рапорт о наводнении

7 мая 1793 г.

При здешнем Барнаульском заводе сего мая 2-го числа воды в пруде стояло два аршина восемь вершков при поднятии в прорезе ставней. А как вода того ж числа к вечеру начала оказываться еще в прибыли, тогда в присутствии господина заводов начальника совсем те запорные,

а равно ларевые и в малых ларях хвостовые ставни вынуты вон, и в больших пропускных ларях выше выпускных ставней вырублены доски. Причем плавильное действие на пробежной воде производимо было.

В ночи ж на 3-е число находились при плотине в дежурстве два обер-офицера, которые заметили, что вода, возвысясь на меру трех аршин, остановилась и сто-

яла с полуночи до третьего часа. А к половине четвертого вдруг необычайно прибыла на семь вершков, что видя, дежурные обер-офицеры послали немедленно о сем объявить управляющему заводом господину обер-бергмейстеру Черницыну. О чем от него по приходе в то же время донесено и главному заводу начальнику господину статскому советнику и кавалеру Гаврилу Симоновичу Качке.

По прибытии ж его очевидно вода возвысилась. И к восьмому часу утра 3-го числа возвышалась до четырех аршин десяти вершков. И не помещаясь в прорез, вышел из берегов, протекла мимо казенного дому, в котором жительство имел господин губернатор.

А чтоб оную удержать и не пропустить по Петропавловской улице мимо каменной архивы в крепость, накатываны на плотину для возвышения бревна, заваливая навозом и провождая оную каналом по Гошпитальному проулку, позади казенного строения, для стечения в речку Барнаул ниже крепостной ограды, между тем, стараясь служителями к укреплению в разных местах плотины и отведения воды. В то же время вынесен порох из каменного погреба, стоящего на возвышенной местности, подле горы.

К десятому часу, возвысившись до пяти аршин двух вершков и разорвав оплоты, коими течение ее отводилось от казенной каменной кладовой, устремилась подле оной в крепостные ворота, мимо лаборатории, первой фабрики по площади, на которой лежали руды (кои своим течением размыла и немало унесла), стекая в реку ниже сливного мосту. Также по канаве мимо экспедиции, конторы и магазинов, сломав своим стремлением стоящие перед оными важни и два звена крепостной ограды, несла с собою находящейся в заводе за магазинами на площади уголь и шла уже всею плотиною в завод.

А чтоб не могла причинить большего вреда плотинной насыпи, вырублено было от горы семь звен крепостной ограды. Вода же во оные текла шириной на двадцать одну сажень, глубиною от одного до одного с половиною аршина. В то же время, сломав своею силою и в других оную местах, повредила сарай, в котором хранились артиллерийские орудия и припасы, и часть оных разнесло. Тогда

остановились действующие с разделением серебра три трейбофена и застужены находящиеся в них металлы, а хранящееся в первой плавильной фабрике в ящике серебро в присутствии командующего заводом перенесено в разливочную каменную палату.

К двенадцатому часу до полудни ж, возвысившись до пяти аршин пяти вершков, убыла к исходу онаго на один с половиною. В первом часу пополудни сбыло еще на один вершок. В том же часу по задней части крепости на выпускном из заводу режу стоящий мост с решеткою от наводнения снесло, коим прорвало ниже ононого, против рынку, мост же.

В исходе восьмого часа, видя опасность для каменной кладовой, которую гораздо подмывало, господин заводов начальник приказал: как во оной хранилась заводская денежная казна и письменные дела, войдя с задней стены в верхнем этаже в окно, выбрать денежную казну, состоящую из ассигнаций и серебряной монеты, и другия нужные вещи, каковыя по предстоящей тогда опасности выбрать было можно. И, выломав в той же стене в нижнем этаже фальшивое окно, выбраны были письменные дела. В девятом часу той кладовой стена, верхней этаж и угол, где хранилась губернская денежная казна, не могли более противустоять силе стремления воды, обрушились.

Вышее ж по пруду от дому господина Донскова стоящей подле ононого дом же господина губернатора, которой, окружен будучи водою, в исходе сего часа начал обрушиваться с переднего угла. К исходу же одиннадцатого часа оной, выключая конюшен, завозни и каменного погреба со всеми службами, в вымытой прорыв обвалился и снесен.

С седьмого до двенадцатого часу полуночи на 4-е число вода стояла на одинаковой мере, а с того времени пошла на убыль. И к 3 часу утра, сделав прорыв больше, от конца плотины текла с необыкновенным стремлением прямо на тюрьму и гобвахту, которые в начале четвертого часа и снесены водою. В сие время несенным льдом и лесом сломало у пепельной избы огороженные в столбах три стены и размыло печь. В том же часу претерпело равную участь и губернское правление, стоящее на одной связи с горною экспедицией.

Улица Петропавловская - ныне улица Ползунова. Госпитальный переулок - ныне проспект Красноармейский.

Павел
Пономарев

Фантазии старого города

Когда я прогуливаюсь по улицам старого города, то мысли почему-то всякий раз обращаются в прошлое, просыпается фантазия, а в голове начинают возникать возможные и невозможные истории старого Барнаула. Вот здесь, в двухэтажном бревенчатом доме, в жаркие июньские дни две сестрицы широко раскрывали окна и подолгу пили чай, хохоча и указывая пальчиком на проходящих мимо семинаристов. Юные бурсаки были невозмутимы, делая вид, что им все равно; они только что вычитали акафист святому и были жутко голодны. Семинарист Бурда несколько раз порывался достать уже несвежий бублик из кармана, чтобы честно разделить его с однокашниками, но пойманный случаем смирился...

Здесь же, неподалеку от идущих семинаристов, на Соборной площади, возле выбеленной стены дома стоял А. Врангель и ждал Достоевского. Тот опаздывал, так как у жены снова открылся чахоточный кашель, и ей требовалась помощь. Врангель смотрел на скученные избы, расположенные на самой верхушке зеленой горы и

Ф. Константинов. Гравюра к произведению Ф.М. Достоевского.

думал о пасынке Достоевского Павле, о бесстыдстве ленивого недоросля и попрошайки. Барнаульский друг писателя несколько раз уже порывался сказать Достоевскому о том, чтобы тот плюнул на бездельника, но, чувствуя его сквозной непередаваемый взгляд, всякий раз отступал. Через некоторое время на недорогом извозчике приехал Достоевский с Марией Дмитриевной. Врангель обещал подыскать неплохое жилье на время пребывания супругов в городе, так как жена писателя по причине болезни часто была в истерике, и больше всего доставалось, конечно, Феде.

- Думаю, вы простите нас А.Е... - начал было оправдываться Достоевский. - Непредвиденные обстоятельства.

- Что вы, что вы! Предлагаю выпить воды с сиропом и идти к Семенову, - ответил Врангель.

- О чем вы, А.Е., - сказала

Мария Дмитриевна, - меня до сих пор лихорадит. Если возможно, сразу же к Семенову, без промедления.

Мужчины молча переглянулись, и все вместе отправились в сторону булочной с яркой вывеской, на которой были изображены коричневые сушки и пышные, несколько почерневшие от дождя, караваи.

У Семенова Достоевский был как-то странно задумчив и молчал. К удивлению Федора Михайловича, дом Марию Дмитриевну устроил, хотя не обошлось и без каприза. Сразу же после приветствия хозяина она велела показать ей комнату, где они будут находиться, и мгновенно скрылась. Семенов и Врангель, оставив супругов одних, вышли на улицу.

Когда Достоевский заглянул в комнату, жена уже спала и как-то тяжело, страшно дышала, как дышат чахоточные. В карманах широких брюк он отыскал папиросы и, подойдя к окну, закурил. «Мерзкий городишко, однако, - подумал писатель, - но что-то в нем есть этакое...». - «Там, у площади, очень напоминает Невский, хотя и мелко-вато...». - «Да... мелочность, мелкие нравы».

Достоевский посмотрел на ломберный столик и ему захотелось выпить вина, но вина нигде не оказалось. Открыв чемодан с вещами, писатель разыскал немного денег, надел сюртук и вышел на улицу.

Вечерело. В отдаленных глухих окраинах города зловеще лаяли собаки, завывая по-волчьи, отчего мысли о петербургском сходстве из головы гения сразу же улетучились. Зайдя в первую попавшуюся бакалею, Достоевский купил вина, и, глядя на рыжебородого с востренькими глазками торговца, зачем-то заговорил с ним:

- И всегда у вас так собаки лают?
- Собаки-то, отчего же им не лаять, на то ить и собаки.
- Да...
- А вы приезжий будете, значит, из далеких к нам краев.
- Из Семипалатинска.
- А-а-а... С женой или, так сказать, холостыми-с.
- С женой. Болеет жена — чахотка.
- Да-с, с чахоткой шутки плохи. Вот давеча в доме, где господин Семенов проживает с семьей-с, девушка померла, отроду семнадцать лет. Видано ли... Семья нуждалась очень, вот она и пристала, подлая.

Достоевский на мгновение почувствовал острую боль в висках и переспросил:

- Кто она?
- Все она — болезнь, больше некому.

Боль в висках усилилась и сознание помутилась. Федор Михайлович скорее вышел на воздух, оставив вино в бакалее. Он шел очень быстро, ничего не видя вокруг, но зато лай стал слышен до невозможности ясно и громко. «Сотни и тысячи их воют и лают всю ночь...» - промелькнули в сознании писателя странные слова. Подойдя к дому, Достоевский зачем-то остановился и стал осматривать старое двухэтажное здание с покривившимися крылечками и одиноким флигелем, заросшим сиренью. Вглядываясь в желтые, засиженные мухами окна, ему на мгновение показалось, что за стеклом стоит Мария Дмитриевна и как-то странно на него смотрит. Достоевский, сорвавшись с места, как только мог быстро взбежал по деревянной лестнице, открыл дверь, пытаясь прокричать: «Маша! Маша!». Но вместо этого выходил только животный крик, похожий на вой загнанного охотниками волка: «Кхоо-ии!!!».

Через пару дней, прибирая кое-какие вещи, Семенов наткнулся на исписанный мелким бисерным почерком листок, где было изложено следующее: «Мужик в бакалее. Глаз острый, с хитринкой. Рогожин. Дом с желтыми стеклами, грязь, мухи. Христос. Мальчик. Лай собак, волки; глушь. Купить папирос в дорогу. Сходить с Машей в храм. Долг № Врангелю».

В начале XIX в. первые виды алтайских городов и поселений были выполнены приехавшими из России художниками, в их творчестве был воплощен и облик Барнаула. Следующий значительный шаг в изображении городских видов на Алтае сделан в начале 1860-х гг. художником Павлом Кошаровым (1824–1902), личностью для Сибири уникальной: пятьдесят лет им было отдано региональному искусству.

Барнаул в рисунках Павла Кошарова

Дмитрий Золотарев

Павел Михайлович Кошаров родился в семье дворового человека князей Голицыных, в селе Ивановском Владимирской губернии Покровского уезда. В пятнадцать лет он получает вольную и поступает в следующем году в Академию художеств. В натурном классе он недолго обучался у самого Карла Брюллова. Из-за недостатка материальных средств в 1846 г. П.М. Кошаров обратился в Департамент народного просвещения с просьбой предоставить место учителя в симферопольской гимназии. Живя в Крыму, он не только преподает, но и совершенствует свои художественные навыки, посещает мастерскую И.К. Айвазовского. В 1850 г. вновь возвращается в Петербург, занимается в Академии художеств у известного художника-пейзажиста М.Н. Воробьева. Спустя год уезжает в Томск учителем рисования.

О плодотворной деятельности молодого художника писал в 1912 г. А.В. Адрианов: «На месте он проявил большую трудоспособность, отдавая все свободное время от учительства рисованию. У него накопилось рисунков масляных и карандашных, воспроизводивших улицы Томска, сцены, типы; особенно он любил зарисовывать Томск, когда он был очень грязным или пыльным, когда его постигало наводнение и т. п. Много писал он по заказу икон и портретов. В летнее время он делал поездки на Алтай и вывозил оттуда целые альбомы пейзажей. В 1857 г. он сопровождал П.П. Семенова в качестве рисовальщика в его экспеди-

цию в Тарбагатай и Тянь-Шань. Из накопленных им картин и этюдов он устраивал иногда выставки — первые не только в Томске, а вероятно, и в Сибири».

В Томске хранится обширная коллекция его живописных и графических работ, в том числе посвященных пейзажам Горного Алтая.

Художник целенаправленно работал в жанре городского пейзажа. В его наследии присутствуют пейзажи сибирских городов. Специалисты высоко оценивают достижения живописца и считают его «одним из интереснейших художников архитектурного пейзажа в сибирском изобразительном искусстве второй половины XIX столетия».

Особого внимания заслуживают виды Барнаула. Они известны не в подлинниках, сделанных рукой автора, а по воспроизведениям в печатной графике мастерами того времени.

Первое и наиболее известное изображение — это вид «Серебро и золотоплавильный завод в Барнауле», опубликованный в «Русском художественном листке» за 1861 г. Следовательно, художник был в Барнауле в 1860-м или 1861 г. По технике исполнения — это цветная литография. Слева находится подпись гравера: «лит. В. Тимма».

В советское время Василий Федорович (Вильгельм Фридрихович) Тимм считался совершенно забытой фигурой для отечественного изобразительного искусства. Искусствоведов более занимал эпи-

зод неудачной женитьбы Карла Брюллова на его сестре, чем все наследие Тимма. В последние годы происходит кардинальная переоценка его личности. В искусствоведческих журналах появляются первые публикации о нем, музеи начинают искать в своих коллекциях его живописные и графические работы. Как итог этих исканий — выход в свет красочного альбома о его жизни и творчестве. Сейчас В.Ф. Тимм — известнейший график и живописец XIX в. Он автор эффектного портрета Николая I на коне и других живописных полотен из жизни царской семьи. Но больше всего он прославился как издатель и художник одного из первых отечественных иллюстрированных изданий — «Русского художественного листка». Именно ему и его журналу была посвящена ода Федора Глинки:

*От полярных стран до Рима
Карандаш волшебный Тимма
И живой его Листок
Знает Север и Восток.*

Журнал активно печатал виды различ-

ных русских городов, в том числе провинциальные (виды Новгородской губернии, вид Воронежа и др.). Тимм привлекал к работе художников «с мест», которые высылали ему свои оригинальные рисунки с изображением тех самых городов. А он переводил их графические работы в печатную форму. Так произошло и с видом Барнаула.

Литография с видом Барнаула является ценным документальным источником, а также типичным художественным памятником печатного искусства своего времени.

В работе художник соблюдает принцип трехплановости. Первый и второй планы объединены песчано-коричневым цветом, третий — исполнен в холодной гамме. На первом узком плане изображена дорога с тремя лошадьми и подводами. Второй план — самый продолжительный. Смысловым центром композиции являются корпуса заводов с величественными фасадами в стиле классицизма. Отчетливо видны прилегающие к заводу вспомогательные строения (важня и

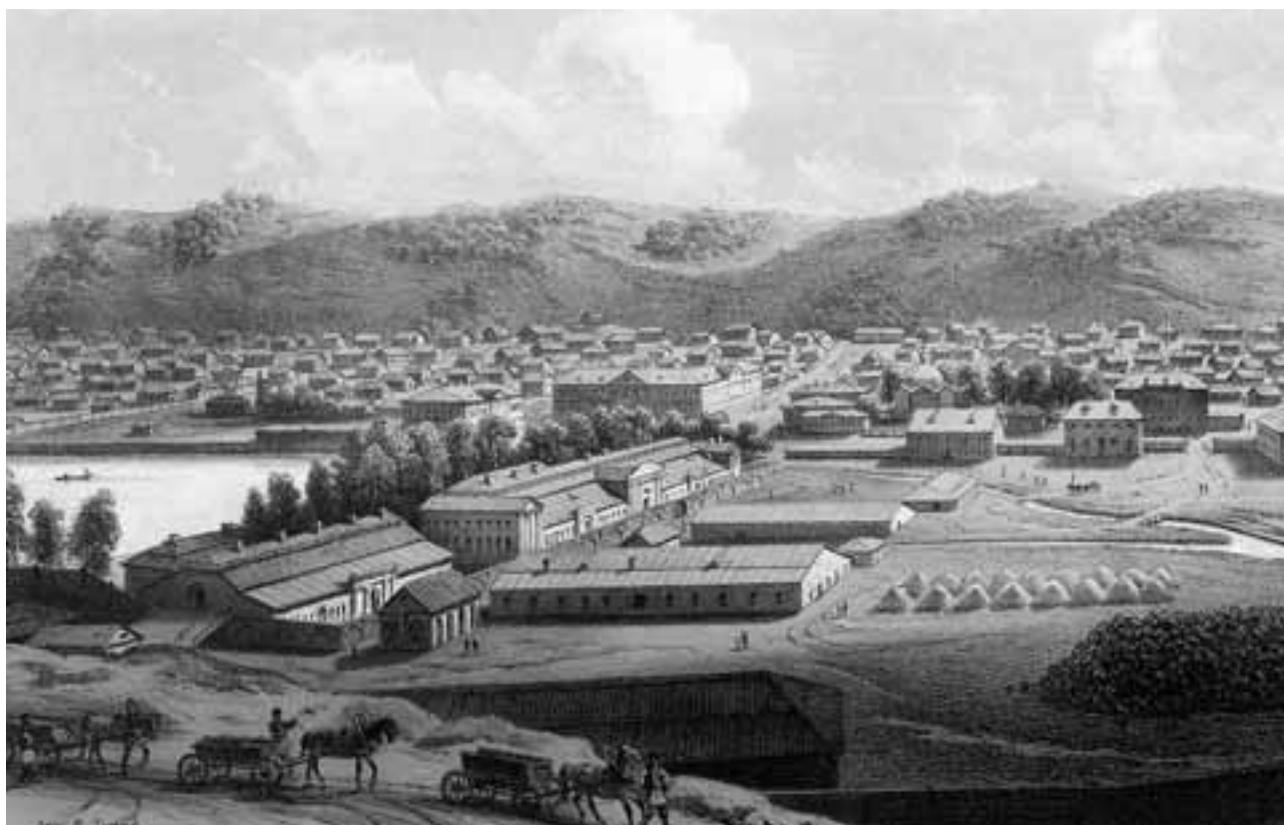

Рисунок предоставлен КГУ «Государственный архив Алтайского края»
ф.р. – 1754. Оп. 1. Д. 4.

др.). Левее заводских построек находится заводской пруд, отделенный от корпусов рядом высоких деревьев. Изображение завода доминирует, но взгляд художника выделяет Петропавловую улицу и Демидовскую площадь. Все здания переданы с документальной скрупулезностью. Литография содержит краткую экспликацию, в которую вошли и названия зданий, находящихся на улице, (музеум, лаборатория).

Интересный факт: художник не указывает в экспликации здание тюрьмы, ее изображение присутствует анонимно. Архитектурный ансамбль Демидовской площади включает лазарет, училище, горное правление. Особый интерес вызывает изображение церкви (церкви Дмитрия Ростовского), ныне утерявшей первоначальный облик. Вдали находились городские строения: «жительство мастеровых».

Третий план – «романтический». Он изображает холмистую, необжитую местность, тогда пустынную, сейчас же полностью застроенную.

Литография не выходит за рамки опыта видописи. Для П.М. Кошарова важ-

на документальность, повествовательное начало. Художник выразил главную особенность планировки города: четкую сетку улиц, рациональность застройки. Город вписан в окружающий ландшафт, является одним органическим целым с природой. Вместе с тем, именно завод и город выступают центрами, организующими окружающее пространство. Существенный момент: Кошаров изображает не весь город, а только его промышленный и административный центр, что приводит к фрагментарности. Во фрагмент не попали вертикали церквей, по этой причине данный вид Барнаула не напоминает ни одно другое изображение русских провинциальных городов XIX в.

Второй вид – «Демидовская площадь в Барнауле». Он был напечатан в том же 1861 г. в журнале «Всемирная иллюстрация» без указания авторства. Первоначальный рисунок обрамлен орнаментальной рамкой, углы самой гравюры закруглены. Вид снабжен краткими подписями. Это первое изображение Барнаула, где не доминирует панорамный подход. В нижнем правом углу находятся три удаляющиеся подводы, которые могут быть расценены как косвенное свидетельство авторства Павла Кошарова, его своеобразная подпись. Художник показывает часть, фрагмент города, живущего своей повседневной жизнью и одновременно воспринимаемого современниками уголком Санкт-Петербурга.

Барнаул начала 1860-х отвечал высоким требованиям искусства классицизма: эстетическое (архитектура) находится в нерушимом союзе с естественным (окружающим ландшафтом). Не случайно так высоки были оценки, выносимые городу людьми того времени. Заметим, что документально изображенный П.М. Кошаровым и В.Ф. Тиммом Барнаул более всего соответствует времени пребывания в нем Ф.М. Достоевского, а, следовательно, может быть включен в контекст его творчества. Также следует отметить, что вскоре Барнаул стал объектом наблюдения не художников, а фотографов, дотошно запечатлевших город и оставивших обильный фотографический материал, до сих пор служащий пояснением его городского феномена.

Типичный зимний пейзаж П.М. Кошарова. 1890 г.

Вот уже больше трех лет я веду рубрику «Истории Барнаула» в журнале «Автограф». В ней барнаульцы рассказывают о СВОЕМ городе – наиболее памятных и интересных им местах. За это время накопилось несколько десятков интервью. Я выбрал из них фрагменты, посвященные Ленинскому проспекту, добавил воспоминания, опубликованные в вышедших в последние годы книгах, и получились записки о Барнауле советской поры, в основном, о городе второй половины XX века.

Ленинский и окрестности: прогулки по советскому Барнаулу

Дмитрий
Негреев
Фото из архива
редакции

До Октябрьской революции главная улица Барнаула называлась Богородицким переулком, а позже проспектом Бульварным, Московским проспектом, Советским проспектом, а с 1924 года (после смерти В.И. Ленина, официально – с 1927 года) – проспектом Ленина.

Протяженность Ленинского проспекта больше восьми километров – от площади Баварина у речного вокзала до проспекта Космонавтов. До площади Советов проспект идет вверх, поэтому применительно к нему принято говорить «вверх» и «вниз».

Главная улица Барнаула, в сущности, является не проспектом, а бульваром. Проспект – это просто большая широкая прямая улица. А бульвар – улица со скамьями, цветниками и аллеями, предназначенными для пешеходного движения. Именно так и выглядит барнаульский проспект Ленина, по середине которого от Старого базара до площади Октября тянется обсаженная деревьями аллея, заложенная еще в XIX веке, – одно из любимых мест прогулок горожан.

В 1960-е годы вдоль аллеи на проспекте Ленина стояла чугунная ограда, кото-

рая еще больше делала его похожим на знаменитые московские бульвары. Потом ее убрали. Рассказывают, что это случилось после того, как в Барнаул приехал один из членов Политбюро и, увидев ограду, сказал: «В стране металла не хватает, а вы тут...». Сейчас такая ограда сохранилась на площади Свободы, на площади Октября у Художественного музея и еще в нескольких местах.

«Это главная ось Барнаула. Ленинский проспект от площади Советов до площади Октября уникален, - говорит архитектор Александр Деринг. - Застройка отличается особой гармоничностью, потому что велась примерно в одно время как законченный, завершенный ансамбль».

Но мы вместе с нашими героями мысленно пройдем по Ленинскому от самого его начала до ДК «Сибэнергомаш». Здесь есть что посмотреть и о чем рассказать.

Старый базар

«В 1950-е годы в Барнауле был один рынок – Старый базар на месте Базарной площади. Там располагались старые деревянные постройки: лавки, амбары, - вспоминает жительница Барнаула Татьяна Славнина. - В конце улицы Ползунова была так называемая толкучка, где барнаульцы продавали ненужные вещи». *(Барнаул в воспоминаниях старожилов. Ч. 1 / отв. ред. Л.М. Дмитриева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 241.)*

Базар между улицей Мало-Тобольской и рекой Барнаулкой появился в конце XIX – начале XX века. Старый базар и прилегающий к нему район обладали особым колоритом. Они были как

бы из далекого прошлого и долго сохраняли дух старого времени. Эти места изменились почти до неузнаваемости после строительства речного вокзала, двухэтажного здания рынка в 1986 году (с тех пор он официально называется «Центральный рынок», но старое наименование до сих пор живо) и особенно Нового моста через Обь в середине 1990-х годов.

До постройки в 1986 году двухэтажного рынка на Старом базаре было несколько одноэтажных корпусов – в одном торговали мясом, в другом фруктами и овощами, были еще какие-то деревянные ряды, в которых торговали зерном, скотскими изделиями, еще чем-то.

- ...Старый базар в далекие пятидесятые-шестидесятые годы находился на том же месте, что и в конце XIX – начале XX века, и сейчас Центральный рынок расположен между улицей Мало-Тобольской и Барнаулкой. Первое упоминание о рынке относится к 1847 году.

Территорию базара от улицы отделяла узкая аллея из трех рядов кленов, хотя, по сути, магазины на Мало-Тобольской являлись неотъемлемой частью его, ведь до революции старые здания из красного кирпича принадлежали купцам Сухову и Лалетину, равно как и часть рынка с торговыми корпусами. Угловой гастроном № 69 смотрел одной половиной окон на трамвайное кольцо, городской парк культуры и отдыха (парк Центрального района), другой – на рынок. Далее шли магазины «Ткани», «Обувь», «Хлеб», «Молоко». А за общественными туалетами, скрытыми в кленовом палисаднике, стоял магазин «Хозяйственный» (современный «1000 мелочей»). На втором этаже этих зданий располагались различные учреждения, - рассказывает барнаулец Владимир Коржов. *(Владимир Коржов. Городские окраины. Барнаул, 2008. Сс. 49-50.)*

За Барнаулкой была керосиновая лавка, помню, в конце 1960-х — начале 1970-х годов она еще работала. «Три ступеньки вниз... Это просто Шагал, который всегда говорил: «Я рисую то, что запомнил до пятилетнего возраста. Это то, что я вижу во сне», - рассказывает уроженка Барнаула, петербургская художница Ольга Лукина.

- ...От приземистого дома из красного кирпича, магазина по продаже керосина, змеился длинный хвост очереди. Очередь была отнюдь не за керосином. Керосина хватало. Очередь стояла за денатуратом, синюхой, синьком, за «коньяком лорда — две кости морда» - так мужики метко и уважительно звали денатурат за крепость, забористость, дешевизну. На этикетке бутылки, почти как на пиратском «Веселом Роджере», красовался череп с двумя скрещенными костями, а под ними вилаась надпись: «Яд — пить нельзя!». Но все равно пили много! - Владимир Коржов добавляет забывающиеся детали советского быта. (*Городские окраины. С. 25.*)

Квартал госбезопасности

Квартал между улицами Ползунова и Пушкина, Ленинским и Социалистическим проспектами с 1930-х до начала 1970-х годов занимал комплекс зданий госбезопасности. НКВД-КГБ размещался в бывшем торговом доме купца А.Г. Морозова, основанном в 1909 году. Краевое управление внутренних дел после Великой Отечественной войны находилось на противоположной стороне Ленинского проспекта, на углу улицы Пушкина. В недавно разрушенном здании кинотеатра «Пионер» был клуб для сотрудников, затем Театр музыкальной комедии. Детский кинотеатр открылся в 1973 году.

Кстати, то здание на улице Пушкина, где сейчас расположен Театр кукол «Сказка», тоже строили для милицейского клуба, но передали детям. На месте театра раньше были кинотеатры «Горн» (с 1927 года) и «Победа» (с 1944 года). Здание на проспекте Ленина, 5, принадлежало управлению внутренних дел. В 1966 году дом передали мединституту.

На углу Ленинского проспекта и улицы Ползунова сохранилась кованая же-

лезная ограда, которая имеет большую историю, ее мне поведал журналист Юрий Масалов.

- В 1935 году был разрушен самый старый барнаульский собор — Петропавловский. На его месте на площади Свободы сейчас небольшой сквер. Собор был обнесен железной решеткой, изготовленной барнаульскими кузнецами во второй половине XIX века. Когда собор разрушили, решетку перенесли к комплексу зданий НКВД. Мне об этом рассказывал Борис Андреевич Вахрушев, один из организаторов телевидения на Алтае, режиссер, ученик Александра Яковлевича Таирова. Как-то мы проходили по Пушкинской, он остановился возле снесенного недавно кинотеатра «Пионер» и рассказал, что мальчишкой видел, как ломали собор, как переносили эту решетку. «Представляешь, она, может быть, помнит Достоевского», - сказал он.

Шаг в сторону: площадь Свободы

Площадь Свободы, расположенная между улицами Ползунова, Пушкина и Социалистическим проспектом, до 1917 года называлась Соборной площадью. В этом месте (в сквере, где сейчас клумба) стояла деревянная церковь, а в начале 70-х годов XVIII века был построен каменный собор Святых Петра и Павла. Отсюда и прежнее название площади и Соцпроспекта — до 1927 года он назывался переулком, а затем проспектом Соборным.

При Петропавловском соборе в XVIII веке было кладбище, считается, что на нем похоронен Иван Ползунов. Именно поэтому сейчас там, со стороны одноименной улицы, стоит памятный знак в честь изобретателя парового двигателя. В 1935 году собор разобрали, он остался только на старых фотографиях и открытках.

До 1950-х годов площадь Свободы была главной площадью города – здесь проводились демонстрации 1 Мая и 7 ноября, которые затем перенесли на Октябрьскую площадь. А на площади Свободы стали устраивать новогодние праздники с елкой и горками для детей.

Пушкинский сквер

Сквер между улицами Пушкина и Гоголя несколько раз менял свой облик. Свой нынешний вид он обрел в 1999 году, когда к 200-летию А.С. Пушкина по инициативе творческой интеллигенции был поставлен памятник поэту. Открытие памятника состоялось 5 июня при стечении нескольких тысяч барнаульцев. Авторы монумента – скульптор Михаил Кульгачев, архитекторы Сергей Боженко и Валерий Митрофанов. Отлили памятник на барнаульском «Трансмаше» из цветного металлолома.

До этого сквер реконструировался в 1980 году к 250-летию Барнаула. Тогда была установлена ваза из ревневской яшмы, изготовленная на Колыванском камнерезном заводе. Эту вазу, рассказал писатель и журналист Анатолий Кирилин, делал художник Георгий Алексеев.

- Ольга и Георгий Алексеевы работали в Колывани. Как-то летом я поехал к ним. Пытался что-то писать, но в основном был на заводе, осваивал азы камнерезных специальностей. Познакомился с замечательными ребятами-камнерезами, которые целым выпуском приехали на Алтай из нижнетагильского училища. Жора Алексеев начал на заводе разрабатывать флорентийскую мозаику, в которой используется природный камень, резаная из него так называемая фанера. Сейчас в Барнауле уже несколько образцов такой мозаики, самая крупная – на речном вокзале. Вот эта ваза была, неверное, первой за советскую историю

сделана для уличного интерьера. Помню тот вечер, когда с нее снимали целлофан, а Жора поливал ее водкой, – бить об нее бутылку шампанского было грешно. Все-таки тонкое изделие.

А еще раньше, в 1960–1970-е годы, сквер выглядел совсем не так. В центре него располагался фонтан, по углам которого было четыре рыбы. Пятую рыбу держали два мальчика, фигуры которых были установлены в центре фонтана. Нетрудно догадаться, что вода лилась из открытых рыбьих ртов.

Позади фонтана, примерно там, где сейчас кафе «Регата», находился летний павильон с блинами, мороженым в алюминиевых креманках и кофе.

«Не знаю, что мне сегодня дороже – фонтан с рыбками или что-то другое, более интересное в архитектурном отношении, – рассуждает Анатолий Кирилин. – Фонтан ничего собой не представлял, но создавал какое-то настроение. Как бы вот достичь этого настроения с нашими мощными фонтанами на нулевом километре на площади Советов. А вот не получается».

Скорее всего, это не брюзжание, а ностальгия по Барнаулу 1960–1970-х, которого с каждым днем становится все меньше и меньше.

А до революции между улицами Пушкина и Гоголя стоял пассаж Смирнова, построенный в 1909 году. «Он занимал весь квартал, был в виде буквы «П», – рассказывает профессор Алтайского государственного университета, доктор исторических наук Валерий Скубневский. – Это был самый большой в городе магазин, построили его в 1909 году. Здание было кирпичное, двухэтажное, с трехэтажными завершениями по углам.

Здесь торговали всем — текстилем, одеждой, обувью, швейными машинами, ювелирными изделиями, мехами, был погреб с марочными винами.

В 1914 году, когда началась Первая мировая война, был погром, здание частично пострадало, но его надстроили, появился третий этаж. Но 2 мая 1917 года пассаж сгорел во время знаменитого барнаульского пожара. После пожара остался один остов, и восстанавливать здание не стали».

Раскопки площади под бывшим пассажем Смирнова были проведены в 1937 году, при этом из земли извлекли 15 тысяч штук добротного кирпича. Устройство сквера (были высажены деревья и кустарники) и строительство кафетерия на этом месте началось в 1941 году.

«Родина»

Первым специально построенным кинотеатром была «Родина» (автор проекта — московский архитектор Г.К. Френк). До этого кинотеатры размещались в приспособленных помещениях. «Родина» открылась 5 ноября 1941 года демонстрацией в двух ее залах художественных фильмов «Ленин в 1918 году» и «Волочаевские дни».

До реконструкции в «Родине» был балкон, где ожидавшие начала сеанса зрители могли посмотреть кинохронику. Кассы находились на улице — слева и справа от входа. В «Родине» не было туалета для зрителей, он располагался в отдельном здании слева от кинотеатра.

«Динамо»

Напротив «Родины» - стадион «Динамо». Он существует с 1927 года (до этого здесь с 1923 года была спортплощадка для совторгслужащих). В 1940-1941 годах построили трибуны для зрителей, гаревую дорожку. В 1952 году была проведена реконструкция. Вместимость южной трибуны увеличили с 800 до 6000 мест. Во второй половине 1960-х годов прошла еще одна, коренная реконструкция. На стадионе сделали футбольное поле с дренажным покрытием (на зиму поле закрывали пленкой, которая раскатывалась и скатывалась при помощи специального механизма), трибуны на 22 ты-

сячи мест, раздевалки, тренировочное поле, теннисный корт, установили вышки для искусственного освещения.

Зимой на «Динамо» устраивали каток. Сначала заливали поле, после реконструкции 1960-х годов лед стали заливать только на беговой дорожке и верхней площадке, где сейчас ставят торговые палатки. Стадион «Динамо» и каток был любим многими поколениями барнаульцев.

Дементий Паротиков, актер Краевого театра драмы, народный артист России:

- Одним из любимых мест для детей и молодежи города в предвоенные годы был стадион «Динамо». Деревянные трибуны с небольшим количеством мест и не очень ухоженным полем. Зимой поле превращали в каток, и мы, пацаны, почти каждый вечер толкались там, каток был бесплатным. Нам там было уютно. Звучала приятная музыка, ледяное поле было подсвечено прожектором, и мы гоняли по кругу на коньках, развлекаясь и веселясь. Правда, не у всех были коньки, но те, кто имел их, делились спортивным инвентарем с неимущими. Каток посещали и взрослые. (*Барнаул в воспоминаниях старожилов. С. 183.*)

Валерий Брюханов, профессор, ректор АГМУ:

- Сейчас я уже не болельщик, но в школьные годы (*начало 1950-1960-х годов. — Прим. авт.*) мы страшно любили ходить на футбол. Помню даже каких-то игроков того времени: вратарь Караваев, нападающий Борис Брыкин... В памяти остался каток «Динамо», тогда заливали поле. Мы практически каждую субботу компанией туда ходили. На катке всегда играла музыка, и всегда новинки.

Владимир Коржов:

- В пятидесятые-шестидесятые был повальный культ катания на коньках. Катались почти все горожане от мала до велика. Из репродукторов, в порхании снежинок, звучали модные тогда мелодии: «Эх, Андрюша, нам ли жить в печали», «Марина, Марина, Марина», «Жил

да был черный кот за углом» и другие. (*Городские окраины. С. 71.*)

Владимир Семенов,
депутат Государственной думы:

- Очень много связано со стадионом «Динамо» - здесь прошло почти все детство, с первого класса и, наверное, до девятого включительно (*середина 1970-1980-х годов. — Прим. авт.*). У нас было повальное увлечение коньками, все ходили на каток. В понедельник был выходной, а все вечера со вторника по воскресенье мы проводили здесь. На «Динамо» заливали всю площадку наверху, где сейчас стоят торговые палатки, а внизу беговую дорожку вокруг поля. По кругу кататься было неинтересно. Там очень чинно прокатывались курсанты-летчики с девушками.

В 1970-е годы на «Динамо» летом устанавливали экран и показывали фильмы. Таким образом, стадион становился летним кинотеатром, сеанс начинался поздно вечером, когда темнело. Кажется, в 1970 году на стадионе устраивалось большое театрализованное представление, посвященное Победе в Великой Отечественной войне.

Дом правосудия - бывший крайком

До сентября 1991 года в здании на проспекте Ленина, 25, находился крайком КПСС. Монументальное здание в традициях архитектуры 1930 годов занимает целый квартал от улицы Анатолия до улицы Интернациональной. Построено по проекту архитектора А.В. Баранского.

После запрета КПСС в августе 1991 года на здание крайкома претендовали многие, в том числе в нем планировали разместить Диагностический центр. Но в октябре первый губернатор края Владимир Райфикешт, выполнив указ президента Бориса Ельцина, передал здание краевому и барнаульским районным судам.

Изначально в 1930-е годы этот дом строился не для партийных нужд. Рассказывает барнаулец Петр Захаров:

- Кто сейчас не знает великолепное здание Дома правосудия на проспекте Ленина, 25! Строилось оно в 1937 году под Комитет государственной безопасности заключенными. Высокий плотный забор, четыре вышки по углам, собаки и колючая проволока, окружавшая стройку. Как мне рассказывал Николай Васильевич Воробьев, председатель Госархстройконтроля, здание было почти готово, и КГБ решил срочно его заселить. Въехали и доложили Сталину. Но наверху, видимо, было принято решение о выделении Алтайского края из состава Западно-Сибирского края. Иосиф Виссарионович выслушал рапорт и приказал это помещение освободить и утром доложить ему. Всю ночь выселялись, но утром доложили. Здание отдали краевому комитету ВКП(б). (*Барнаул в воспоминаниях старожиллов. С. 99.*)

В 1950 году «Стройгаз» построил зал заседаний крайкома, расположенный во внутреннем дворе здания.

7 ноября 1938 года на проспекте Ленина напротив крайкома ВКП(б) открыли памятник В.И. Ленину — отлитую из бетона копию скульптуры Сергея Меркурова. Памятник как памятник, каких в СССР было множество. Но наблюдательные англичане, авторы путеводителя по России (издательство Lonely Planet), рассказывая о барнаульской гостинице

«Алтай», отметили, что рядом с ней находится «памятник Ленину в позе тореадора». Почему вождя мирового пролетариата сравнили не с кем-нибудь, а именно с тореадором? Ответ прост. Всему виной поза и драпировка, напоминающая плащ.

Наискосок от крайкома в 1941 году открыли гостиницу «Алтай». На первом этаже в крыле, расположенном вдоль улицы Анатолия, находился одноименный ресторан (напротив в 1960-1980-х годах была стоянка такси), на проспекте Ленина выходил гастроном, открытый в ноябре 1946 года как «коммерческий бакалейно-гастрономический магазин».

Летное училище

Квадрат между улицами Партизанской и Чкалова и Ленинским и Комсомольским проспектами, где сейчас находится Барнаульский юридический институт МВД РФ, занимало летное училище. Полное название: Барнаульское высшее военное авиационное училище летчиков (БВВАУЛ) имени гл. маршала авиации К.А. Вершинина. Оно просуществовало с 1967 по 1998 год, когда было расформировано в связи с сокращением Вооруженных сил РФ.

Выпускник БВВАУЛ, полковник запаса, исследователь истории училища Евгений Жигалов рассказывает:

- Училище было создано на основании Постановления Совета Министров СССР от 18 августа 1966 года. 9 сентября того же года был подписан приказ Министра обороны СССР, в котором местом дислокации вновь создаваемого летного вуза определен дважды орденоносный Алтайский край. <...> Историю Барнаульского летного я слышал много лет назад от человека, сыгравшего главную роль в создании училища.

В тот памятный для училища 1966 год Военно-воздушные силы СССР возглавлял главный маршал авиации Константин Андреевич Вершинин а ВВС Сибирского военного округа командовал генерал-лейтенант Дмитрий Тихонович Никишин.

Вот от Никишина я и слышал эту историю.

Вначале 1966 года на совещании у

главкома рассматривался вопрос подготовки летчиков-перехватчиков истребительной авиации. Никишин предложил создать в Сибири учебную воздушную армию для подготовки летчиков не только истребительной, но и штурмовой, и бомбардировочной авиации (тогда мыслили явно более масштабно, чем сейчас.) На что главком уклончиво ответил, что надо это обдумать со штабом. На том разговор и закончился.

Через месяц главком позвонил Никишину:

- Как ты смотришь, если мы предложим в твоём округе сформировать высшее военное училище летчиков?

- С удовольствием смотрю!

- Тогда подумай, где можно его разместить.

Командующий Сибирским военным округом в помощи отказал:

- Думай, это твой вопрос.

Первый секретарь Новосибирского обкома партии Ф.С. Горячев ответил отрицательно. Слишком хлопотно заниматься такой сложной проблемой.

Председатель Сибирского отделения Академии наук академик Лаврентьев почти согласился, но, услышав о том, что еще и реактивные самолеты будут летать, тут же окончательно передумал.

Первый секретарь Алтайского крайкома партии Александр Васильевич Георгиев после звонка Никишина предложил встретиться и поговорить обстоятельно. Встреча состоялась в тот же день. Командующий прилетел на самолете, на котором они вместе с Георгиевым облетели все предполагаемые места размещения аэродромов училища.

А.В. Георгиев идею создания военного летного училища на Алтае поддержал с первого же дня и сразу начал активно помогать во всех организационных вопросах. Только благодаря Георгиеву армейское командование решилось на размещение училища на территории края. К нему обратились с просьбой позвонить министру обороны СССР Р.Я. Малиновскому, Александр Васильевич эту просьбу выполнил.

Вот так появилось постановление Совета Министров и приказ министра обо-

роны о создании и размещении высшего военного авиационного училища летчиков в Алтайском крае.

Половина выпускников за время учебы освоила три типа самолетов, из них один сверхзвуковой Як-28 - тот самый, что находится на постаменте в училище на Комсомольском проспекте.

Сергей Бузиновский, писатель и журналист, любитель и знаток авиации, рассказывает:

- Это один из 111 экземпляров (Як-28Л), построенных на Иркутском авиазаводе в 1960-е годы. Легкий сверхзвуковой фронтовой бомбардировщик предназначался для точечных ударов по заранее разведанным целям в Западной Европе — по ракетным позициям, командным пунктам и аэродромам. У этого самолета был обогреваемый бомбоотсек для одной трехтонной термоядерной бомбы и уникальная разностно-дальномерная система наведения «Лотос». Отсюда буква «Л» в названии. Эта система была немецкой разработкой времен Второй мировой войны. Две станции управления, расположенные далеко от линии фронта, навели самолет на цель с точностью до 50 метров — днем и ночью, в любую погоду. Идея была замечательная, но натовцы быстро научились забивать «Лотос» помехами. Так как оптического прицела на самолете не было, штурманы приспособились прицеливаться по метке, нанесенной перед полетом на стекло кабины кусочком гудрона. В шутку этот способ именовался «бомбить по сапогу».

Як-28 был довольно строгим в пилоти-

ровании, и от летчика требовалась высокая квалификация. При этом все модификации Як-28 очень неохотно выходили из штопора. В инструкции было сказано: если не удастся вывести машину до высоты 4000 метров, экипаж должен покинуть самолет.

До открытия летного училища в этом военном городке располагалась школа авиационных механиков. А до Октябрьской революции в казармах на Партизанской улице был расквартирован 240-й Сибирский полк. Никольская церковь бы построена по просьбе командования этого полка. При советской власти в ней находился клуб для военных. Назад верующим церковь была передана в мае 1991 года, когда с визитом на Алтай прибыл Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Рассказывает архитектор Александр Деринг:

- Гарнизонная Никольская церковь на проспекте Ленина — очень интересный памятник архитектуры. Она была построена в начале XX века. В 1912 году в ней праздновалось столетие Бородинской битвы, а в 1913 году — трехсотлетие Дома Романовых. Мои воспоминания о Никольской церкви связаны с перестройкой, когда храм еще представлял собой клуб летного училища, но уже передавался церкви. Наша реставрационная мастерская осматривала храм, и уже первые исследования дали богатый материал.

Под сценой клуба обнаружился оригинальный асфальто-бетонный пол церкви с росписью (орнаментом), сделанной масляной краской. Это была полковая церковь, сюда солдаты заходили строем, и половое покрытие сделали очень экономично.

В углах храма мы обнаружили остатки печей. Исследования показали, что от печей внутри стен шли большие борозы, и таким образом получалось воздушное отопление.

Основного барабана и колокольни на церкви-клубе не было, но оставшиеся от них следы мы нашли на крыше. Проект реставрации делали в основном по фотографиям.

А вот узнать, кто был архитектором собора, не удавалось долгие годы. Только пару лет назад мне случайно попался альбом «Храмы Санкт-Петербурга», в котором я увидел нашу Никольскую церковь. Там было сказано, что ее архитектором являлся Александр Успенский, сын знаменитого русского писателя Глеба Успенского. Узнать об этом архитекторе удалось мало. Правда, выяснилось, что он трагически погиб в 35-летнем возрасте.

Мединститут, или Чем мы обязаны приезду вождей

На углу проспекта Ленина и улицы Чкалова стоит главный корпус медицинского университета (в прошлом — института), красивое здание, построенное в начале 1950-х годов в стиле сталинского классицизма. Интересна история появления в Барнауле медицинского вуза.

В 1954 году на Алтай приехал первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев. Его везут в автомобиле по проспекту Ленина, вместе с ним в машине первый секретарь крайкома Николай Беляев и председатель крайисполкома Константин Пысин. Хрущев спрашивает: «А врачи у вас есть?». Они ему отвечают: «Да нет, какие врачи. Приезжают, уезжают...».

- А мединститут есть?

- Нет.

- А это что за здание? — спрашивает Хрущев, показывая на дом, мимо которого они в этот момент проезжают.

- Это КГБ (*чекисты как раз собирались переезжать в только что построенное здание.* — Прим. авт.)

- Здесь будет мединститут, - на ходу решает Хрущев. В том же году был проведен первый набор в вуз.

Эту историю мне рассказал нынешний ректор Алтайского медуниверситета Валерий Брюханов.

А вот появлением Алтайского государственного университета Алтай и Барнаул обязаны «дорогому Леониду Ильичу». 1972 год в СССР был неурожайным, а на Алтае наоборот ожидался высокий урожай зерновых. Руководство страны очень рассчитывало на Алтайский край. 26 ав-

густа в Барнаул приехал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев. Во время его визита первый секретарь крайкома КПСС Александр Георгиев и решил вопрос об открытии АГУ: Александр Васильевич хорошо понимал, что региону уже не хватает имеющегося набора вузов — сельскохозяйственного, медицинского, педагогического и политехнического институтов. В 1973 году АГУ был открыт.

В феврале 1985 года в Алтайском крае находился член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель председателя Совета министров СССР Гейдар Алиев. Он баллотировался в Верховный Совет РСФСР от Центрального избирательного округа № 148 (Барнаул). Реальным результатом посещения Алиевым Барнаула было принятие решения о строительстве нового коммунального моста через Обь. Кстати, тогда же Алиев заявил, что в краевом центре появится театр оперы и балета, но этому обещанию, к сожалению, не суждено было сбыться.

Строительство моста началось в конце 1980-х годов, но велось очень медленно, а в начале 1990-х годов вообще было заморожено. Возобновилось оно после визита на Алтай первого президента России Бориса Ельцина в конце мая 1992 года. Это было время быстрых решений: Ельцин прямо на берегу Оби подписал проект указа и распоряжение о финансировании строительства нового моста в Барнауле. Красавец-мост был сдан в эксплуатацию в 1997 году — 25 июля состоялось его торжественное открытие.

Пожалуй, визит Ельцина поставил точку в «советском подходе» к решению проблем региона. Кроме моста первый президент России «подарил» краю и Барнаулу газопровод и Семипалатинскую программу. С тех пор таких щедрых подарков не делал уже никто.

Дунькина роцца

«Там, где сейчас технический университет, была Дунькина роцца, - рассказывает историк Валерий Скубневский. — До революции Барнаульская Дума планировала сделать здесь городской парк. К сожалению, не сделали, а было бы очень удобно, как в европейских городах, где парки расположены в центре.

Есть разные версии происхождения названия роцци. Одна из самых распространенных гласит, что до революции солдаты располагавшегося рядом полка повесили здесь проститутку Дуньку, которая заразила их венерической болезнью.

Помню, как с отцом ходили сюда кататься на лыжах. Там были березы, сосны. Из зданий — только аптека — бывший польский костел, построенный в 1913 году. В 1930-е годы его закрыли и снесли весь верх. И несколько деревянных домиков вдоль проспекта Ленина.

Говорят, что вырубать роццу начали в годы Великой Отечественной войны — народу нужны были дрова. Последняя сосна, оставшаяся от Дунькиной роцци, еще растет на улице Димитрова».

Римско-католический костел начали строить в 1909 году с разрешения городской Думы. Автор проекта — архитектор И.Ф. Носович. Закончили строительство в 1913 году, первым ксендзом (1909-1924

годы) был А. Жуковский. В то время в Барнауле была значительная католическая община, в основном состоявшая из поляков. В 1931 году костел закрыли, а в 1936 году в здании заработала аптека.

Рядом с бывшим костелом сохранился могильный мраморный обелиск, на котором едва видны высеченные когда-то буквы и цифры. «Говорят, под этим камнем был захоронен кто-то из священников, - рассказывает Валерий Скубневский. — Мне кажется, что памятник перенесли, когда проводили дорогу, раньше он стоял на другом месте, ближе к проспекту Ленина. Точно знаю, что он бесхозный, нигде не зарегистрирован».

Дементий Паротиков:

- Представьте себе на месте нынешнего технического университета сосновую роццу. Называлась она — Дунькина роцца. Я не могу сказать, почему она так называлась, хотя версию слышал. От этой роцци уцелела одна-единственная сосна. Ее можно увидеть и сегодня, когда идешь по улице Димитрова, со стороны Ленинского проспекта, левой стороны, к городской больнице №1. Когда я прохожу мимо этой сосны, мне всегда вспоминается Барнаул тех далеких 1930-х гг.» (*Барнаул в воспоминаниях старожил.* С. 179.)

**Алина Россинская,
жительница Барнаула:**

- На месте сегодняшнего политеха была Дунькина роща, очень интересное место, по шиколотку песок. <...> Раньше там была густая сосновая роща, стоял такой смолистый запах, а дальше сплошной частный сектор вплоть до Оби. Название – Дунькина – было связано с преданием. История эта, конечно, некрасивая, но было такое предание, что в этой роще какие-то солдаты надругались над молодой девушкой Дуней, а она там на сосне повесилась.

Политех стоит как бы в низине, а тогда ведь этого котлована не было, видимо, когда строили, его выкопали. Это было ровное место, песок, дюны настоящие, и на дюнах росли сосны, очень красивое было местечко. (*Барнаул в воспоминаниях старожилов. С. 201-202.*)

Площадь Советов

С конца 1960-х годов это центральная площадь Барнаула. «Площадь Советов стала оформляться в конце 1950-х – 1960-е годы, - рассказывает Валерий Скубневский. – Сначала появилось то здание, где сейчас химкорпус университета, затем здание крайисполкома – там сейчас администрация края. Крайисполком планировался 14-этажным. Но такие проекты утверждала Москва, и там проект срезали, решили, что хватит и че-

тырех этажей. Потом построили жилые дома на противоположной стороне проспекта Ленина, затем Главпочтамт, гостиницу «Центральная» - архитектура пошла попроще».

Барнаулец Петр Захаров рассказывает:

- У меня сохранилась старинная фотография, на которой видно, какой задумывалась площадь. В центре – высотное здание со шпилем, похожее на Московский государственный университет. Жаль, что его не удалось осуществить из-за запрета излишеств в архитектуре. (*Барнаул в воспоминаниях старожилов. С. 94.*)

О том, что здание крайисполкома планировалось высотным, помнит и Дементий Паротиков: «Тогда (в 1967 году. - Прим. авт.) на площади Советов уже стояло здание крайисполкома. Когда его начали строить, замахнулись на высотку, но в край как раз приехал Хрущев (1954 год. - Прим. авт.) и распорядился быть скромнее».

«Семиэтажный жилой дом, который ближе к улице Молодежной, называли ДЕ - «Даешь Европу!», - рассказывает Валерий Скубневский. – Его построили, когда открыли Совнархоз, а когда его закрыли, жившие в этом доме работники стали выезжать в европейскую часть СССР. Совнархоз располагался в

том здании, где сейчас краевое управление внутренних дел».

В этом месте сделаем необходимое отступление.

В 1957 году по инициативе Н.С. Хрущева в СССР были упразднены отраслевые министерства, а функции управления промышленными предприятиями передали регионам, в которых они располагались. Считалось, что на местах лучше разберутся с проблемами и рационально распределят ресурсы. Для этого в регионах создали Советы народного хозяйства – Совнархозы. В 1965 году, после отстранения Хрущева от власти, Совнархозы были ликвидированы.

Между двумя семиэтажками, где сейчас фонтан, в конце 1950-х – начале 1960-х годов ничего не было. Зимой там ставили городскую елку и заливали каток.

В октябре 1967 года на площади Советов к 50-летию Октябрьской революции был открыт памятник В.И. Ленину – бронзовая фигура высотой 5,8 метра, отлитая на Заводе художественного литья в Мытищах. Постамент изготовлен из гранита, высота памятника с постаментом – 10 метров. Авторы: скульптор И.Д. Бродский, архитектор В.В. Казаринов.

7 ноября 1967 года на площади Советов прошла праздничная демонстрация. До этого демонстрации 1 Мая и 7 ноября проходили на Октябрьской площади.

В конце 1970-х годов появились фонтаны, в том числе цветомузыкальный фонтан «Космос».

Рядом с площадью Советов на углу Ленинского проспекта и улицы Молодежной (на четной стороне) находился фирменный магазин «Лакомка», который в 1950–1960-е годы был для барнаульцев притягательным местом. «Поставки сюда делались из Москвы, Ленинграда, - рассказывает Валерий Скубневский. – В «Лакомку» шли за хорошими конфетами. Здесь появился венгерский аппарат для варки кофе (второй такой стоял в «Огоньке»), готовили молочные коктейли. У школьников это было очень популярное место – тогда пиво после уроков не пили. На «Лакомке» появилась первая неоновая вывеска – здоровые красные буквы. Все просто обалдели, потому что

ничего подобного в Барнауле не было. В соседнем доме (ближе к площади Советов. - Прим. авт.) был магазин «Каравай», а раньше – Музей изобразительного искусства, который потом переехал на площадь Октября, на Советскую улицу».

А по другую сторону Ленинского, напротив «Лакомки», где сейчас главный корпус Алтайского государственного университета, долгое время практически ничего не было. «Здесь росли бурьян, полынь, а среди них стоял железный амбар, в котором торговали овощами, осенью там мешками покупали капусту», - рассказывает Скубневский.

Шаг в сторону: площадь Сахарова

Отклонимся чуть в сторону от площади Советов. На возвышении с 1973 года стоит Краевой театр драмы. До этого театр размещался на улице Ползунова в бывшем здании Народного дома (сейчас там краевая филармония). Новое здание Драматического театра было построено по проекту Центрального научно-исследовательского института экспериментального проектирования зрелищных зданий и спортивных сооружений (архитекторы Н. Куренной, А. Горшков, А. Лабуренко).

Дементий Паротиков:

- Как выбирали место для нового здания Драматического театра, почему решили строить именно здесь, я не знаю. Но знаю, что подвигло руководителей края строить новый театр. Город расстраивался, формировались новые микрорайоны, и люди все чаще и чаще говорили, что расположение театра на улице Ползунова очень неудобно – далеко от жилых массивов, нет необходимого транспорта.

И в 1967 году крайком и крайисполком принимают решение начать строительство. Место расположения театра было приближено к спальным кварталам того времени. Когда в 1967 году начали строить театр, вокруг еще стояли частные дома, людей нужно было переселить. На месте театра была песчаная гора, травка-муравка росла – я прекрасно помню, как тут все тогда было. По тем временам строительство шло довольно быстро. 16 февраля 1973 года мы уже переехали в новое здание.

Алина Россинская:

- Это была горка, которую затем снесли, здесь стояли мазанки, это была целая улица, но она никак тогда не называлась. Часть ее отходила на 9-ю Алтайскую (сейчас улица Молодежная), часть – на 8-ю Алтайскую (сейчас улица Шевченко) – горбатая такая улица. Белые глиняные мазанки построили украинцы, которые переехали сюда в свое время, я не помню когда. (*Барнаул в воспоминаниях старожилов. С. 195.*)

Застройка площадки за крайисполкомом, между улицами Димитрова и Молодежная, началась в первой половине 1960-х годов. Драмтеатр начали строить в 1967 году, в 1966 году построили Дворец спорта – каток с искусственным льдом, зрительный зал на пять тысяч мест, спортзал. Долгие годы Дворец спорта был главной спортивной и концертной площадкой города. Здесь проводились не

только хоккейные матчи, но и выступления фигуристов, балета на льду, концерты, устраивались новогодние представления для детей.

Дементий Паротиков:

- Интересна история дома, в котором я живу (*угол улицы Димитрова и проспекта Социалистического. - Прим. авт.*). Его строили для работников культуры. Но когда Хрущев распорядился открыть в Барнауле мединститут, встал вопрос, куда селить приглашенных из других городов преподавателей. И работникам культуры велели потерпеть. Когда я переехал в 1972 году в этот дом, в нем жило много врачей.

Сейчас на первом этаже этого дома находится художественный салон «Туррина гора». В 1988 году в этом помещении был открыт первый в Барнауле кооперативный магазин «Меркурий», где по коммерческим ценам торговали дефицитными промтоварами. А до этого здесь был магазин моющих средств «Свежесть» - стиральным порошком пахло даже на улице.

Там, где сейчас спорткомплекс «Обь», собирались строить Дом актера. Уже было принято решение, председатель горисполкома Иван Дмитриевич Налетов даже выделил из бюджета города 400 тысяч рублей на строительство, Москва обещала помочь. Но краевое управление культуры все спустило на тормоза.

На четной стороне улицы Димитрова (угол Соцпроспекта) было запланировано здание горисполкома. Но в середине 1970-х годов руководство края решило отдать его Алтайскому государственному университету. Долгие годы это был главный корпус АлтГУ, в нем размещались ректорат, исторический, филологический и математический факультеты.

В перестройку площадь между Дворцом спорта и Драмтеатром стала местом проведения культурных и политических акций. Здесь устраивались главные мероприятия Дня города, праздничные гулянья 1 Мая, митинги. Именно массовые демократические митинги конца 1980-х – начала 1990-х годов, проводившиеся здесь, привели к тому, что это место получило название площадь Сахарова – в честь ученого и общественного деятеля. 18 октября 1991 года Барнаульский горсовет принял решение «присвоить наименование площади у Дворца зрелищ и спорта – площадь имени академика А.Д. Сахарова».

**Михаил Гундарин, писатель,
журналист, преподаватель АлтГУ:**

- С этим местом, с площадью Сахарова, у меня много чего связано. Здесь, кажется, в 1987 или 1988 году проходили массовые перестроечные гулянья. Здесь начиналась свободная алтайская литература. Была первая открытая сцена молодых поэтов, и мы все там дебютировали. Здесь же мы продавали наше первое неподцензурное издание – поэтический альманах «Город». И народ охотно брал, люди тогда еще тянулись к слову. Всего было напечатано на машинке экземпляров сто. Мы их продали за час примерно по рублю за книжку.

Евгений Роговский, директор Алтайского регионального филиала «Россельхозбанка», бывший первый секретарь крайкома ВЛКСМ:

- Вот здесь, перед Дворцом спорта, мы проводили маевки в выходной день перед 9 Мая. На крыше касс делали трибуну. Эта площадь помнит выступления Валерия Золотухина, Александра Розенбаума, нашего земляка космонавта Василия Лазарева. Были праздники, когда сюда приземлялись парашютисты.

**Шаг в сторону:
первый панельный дом**

На улице Союза Республик, 31, сразу за бывшим магазином «Снежинка», стоит первый в Барнауле панельный дом. Его строили в самом начале 1960-х годов. «Помню, вокруг стройки стояла ограда, и на щите было написано: «Здесь строится первый панельный дом в городе Барнауле, - вспоминает Валерий Скубневский. – Нам было интересно наблюдать за процессом: дом рос прямо на глазах».

Площадь Октября

Площадь Октября появилась в конце 1930-х годов. Сначала она называлась площадью клуба меланжевого комбината (открыт в 1937 году), а в 1953-1956 годах – площадью Сталина. Расходящимися от Октябрьской площади лучами улиц мы обязаны архитектору Василию Александрову, автору Генплана Барнаула, утвержденного в 1937 году.

От площади берут начало улица Советская, проспект Калинина и проспект Строителей (ранее – улица Новая). Через площадь проходит также главная улица города – проспект Ленина. Расположенные под острыми углами к Ленинскому Советская и Калинина и придают площади ее неповторимый вид.

Архитектурный ансамбль Октябрьской площади кроме клуба меланжевого комбината (после реконструкции в нем разместится Краевой молодежный театр) формируют здание бывшей школы № 25 (сейчас там краевой Художественный музей) и, безусловно, дом под шпилем - один из символов Барнаула. На первом этаже этого дома, построенного в 1950-х годах, размещался извест-

ный всему городу гастроном «Под шпилем» или попросту «Шпиль». Название, естественно, было народным.

**Иван Приступа, старший прораб,
заместитель начальника СУ-3
«Стройгаза»:**

- До 1953 года в районе Октябрьской площади из кирпича были построены клуб меланжевого комбината, дома по Калининскому проспекту, дом со шпилем, дома, где сейчас размещается стоматологическая поликлиника и «Пиццерия». На строительстве этих домов применяли уже башенные краны. Перед «Стройгазом» поставили задачу, возвести эти дома в кратчайшие сроки с хорошим архитектурным качеством. При штукатурке фасадов этих домов в раствор добавляли слюду. Штукатурку бочардили специальными молотками, чтоб на солнце блестела слюда. Кирпичную кладку и монтаж деревянных перекрытий вели в две смены, а в третью заготавливали для каменщиков кирпич и для плотников элементы перекрытия. В то время еще не было растворonoсов, и не знали, что такое сопловать оштукатуренную поверхность, а все делалось вручную с помощью сокола и кельмы. Часть раствора подавали башенным краном, но в основном подача раствора нам леса производилась вручную, на носилках.

(Стройгаз-70. Барнаул, 2005. С. 94.)

В 1975 году на площади Октября открылись подземные переходы. Их строительство потребовало переноса коммуникаций.

«Раньше все праздничные демонстрации проводились на площади Октября, она была главной городской площадью, - рассказывает профессор истории Валерий Скубневский. - Трибуну ставили рядом с ДК БМК. Помню, на одну из демонстраций приезжал космонавт номер два Герман Титов, стоял рядом с краевым и барнаульским начальством на этой трибуне».

В советское время площадь Октября была не только главной транспортной развязкой города. Это был, с одной стороны, своего рода центр культурной жизни, а с другой стороны – злачное место. В угловом доме справа от клуба меланжевого комбината (если стоять к нему лицом) располагались Художественный музей (в здание бывшей 25-й школы он переехал в начале 1990-х годов) и кафе «Льдинка» (впоследствии – «Дубравушка»). Клуб функционировал как кинотеатр, а по вечерам там были танцы. На противоположной стороне Ленинского была знаменитая домовая кухня, где блины пекли специальные автоматы. Рядом с площадью находился ресторан, который за свою длину в народе именовался «Чулок». Злачность Октябрьской площади подчеркивалась даже нумерацией домов. Дом с аптекой наискосок от гастро-

нома «Под шпилем» на проспекте Строителей имеет номер 2, а по проспекту Ленина — 87. С угла эти цифры очень хорошо смотрелись — 2.87. Столько в 1960-е годы стоила самая дешевая водка.

«Чулок» (позже «Пищерия», сейчас там магазин, кофейня и другие заведения) был столовой с номером, а по вечерам — ресторанам. Там разрешали проносить и разливать, — рассказывает писатель и журналист Анатолий Кирилин, детство и юность которого прошли вокруг площади Октября. — Потом появилось кафе «Льдинка», оно было неким элитарным заведением. Мы туда хаживали. Заказывали томатный сок, научились делать «Кровавую Мэри». Немного выпивали (хотя случалось всякое), но много стихов читали. Вокруг Миши Старикова, нашего звукорежиссера, композитора, всегда были поэты — Коля Черкасов, Гена Панов, потом Леня Мерзликкин появился».

**Владимир Токмаков,
писатель, журналист:**

- Еще одно место, куда мы любили ходить (*речь идет о конце 1980-х — начале 1990-х годов. — Прим. авт.*), — это ДК БМК на площади Октября. В ДК было кафе «Лири», там встречалась творческая молодежь. Она перекочевала туда из «Петушка» (*на проспекте Ленина, справа от кинотеатра «Россия». — Прим. авт.*), ко-

торый в начале 1990-х закрыли. В моей книге «Детдом для престарелых убийц» встречи и разговоры очень часто происходят в кафе «Тяжелая лира» (так назывался сборник Ходасевича).

«Лири» была небольшой, уютной. По сегодняшним временам что-то между забегаловкой и псевдобаром. Те, у кого были хорошие отношения с барменом, могли засиживаться до ночи. Там читали стихи, обменивались книгами, обсуждали новости Наталья Николенкова, Фариды Габдраупова, Миша Гундарин, Евгений Борщов, Вадик Климов, Евгений Колбышев, Женя Чикишев, Юра Эсауленко.

Что еще было хорошего в этом кафе — из него был выход в ДК. Те, кто знал об этом, спокойно дожидались, когда людей с билетами пропустят в зал, и просачивались на концерт. Точно помню, что таким образом мы попали на концерт «Гражданской обороны» Егора Летова...

**Шаг в сторону:
Жилплощадка**

В начале 1930-х годов, во время строительства Барнаульского меланжевого комбината, возник Соцгородок, или Жилплощадка, — комплекс жилых и культурно-бытовых зданий БМК. Жилплощадка расположилась между площадью Октября, проездом Рыночным, ули-

цей Сизова, проспектом Комсомольским, в основном она застраивалась в 1932-1939 годах.

На месте сегодняшних Жилплощадки и площади Октября когда-то планировалось построить город-сад. После пожара 2 мая 1917 года в Барнаульскую Думу был представлен проект города-сада, разработанный архитектором Носовичем. Город-сад должен был иметь форму круга с радиусом в километр: в центре обсаженная деревьями площадь, вокруг которой concentрическими кругами расположены улицы, пересекаемые шестью радиусами-бульварами. В жилых кварталах — коттеджи с садами и цветниками, по внешним границам города-сада должны были располагаться заводы и фабрики.

Александр Деринг, архитектор:

- Это уникальное место, наследие индустриализации, соцгородок. Здесь строилось жилье для работников меланжевого комбината, есть постройки 1930-х и 1950-х годов. Очень интересна застройка начала 1930-х годов — вот этот дом в стиле конструктивизма. Их немного сохранилось, к сожалению, они ветшают и разрушаются. Конструктивизм — это вклад России в развитие мировой архитектуры. Дом, который мы видим, — это памятник архитектуры в чистом виде. Если барнаульцы хотят посмотреть архитектуру 1930-х годов, историческую, интересную, то она в этом районе.

А рядом с конструктивизмом стиль арт-деко, суховатая, немножко упрощенная классика, сталинский классицизм. С утверждением власти Сталина вкусы поменялись. Стали считать, что конструктивизм — это демонстрация бедности. К тому же этим архитектурным стилем сильно интересовался Запад.

Очень интересна планировочная структура, когда из двора во двор можно пройти через центральные арки. Улица достаточно широкая, но не подавляет своим масштабом. В планировке этого района принимал участие архитектор Александров.

Владимир Токмаков:

- Сюда мы попали с Мишей Гундариним после одного из Дней города то ли в

конце 1980-х, то ли в начале 1990-х. Ходили, гуляли, зашли в парк меланжевого комбината. Возвращались из парка и заблудились на Жилплощадке. Потом вот здесь неожиданно вынырнули из этой арки. Нас потрясло, что в центре шумит праздник, а здесь мертвая тишина и вот эта потрясающая огромная сталинка. Такое ощущение, что мы попали в 1937-й год или в декорации фильма о сталинском времени. Здесь есть что-то, что передает дух той эпохи.

И вот мы стоим, ошеломленные, сумерки наступают, кажется, еще час-полтора и «воронки» приедут. И тут в нашу сторону едет черная «Победа». Мы не выдержали и просто побежали. Сейчас часто вспоминаем тот случай.

Когда ко мне в гости приезжают москвичи или питерцы, я обязательно вожу их в этот район — уголок сталинского Барнаула. Мне кажется, его надо обязательно сохранить.

Между площадью Октября и выемкой

«Здание ЦНТИ (*построено в 1950 году*. - Прим. авт.) и жилые трехэтажные, так называемые еврейские дома, которые сдали во время войны, были последними каменными домами за площадью Октября, - рассказывает Валерий Скубневский. — Еврейскими их прозвали, го-

ворят, из-за того, что в них селили сотрудников эвакуированных харьковских предприятий, в том числе «Трансмаша», среди которых было много евреев. Вот эта ограда с вазочками – попытка скопировать ограду петербургского Летнего сада. Копия не очень точная, но, тем не менее, идея была такая».

Алина Россинская:

- Очень примечателен ряд домов, начиная от Ленина, 92, магазин «Золото», до Ленина, 96. Напротив них находится так называемое Дворянское гнездо, или Еврейское гнездо, потому что там раньше было много эвакуированных. Так вот, в этом месте города по обеим сторонам проспекта, четной и нечетной, оригинальные решетки, они и сейчас сохра-

нились. Эти ограды были скопированы с ленинградской решетки Летнего сада моим отцом (*Евгением Семеновичем Мозесом. - Прим. авт.*). Он был проектировщиком, влюбленным в Ленинград, и привез оттуда все эскизы решетки. (*Барнаул в воспоминаниях старожилов. С. 198-199.*)

«Все пространство до железнодорожной выемки было застроено частными домами, - вспоминает Валерий Скубневский. - Здесь были огороды, коровы – такой полудеревенский район. А вот эти дома были первыми девятиэтажками в Барнауле».

Алина Россинская:

- На месте девятиэтажек на проспекте Ленина (№ 96, 98, 100, 102) в районе Нового рынка раньше стояли бараки, землянки, а в районе дома №102 было трамвайное кольцо, дальше трамвай не ходил. И как раз там стоял барак, страшная развалюха, где продавались сезонки для студентов. Мы часто туда ходили, покупали там подешевле студенческие билеты на трамвай. Тетенька очень не хотела продавать нам дешевые билеты, но куда деваться? Зачетную книжку покажешь, она и продаст. (*Барнаул в воспоминаниях старожилов. С. 199.*)

Строительство путепровода через железнодорожную выемку у Нового рынка началось в 1960 году. Мост был принят госкомиссией в ноябре 1961 года. Сначала по нему открылось движение для пешеходов и автомобилей, а через год – для трамваев. Это дало возможность продлить трамвайный маршрут от Старого базара до Потока.

**Шаг в сторону:
Новый рынок**

- Новый рынок, - рассказывает Валерий Скубневский, - появился в 1950-х годах как маленькая площадка среди частных домов, на которой торговали одной зеленью. Здесь стояло несколько деревянных лотков, с которых женщины продавали овощи. Мясом не торговали, потому что не было холодильников. Здание, в котором сейчас ведется основная продовольственная торговля, появилось

в 1980 году, и рынок получил название «Юбилейный».

«Копай-город»

«Если ехать по Ленинскому проспекту <...> в сторону Северо-Западной улицы, то там, где сегодня расположен Дом быта, а дальше, слева – Дворец культуры «Сибэнергомаш», начиная с военных времен долгое время стоял настоящий «Копай-город». Здесь очень много было землянок, в основном в них жили-были рабочие оборонных заводов», - вспоминает Дементий Паротиков. (*Барнаул в воспоминаниях старожилов. С. 181.*)

«В конце 1950-х – начале 1960-х годов в этом районе был «Копай-город» - землянки, выстроенные во время и после Великой Отечественной войны, - говорит Валерий Скубневский. – Их начали сносить, когда стали прокладывать трамвайные пути. Они были, конечно, не такие, как на фронте. Над землей возвышались небольшие строения, что-то типа сараев с окошками. Для строительства использовалось все, что оказывалось под

рукой, - доски, фанера, старая мебель, панцирные сетки от кроватей. Рядом были маленькие грядочки с зеленью, у кого-то коза была привязана. Этот район представлял из себя что-то типа бразильских фавел (фавелы – беднейшие районы, трущобы в Рио-де-Жанейро и других крупных городах Бразилии. – Прим. авт.). Здесь не было ни прямых улиц, ни переулков. Жителей «Копай-города» расселяли в основном на Поток – его в те годы очень интенсивно строили».

Литература:

Барнаул: Энциклопедия. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. - 408 с.

Барнаул. Летопись города – хронология, события, факты. – Барнаул: «А.Р.Т.», 2007. – 628 с.

Названия улиц города Барнаула: Историко-лингвистическое описание / Отв. ред. Л.М. Дмитриева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 632 с.

Энциклопедия Алтайского края: В двух томах. – Барнаул: Пикет, 1997. – Т. II – 488 с.

Легенды нашего города

Предания о Демидове

Конечно, о человеке, который, собственно, заложил первый камень в образование Барнаула, сложено немало легенд. Поговаривали, будто после того, как выяснилось, что Демидов незаконно выплавлял серебро на алтайских заводах, и решено было передать его в казну, перед смертью он проклял свои заводы. И якобы в ознаменование его проклятия в майские дни на местах, где стояли заводы, время от времени происходят страшные бедствия. Возможно, эту байку люди придумали позже, когда весной 1973 года на этом месте произошло наводнение, а в 1917-м - сильнейший пожар, в мае же сгорели гостиница «Империал», здание БТИ.

А еще есть легенда о золотом колесе. Считалось, что после того, как наш город был достроен, Демидов захотел наведаться в него, и когда переезжал мост, одно из золотых колес в его карете сломалось и свалилось напрямиком в Барнаулку. Правда колесо это так никто и не нашел...

«Хрущевский тракт»

Более полувека назад, в ночь на 1 марта 1954 года, на барнаульский вокзал прибыл первый в стране эшелон с целинниками. Но прежде чем он тронулся из Москвы, посланцев столицы и Московской области принимали в Кремле, где первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев сказал: «Вы едете в замечательные районы страны. Там много очень хороших людей, знающих свой край, любящих его, знающих, как надо вести сельское хозяйство. Надо работать рука об руку с ними, учиться у них, советоваться с ними».

А уже в июле решил Хрущев лично проверить, как у целинников на Алтае идут дела, заодно заглянуть к Георгию Наливайко, недавно назначенному директором Алтайского НИИ сельского хозяйства.

Для встречи высокого гостя от Павловского тракта через будущую Сулиму в Научный городок практически среди степи, было уложено около 4 километров асфальта. Причем сделано это было в такие рекордно короткие сроки, что известные

мастера научной фантастики просто отдыхают.

По дороге Никита Сергеевич смотрел по сторонам и все больше мрачнел: столько полей вокруг, а кукуруза на них не растет. Что там находилось под колесами персональной машины, хозяина страны не интересовало.

В школу, где Никита Сергеевич выступал перед передовиками производства и партийным активом, простой люд не пустили, но Хрущев, на минуту раздвинув плотные ряды охраны, все же обратился к народу: «Сейте больше кукурузы, товарищи!». После визита в Барнаул Хрущев выехал в южные районы края. На Алейской железнодорожной станции пересел в спецпоезд и днем 20 июля прибыл в Рубцовск, где делегация погрузилась на три самолета и вылетела в Алма-Ату.

Кукурузой наш край не прославился ни тогда, ни позже, но коммунальщики до сих пор при вскрытии теплотрасс под полуметровой толщей земли находят остатки «Хрущевского тракта».

Ботинок Ползунова

Масса легенд была выдумана об Иване Ползунове - изобретателе, создателе первой в России паровой машины и первого в мире двухцилиндрового двигателя. Однажды ночью, рассказывает в своей книге Марк Юдалевич, Ползунов, как сказочный Иванушка, поймал Жар-птицу и заставил ее работать на себя. И еще будто осилил он самого черта — согнул его в бараний рог и засадил под стекло, черт стрелками водит, показывает, какая погода. На самом деле у него барометр был. Современные легенды сложены о Ползунове и сегодня. Вернее, о памятнике Ползунову (памятник установлен у Алтайского государственного технического университета, носящего имя великого ученого). Студентам ведь надо во что-то верить, вот многие из них и убеждены - если потерять правый ботинок памятника, то пятерка за экзамен обеспечена. Правда у Ползунова халява тоже не прокатит, не любит он бездельников, и все тут.

Достоевский-комедиограф

Братья Сергей Васильевич и Иван Васильевич Самойловы оказались в числе первых алтайских знакомых Федора Михайловича Достоевского, который не раз приезжал на Алтайские горные заводы и в Барнаул из Семипалатинска, где отбывал ссылку. Как просвещенный петербуржец, Достоевский в молодости был поклонником театра, хорошо знал и любил петербургскую актерскую семью Самойловых. Мало того - кумиром молодого Достоевского был не кто иной, как старший брат его алтайских знакомых - знаменитый Василий Васильевич Самойлов, спектакли с участием которого на сцене Александринского театра в Петербурге Достоевский старался никогда не пропустить.

Широкому кругу почитателей Достоевского мало известен тот факт, что первым сибирским произведением писателя, созданным им в сибирской ссылке, была комедия «Дядюшкин сон», вполне возможно, предназначавшаяся именно для барнаульской сцены. Главную роль в этой комедии мог сыграть именно Сергей Васильевич Самойлов, бывший, по свидетельству того же П. Семёнова — Тянь-Шанского, «совершенно первоклассным комиком, даже превосходившим своим природным сценическим талантом своего знаменитого брата». И хотя Ф.М. Достоевский впоследствии изменил свой первоначальный замысел и переделал начатую им комедию

в комическую повесть, «Сибирские Афины» могут гордиться тем, что вдохновили писателя на первую и единственную, серьезную попытку написать для театра. Более в своем творчестве Достоевский для театра не писал. Глубокое сожаление об этом выразил в 1879 году в своем письме к великому писателю выдающийся русский актер Василий Васильевич Самойлов:

«Милостивый государь Федор Михайлович! Читая Ваши произведения, я всегда был поражен тонкостью вашего наблюдения и в каждом из созданных Вами лиц, психологически разработанных, я видел живых людей, с их слабостями и достоинствами. И мне, право, грустно, что в протяжении всей моей сценической деятельности мне не удалось воспроизвести ни одного из Ваших личностей, именно потому, что Вы, обладая таким правдивым талантом, не хотели оставить память о себе на сцене, о чем я очень сожалею, как для публики, так и для себя, который мог бы прибавить одну из лучших ролей своего репертуара...» .

В своем ответном письме Ф.М. Достоевский горячо благодарит актера. «Ваши слова, - пишет он, - слова великого психолога, производившего во мне восторг еще в юности и отрочестве моем, когда вы только начинали свой сценический подвиг, дороже мне всех речей, обо мне сказанных».

Остается и нам глубоко сожалеть, что барнаульской сцене не удалось отличиться в истории театра первой постановкой комедии Достоевского.

Мало кто знает, что Барнаул - единственный город страны, в котором установлены памятники и В.М. Шукшину, и В.С. Высоцкому.

Дмитрий
Марьин

Шукшин и Высоцкий встретились в Барнауле

Для нас это вполне привычно, такое совпадение кажется нам знаковым, тем более, что бытует легенда о близкой дружбе и тесных творческих связях двух великих соотечественников (которые, кстати, в Барнауле и бывали, и упоминали его в своих произведениях не раз). Как же все было на самом деле?

Знакомство В.М. Шукшина и В.С. Высоцкого состоялось в самом начале 1960-х гг. в кружке Левона Кочаряна. В 1960 г. Кочарян поселился в доме № 15 в Большом Каретном переулке, в том самом доме, в котором с 1949 по 1960 г. проживала и семья Высоцких, и который был воспет бардом в одной из своих самых известных песен. В квартире Кочаряна стали регулярно собираться многие известные представители искусства, культуры и спорта, среди которых были кинорежиссеры А. Тарковский, В. Шукшин, Э. Кеосаян, Г. Калатоцишвили, С. Соловьев, актеры В. Высоцкий, Е. Васильева, О. Стриженов, писатели А. Макаров, Ю. Семенов, поэты И. Кохановский, Р. Рождественский, художник И. Глазунов, гроссмейстер М. Таль, чемпион СССР по боксу Э. Борисов и др. Заходили сюда и представители «теневого бизнеса», и даже «блатные». Шукшина в этот кружок привел А. Макаров.

Артур Сергеевич Макаров (1931-1995) - писатель и сценарист.

Приемный сын С.А. Герасимова и Т.Ф. Макаровой. Сценарии к фильмам: «Новые приключения неуловимых» (1968), «Один шанс из тысячи» (1968), «Золотая мина» (1977), «Колье Шарлотты» (1984) и др. Сборники рассказов: «Много дней без дождя» (1982), «Накануне прощания» (1986). Снялся в кинокартине Шукшина «Калина красная» в роли одного из бандитов (Бульди).

Позже он писал: «У многих наших не было жилья... У Шукшина тогда вообще не было квартиры, и он иногда оставался ночевать на Большом Каретном...». «Гостили» по нескольку дней у Кочаряна и В. Высоцкий, и М. Таль, и многие другие известные люди. М. Таль удивлял хозяев квартиры тем, что играл в шахматы с партнером через стену, вслепую, без доски. Однако позже В.М. Шукшин, в отличие от В.С. Высоцкого, стал бывать в этой компании крайне редко.

Левон Суренович Кочарян (1927-1970) – режиссер киностудии «Мосфильм». Как второй режиссер работал во многих картинах, в качестве главного режиссера снял художественный фильм «Один шанс из тысячи» (1968).

Друзья и близкие Высоцкого (И. Кохановский, Л. Абрамова) утверждают, что тесной дружбы между Шукшиным и Высоцким никогда не существовало, а их отношения не выходили за рамки приятельских. В частности, В.С. Золотухин, многолетний друг и коллега Высоцкого по Таганке, в своем дневнике от 12 января 1989 г. писал: «Шукшин попал в друзья Высоцкого. Для меня это странно. За 16 лет работы и общения я никогда не видел их рядом. Не слышал о том, что они встречались». Известно, однако, что Высоцкий не раз бывал на творческих вечерах Шукшина и высоко ценил последнего как писателя.

При жизни нашего земляка творческие пути В.С. Высоцкого и В.М. Шукшина пересеклись только однажды: в радиоспектакле «За Быстрым лесом» (1972), поставленном по роману «Любавины», Высоцкий озвучил роль Кондрата Любавина. Однако в своих фильмах Шукшин никогда не снимал Высоцкого. Ни в публицистике, ни в рабочих записях, ни в письмах Шукшина имя барда ни разу не упоминается. Со слов Л.Н. Федосеевой-Шукшиной известно лишь одно высказывание Шукшина о Высоцком: «Я помню такую фразу Василия Макаровича, когда он после премьеры «Гамлета» пришел домой. Я спросила: «Как спектакль?». Он ответил: «Гамлет с Плю-

щихи»...». Очевидно, что как актер Высоцкий не соответствовал режиссерским установкам В.М. Шукшина.

Однако уже после смерти Шукшина на концертах, в интервью В.С. Высоцкий не раз утверждал о дружбе с алтайским писателем и режиссером и даже о том, что Шукшин хотел попробовать его на роль Пашки Колокольникова в фильме «Живет такой парень» (1964), а затем предлагал роль в будущем фильме о Степане Разине. Эти заявления, видимо, и породили миф о том, что Высоцкий все же снялся в картине «Живет такой парень» в одной из эпизодических ролей (сцена в клубе). Тем не менее, члены съемочной группы картины факт участия в ней Высоцкого категорически отрицают.

А нам на память об отношениях двух ярких творцов эпохи осталось известное стихотворение В.С. Высоцкого «Памяти Василия Шукшина» (1974):

*Еще – ни холодов, ни льдин,
Земля тепла, красна калина, -
А в землю лег еще один
На Новодевичьем мужчина...*

Поэты в городе

Нет ли ошибки в названии? Может быть, «о городе»? Как бы не так!
О городе можно писать в жанре гимна, оды, праздничного марша.
А в городе можно и нужно жить, что для поэта означает - наделять
городское пространство своей душой, видеть в названиях улиц и
районов что-то прекрасное или опасное, но невидимое больше никому.

Евгений Банников

Сулима. Утро

*Полузакрыты окна по ночам.
Полубесмысленны чудные сновиденья,
Как будто информацию скачал
С чужого диска
Ангел вдохновенья.*

*Не нарушаема мембрана тишины.
Лишь за окном
То птичий щелк, то шорох.
В каких краях,
В каких мирах иных
Я затерялся?
...И в каких просторах?*

*Еще не душно.
Не пришла пора.
Прохладный воздух*

нежно гладит кожу.

*Но, полноте,
Бессмысленна игра
С бессонницей.
Так продолжать негоже...*

*...Да, вот и утро.
Розовеет синь.
Соседские коты опять несчастны.
Встречая солнце,
Шторы отодвинь.
До сумерек
Сны наши
Не опасны...*

Юлия Воловикова

***

*Спускается с небес крылатый дождь,
Летая и качаясь над землю;
Травы касаясь пепельно-зеленой,
Следы смывает пепельных калош.*

*Укромный город, напиваясь влагой,
Дороги выгибает буквой «О»,
Малаховское круглое кольцо
Дождю мигает восхищенным знаком.*

*Бросайте зонт, пока еще сухие
Распущенные локоны волос!
Придется намочить - так не от слез! -
Случится жить -
так не в сухой пустыне! -
А в городе среди косых полос.*

Михаил Гундарин

Рассвет на Балтийской

1.
*Я смотрю из окна на трамвайную линию:
как стремится она обогнуть горизонт!
Как плавна эта сталь!*

*Словно явь, словно сны мои,
в эту ночь получившие
верный дисконт.*

*Я его заслужил в пору мертвосезония,
между ночью и ночью,
в подсолнечной мгле.
Как упрашивал я, как же я урезонивал
равнодушную зелень усталых аллей!*

Я просил этот мир
    ускользнуть от охранников,
от размноженных массово
    пристальных глаз.
О, бессилие слов! О, сладчайшая
    паника!
Но не видит никто то,
    что вижу сейчас, -
ту же рошу (как будто бы
    нотная грамота
не понятна до слез и до слез хороша)...
Это, знаешь ли, просто
    охранная грамота,
за которую я не платил ни гроша.

2.
Подожди, не спеши. Я узнал
    тебя издали.
Это меркнувший голос случайных сирен,
приближая рассвет,
    рассыпается искрами -
нам с тобою мучителен всякий размен.

Неразменна лишь ночь.
    Как ее ни растрачивай,
не уменьшится перечень дивных даров.
Нам они суждены,
    и для нас предназначенный
час полночного счастья
    не требует слов.

Но я должен сказать,
    как мучительно падают
предпоследние звезды,
    как тих их полет,
как, бывало, прельстишься
    такою наградою,
а потом понимаешь - и это пройдет.

Все проходит - и время,
    и даже безвременье.
Я скажу это всем - но тебе лишь,
    дружок,
прошепчу, что рожденных
    удачливым племенем,
нас хранит без упрёка раскосый божок!

Дмитрий Латышев
Седьмое ноября

Манит окраину тот же топор,
Губкой питает ее перспективу,
Выйдут оттуда дивные дивы
И прочитают твой приговор.

Твердые знаки — мягкая речь.
Стены влажны, как бывают ладони.
Вот в переулке опять кто-то стонет.
Тепло золотое надо сберечь.

Надо бы спрятать, да нету жулья,
Тот, кто покорно спрячет такое.
Площадь обманет —
    покажет секвойю,
Там, где сто лет не бывало жилья.

Мы здесь случайно! Но злое тепло
Рвет золотые прибрежные нити.
Мы танцевали на этом граните
И превратились в букв серебро.

Владимир Токмаков
***

Город был для ливня мал -
он в него чуть не промазал.
Листья бешено листа
ветер на деревьях грязных.
Расколовшийся бетон
неба падал на прохожих:
ливень топал словно слон,
брызгая людей в проходы.
Волосом ручьев оброс
лысый череп гладких улиц.
Город принимал и нес
капли точные, как пули.
А потом в тиши лежал
весь в крови размокшей глины.
Мальчик это понимал.
Мальчик был душой картины.

В Выставочном зале Союза художников проходит выставка городских пейзажей, посвященная 280-летию Барнаула.

Посвящение городу

Дмитрий Золотарев

Большая выставка барнаульских пейзажей проходила в Союзе художников ровно десять лет тому назад. Казалось бы, десять лет – небольшой срок, однако для города это было время активнейших преобразований. Бывают годы или даже десятилетия, которые тянутся, текут медленно и плавно. А бывает совер-

**Николай
Панченко.
Новый день.
2010.**

шенно по-другому, когда время буквально несется вперед, как это произошло с «нулевыми». Серьезные изменения произошли и в жанре городского пейзажа.

Новая праздничная выставка – это своеобразный итог работы художников в этом жанре изобразительного искусства. Возможно, прозвучит неожиданно, но городской пейзаж Барнаула – это становящийся жанр. Былые идеологические схемы советского времени давно изжили себя, невнятный контекст 1990-х годов также закончился. Каким явился современный Барнаул нашим живописцам и графикам, поведала художественная реальность.

Количественно преобладают видовые пейзажи, скрупулезно фиксирующие особенности конкретных мест. Видовые пейзажи – порождение далекого XVIII века, однако, как показывает практика, подобный художественный подход результативен до сих пор. Традиционно преобладают виды Ленинского проспекта, Октябрьской площади, отдельных известных зданий. Другие интересные места Барнаула незаслуженно остались в тени. Любопытно, что довольно свежие пейзажи, исполненные всего несколько лет назад, уже несут отпечатки истории (картина Евгения Олейникова «Когда деревья были большими» с изображением Ленинского проспекта или его же работа «Символ нашего города»).

Других художников привлекают старинные здания, окружающие их легенды. Работы этих своеобразных ретроспективистов обращены в прошлое: пейзажи Владимира Конькова, картины Николая Клековкина. Пиргельди Широв сделал

собственную фантазийную реконструкцию старинного облика Барнаула. А Леопольд Цесюлевич усложняет образ города, поместив рядом со старинной архитектурой солнце в процессе затмения...

Совсем немногие художники пытаются примирить, совмещая на своих полотнах, два разных направления — современность и историю: Алексей Дрилев «Знаменский собор», Николай Панченко «Новый день» (характерно, что оба художника используют виды барнаульских церквей). Изображения церквей встречаются не так часто как прежде. Возможно, что эта тема в изобразительном искусстве уже пережила свой ренессанс.

Особый интерес вызывают зимние пейзажи Барнаула. Небольшие сезонные колористические изменения — и перед нами совершенно другая, сказочно преображенная урбанизированная среда. Привычные городские виды изменяются, приобретая неожиданную свежесть

Пиргельди Широв.
Старинный Барнаул.
2009.

восприятия, в работах Алексея Дрилева, Николая Клековкина, Валерия Октября.

Выставка, что бывает редко для мероприятий Союза художников, получилась действительно живой, интересной и спорной.

Разумеется, с дальнейшим развитием Барнаула будет развиваться и художественный городской пейзаж.

Евгений Олейников.
Когда деревья были большими.
2005.

Знаменитости под «Открытым небом»

Фотографии предоставлены
организаторами проекта

Павильон современного искусства «Открытое небо» – место, где писатели, фотографы, художники встречают читателя и зрителя лицом к лицу. Поэтические вечера, художественные выставки проходят в здании на ул. Чернышевского, 55, регулярно и собирают большую аудиторию. Руководитель павильона Елена Рублева позиционирует себя как мастера сюрпризов. Что увидят гости «Открытого неба» в преддверии Дня города - 280-летия Барнаула? Рассказывает Елена Рублева:

«Мы давно мечтали сделать масштабную выставку фотографий или картин –

портретов. А юбилей города - это повод, чтобы рассказать барнаульцам о них самих. Так родилась идея выставки «Знаменитые люди Барнаула в интерпретации разных авторов». 20 барнаульских фотографов, профессионалов и любителей, прислали нам фотографии людей, которые, по их мнению, что-то значимое сделали для Барнаула. Врачи, журналисты, писатели, актеры, а порой и совсем неизвестные, но замечательные люди стали героями этих снимков».

«Знаменитые люди Барнаула» - народный проект. Каждый мог рассказать о своем герое, прислать фотогра-

Евгений Скурихин.
Фото Виталия Борисова.

фию и ее литературное описание. В конкурсе приняли участие такие известные мастера фотографии, как Михаил Хаустов, Александр Волобуев, Денис Октябрь, Евгений Жихарев. Героями подавляющего большинства снимков стали люди искусства: писатели, художники, и, как ни странно, фотографы. Создалось впечатление, что участники фотографировали друг друга: на сайте выставки есть портреты самих Михаила Хаустова, Александра Волобуева, Дениса Октября. Идеологом проекта выступил известный барнаульский арт-продюсер Виталий Коньшин.

Особенное внимание мастеров портретной фотографии привлекли художник Алексей Чеканов, журналист и поэт Владимир Токмаков, проповедник Игнатий Лапкин, поэтесса Наталья Николенкова, обозреватель Вадим Климов - в интернет-версии выставки можно увидеть несколько их портретов. Александр Волобуев предоставил снимки мэра Барнаула Владимира Колганова, Виталий Борисов сделал фотографию епископа Барнаульского и Алтайского Максима.

Елена Рублева рассказала о ходе проекта: «Нам прислали около 200 фотографий по Интернету, их можно увидеть на сайте «Дизайн всего» (<http://designall.ucoz.ru/>), на «Информационном портале Барнаула и Алтайского края» (<http://www.barnaul-altai.ru/>). Там каждый мог прокомментировать полюбившуюся ему фотографию и отдать свой голос за художника. 15 июля, в рамках акции «Музейная ночь», мы показали фотографии на проекторе в нашей галерее. Люди по десять минут рассматривали и обсуждали некоторые снимки! Во второй половине лета мы принимали фотоработы уже в печатном виде, а в сентябре будет заключительный этап проекта - подведение итогов. Кто победитель, решит интернет-голосование. О призах пока умолчим. Художников ждет сюрприз!»

Сюрпризы ждут и гостей выставки. Кто знает имя человека, который монтирует новогоднюю елку на площади Сахарова? А его фотографию можно увидеть в «Открытом небе». Разве не любопытно посмотреть на Марию Быструшкину — семирижды прабабушку? Или «великого и ужасного» проповедника Игна-

Алексей Дрилев.
Фото Дениса Октября.

Елена Гешелина
и Елена Ожич.
Фото Елизаветы Гундаринной.

тия из Потеряевки, который, кстати, читает в Барнауле лекции и внешне похож на Льва Толстого? «Открытое небо» приглашает всех желающих узнать знаменитых барнаульцев - тех, кто делает жизнь города ярче и интереснее.

Александра
Вайс

Оставлять свет

***

*Напиши про меня рассказ,
Только, знаешь, в третьем лице.
Можно даже с моралью в конце.
Напиши во второй раз.*

*Напиши для меня письмо,
Положи его мне под дверь —
Ты не знаешь, как важно теперь,
Чтобы кто-то писать мог.*

*Напиши для меня, мне —
Это больше, чем просто сказать.
Это больше, чем быть: писать —
Оставлять свет.*

***

*А красотка Мальвина
становится старше.
Даже пудель сбежал
(повод плакать весь вечер).*

*Я не знаю, кто первый
заварил эту кашу,
Но спешу вас поздравить —
рецепт безупречен!
Небо мечет свой бисер.*

*Стихи умирают,
Словно бабочки раз пролетев
над толпой.
Все к тебе. Бесплезно. И рифма сухая,
Потому что нельзя рифмоваться
с тобой.*

***

*Я люблю красноротых блондинок
в мехах и в замше,
Никогда не знаешь,
какое чувство сильнее:
Жалость к ним или восторг.
Они умеют играть
свои маленькие трагедии,
Ни на минуту не отступая
от выбранного образа.*

***

*Просто теперь сомневаться поздно.
Поздно прикидывать «ну, а если»...
Радость моя, это их козни,
Ну, а моя только шаль на кресле.*

*Мне наплевать, кто теперь
что скажет —
Я разработала план сраженья!
Силы направлены на сближение
И безо всей показной лажи!*

*Это не то, чтоб за это сдохнуть,
Только без этого не протянем...
Ты оправдаешься, значит, грохнусь
Грудью об лед и умру по пьяни.*

***

*Оборвалось. На руках печати —
Знаки всеобщего непростенья.
Жизни хотели — берите, нате —
Полочка сверху, плацкарт, печенье.*

*Жизни хотели, а вам усталость,
Кашель грудной, менингит и гланды —
Все, что на память мне оставалось,
А впереди — Пиренеи, Анды...*

Только с тобою одной смогли бы
Мы перебраться за стену Сада...
Ты проводила меня – спасибо.
Дальше я еду одна. Так надо.

***

Разойдусь по швам и пойду по миру,
Чтобы видно было нутро, и сразу,
Но непонятой точно,

вернусь в квартиру -

Конуру составлять ключевые фразы,
Просыпаться под утро одной, конечно,
Но потрепанной стервой

шалльной музой,

И отчетливо видится неизбежность
Попадания шара - меня в лузу,
Или в яму – неважно, удар сделан,
Безысходность фантазию

водкой глушит,

Я качусь, тормоза не нужны смело?

Почему тогда вам не нужны уши??

Я пишу вам стихи, от которых больно
И желают в объятиях сжать стены

И становится комната треугольной

От того, что любовь не пошла

по венам -

Только кровь, извините, пишу

неважно,

Но к чему нам теперь, но зачем вам

важность?

У меня в столе целый мир бумажный

Он не станет продажно-тиражным.

***

Небо целует равных,

Небо целует лучших –

Мне бы стремленья главных,

Мне бы проблем сущих,

Мне бы тебя вдоволь,

Полностью, без остатка,

Перворожденное слово,

Голое, на кровати.

Нам бы ходить в обнимку,

Нам бы стрелять по звездам,

Не доверяя снимкам,

Не принимая слезы.

Нам бы любить на ощупь

То, что не видно глазом...

...Нам бы скрываться в рощах

И находиться разом...

Нам бы с таким уловом

Не замечать тьмы.

С каждым неверным словом

Голос теряем мы.

***

На ветрах провода повисли,

Возвращая в какой-то день.

Нам бы выкинуть тряпки-мысли,

Раствориться, уйти в тень.

Я себя отучила драться,

Только драться пришли к нам.

Извини, мне не оправдаться

И не выпрыгнуть из окна.

Но мой голос, сухой спросонок,

Будет искреннее других:

«У меня для тебя ребенок –

У меня от тебя стих».

***

Черной птицей на ветке поручня

повисаю,

по ночам взрываю пространство

чужого города.

Задыхаюсь тобой, до тебя,

без тебя, сдыхаю,

только мелочь в карманах,

да ветер гремит за воротом.

... а с утра, возомнив себя белым

лебедем,

разбиваюсь.

* * *

Забившись в уголок от жалости к себе,

Кусать промокивший кончик одеяла.

Пройти, перемолоть, но не спастись

от бед –

И, кажется, что так и завещала

*Остывшая на первом сквозняке,
Промокшая от писем ниоткуда,
Что пишутся на старом языке,
В преддверье то ли смерти,
То ли чуда.*

***

*Пережила и эту зиму
Переживала все смогу ли
Развоплощалась на витрине
В попытке усидеть на стуле
На тонких несуразных ножках
Проходит жизнь проходит глупо
А к супу не подали ложку
А к супу не подали супа
И очень рано появилась
Любовь к неперемене пар
А ты всю зиму грелась в reople's
А мне нельзя ни гриль ни бар
И будет общая тетрадь
В расчетах будут дом пеленки
И если было в кайф писать
То большой кайф носить ребенка
А третьему легко метаться
Срывать грызть краюхи крыш
Ему — его. Мне — оставаться.
Тебе — отправиться в Париж.*

***

*Все, что было, то было верно,
А иначе, увы, не смог.
И вода кислотою серной
Разъедает больной висок.*

*А в квартире идет веселье —
Запирайся хоть в туалет —
Завтра будет все то же похмелье —
По спирали с десятков лет.*

*А повеситься в старом сортире -
Слишком поздно меняться, менять...
Да и верно — в оставленном мире
И без этого много меня.*

***

*Город закрыл на меня глаза —
Будто бы крысу не стал морить...
Тянет теперь и зовет назад —
Слезы в глазах у него мои.
Было — забыли. Теперь — вперед.
Дальше — не ада — но тоже круг;
А он по привычке любимым врет,
Ищет других дорогих подруг.
Видела разные города...
Толку-то, если за каждым — он!
Много хотела ему отдать —
Мелочь просыпала на перрон.*

***

*А ничего чужого не бывает —
Ни жен, ни песен, ни проблем, ни боли.
И ладно, что таланта не хватает,
Что не хватает соли
В словах. Зато в глазах ее хватает.
И держит. И уже не отпускает.
Нам долго говорили о картинах,
Не допустили до оригиналов.
А репродукции болотной тины
Свежей. И только.*

Ужин для «гурманов».

*Так, значит, надо выбраться за рамки!
Писать, чтоб видеть
в настоящем свете.*

*Вот только в пешки переходят дамки
Наперекор объявленной примете.*

*Что остается? Пить, писать
на чеках,*

*Переправлять на точки запятые,
Забеливать круги на тонких веках.
Писать стихи, да не свои, чужие.*

Сергей
Бузмаков

Голубиный город

Фрагмент повести

Кто из нас в кого влюблялся и кто кого в любезные избирал — я до сих пор не пойму, и пойму ли когда?

Больше всего тогда меня поразили голуби.

Они, городские, совсем не боялись людей, и так необычно было видеть их, важно и вместе с тем сноровисто и проворно расхаживающих вокруг тебя, почти под ногами у тебя снующих.

В нашей деревне голуби прятались от пацанов на чердаке электростанции, еще работающей, тарахтевшей своими движками (потом, года через два, деревня будет соединена к высоковольтной линии, и электростанция замолчит понуро), и только вокруг этого краснокирпичного, в два этажа здания разминались полетами своими, и близко подойти к этим птицам было невозможно — они тотчас отлетали на безопасное расстояние.

Впрочем, были среди нас и совсем сорвиголовы, как например Мишка Тонич, проникавший на чердак, ловивший там этих божьих птиц и потом устраивавший где-нибудь в бору пиршество.

- Я их на костерке обжарю, а потом с аджикой - хрясь-хрясь - и нету птичек, - похвалялся он своим волчьими повадками и волчьим же аппетитом, но затем, понимая, что переусердствовал, начинал дурачиться, притворно размазывая мифические слезы по своим реально грязным щекам, всхлипывая и гундося. — Птичку жалко...

К нам в ограду голуби также почти не залетали, хотя электростанция находилась от нас в какой-то сотне метров. Я этому значения не придавал особого, хотя, не скрою, мне хотелось иметь дома голубей. Особенно мне почему-то нравились не сизари, а голуби, как говорили, кофейного цвета.

А вот мама иной раз, увидев испуганно озирающуюся голубиную пару, залетевшую на запах пищи для кур и уток, но так и не посмевающую с забора ближе к корытцам переместиться, жалостливо покачивала головой и произносила, имея в виду воробьев, которые оккупировали молоденькие, но уже разлапистые клены:

- Вот эти зато ничегошеньки не боятся. Вражины... Китайцев на них не хватает, - про китайцев, ударивших, как посмеивались, из пушек по воробьям во времена «культурной революции» и безбожно уничтожавших этих птишек, якобы главных виновников неурожаев, говорилось тогда много.

А еще, что касается голубей, не могли почему-то выветриться из моей памяти слова бабушки Тарасихи, древней совсем старушонки, когда она, сидя на лавочке, я отчего-то оказался рядом, мелко тряся своей маленькой, ссохшейся головкой, то ли кого-то поучала, то ли говорила сама с собою:

- В Писании сказано, бабоньки, что мудрыми надо быть, как змеи, и простыми, как голуби...

- Вот ты простодырой и помрешь, ни кола, ни двора, - обрывала ее злая старуха Белячиха, с костистым крючковатым носом, бабушка моего друга Сереги Белякова, намекая этим на то, что у детей Тарасихи и хозяйства захудаленькие — никто из них не при должности - и вообще, относятся они в деревне к категории людей безалаберных и никаким уважением среди односельчан не пользующихся.

Поток — район, куда перебралась на жительство семья сестры, - встретил нас при

Проект
**Знаменитые
люди
Барнаула**

Виолетта Метелица
Фото Александра Волобуева

Михаил Гундарин
Фото. Елизаветы Гундаринной

Александр Строганов
Фото Александра Волобуева

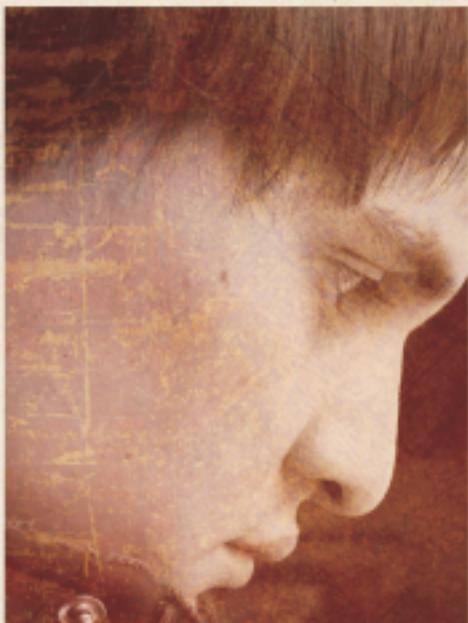

Фарида Габдраупова.
Фото Александра Волобуева

Владимир Свинцов
Фото Александра
Карпова

ПИСАТЕЛИ

Николай Зайков
Фото Дениса Октября

Людмила Кульгачева
Фото. Елизаветы Гундаринной

Юрий Юрасов
Фото Николая
Синегубова

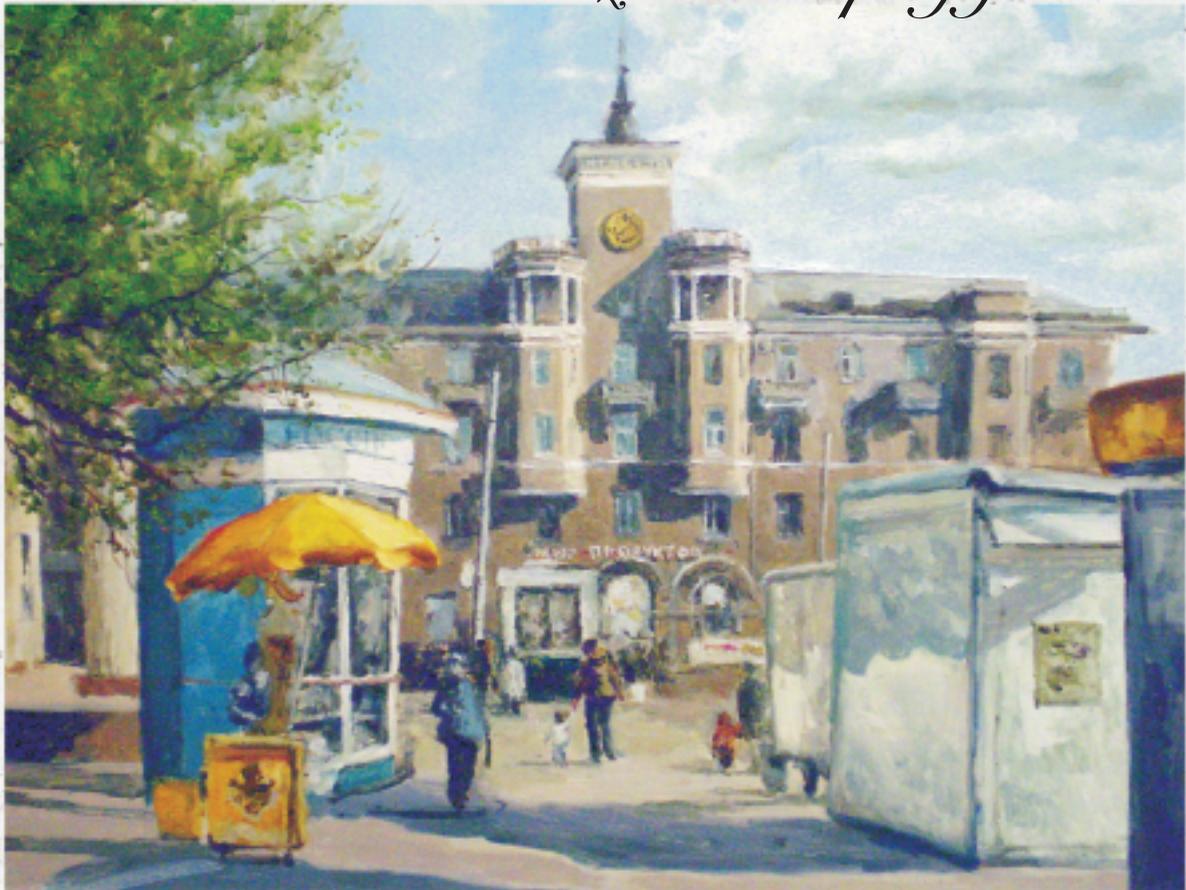

Алексей Чеканов
Фото Ильи Небо

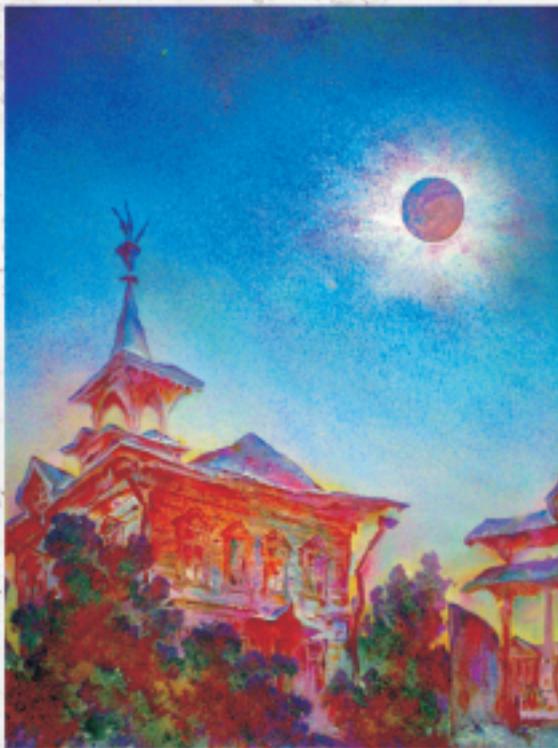
Проект

Знаменитые люди Барнаула

ХУДОЖНИКИ

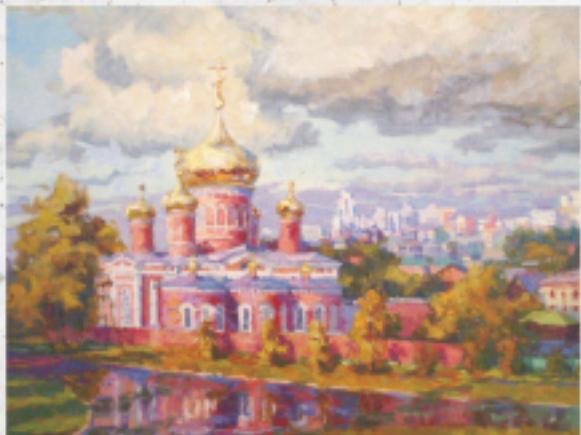
Евгений Олейников.
Символ нашего города. 2005.

Леопольд Цесюлевич.
Затмение солнца в Барнауле. 2008.

Юлия Никитук. Дождь в городе. 2008.

Алексей Дрилев.
Знаменский собор. 2009.

Николай Клековкин. Первое января.
Фрагмент. 2005.

Валений
Октябрь.
Зимнее утро.
2010.

знакомстве отвратительно-угарным запахом сероуглерода. Говорят, что главные парфюмеры этого - комбинат «Химволокно» и шинный завод. Да и все заводские трубы кочегарили так, что, казалось, они задались целью посостязаться с самим воздухом, напомнить ему, указать, кто здесь, мол, хозяин.

- Чуешь, сын, как пахнет? То ли дело у нас в деревне, да? - говорит мне отец, когда мы, сойдя с трамвая, поозиравшись и пораспрашивав прохожих, начинаем продвигаться к нужному нам адресу.

- А снег? Ты посмотри, снег-то какой...

...Истекают дни школьных каникул, и однажды мне захотелось прогуляться по Поток у вечером.

В свете дня, так сказать, я его уже хорошо рассмотрел, изучил, исшагал, а как, интересно, выглядит Поток вечером? При свете фонарей? При свете окон пяти- и четырехэтажек?

Ища ответы на эти вопросы, я брожу сначала по главной улице Потока - имени космонавта Германа Титова... Схлынуло веселье новогоднее, горожане впряглись в повозку, на борту которой написано «1981», и какой она будет? Тяжелой? Легкой? Быстро ли покатаем ее, или начнутся одни сплошные тягуны?

Впрочем, до этих ли вопросов, думаю я, вот этим людям, что спешат, пусть и осторожничая, по обледенелым тротуарам, заходят в магазины? Может все проще... Предчувствие вот этой простоты, заданности, запрограммированности жизни вдруг царапает меня - неужели и у меня будет все так же во взрослой жизни - все просто, все буднично, все так до безысходности грустно?!

Отмахиваюсь от такой мысли-царапины... Чур меня!

Меня ждет жизнь, полная ярких впечатлений, полная интересных событий и встреч. Я готовлюсь к этой жизни... Честное слово, готовлюсь... И я объеду полмира, совершу множество добрых дел, буду знаменитым... Кем я буду знаменитым: спортсменом ли, писателем, или ученым или... революционером - я пока не решил. Точно лишь знаю, что я буду знаменитым.

Об этом мы как-то заговорили с Васькой Янтаревым и он, по обыкновению избражая из себя Печорина, скептически и устало молвил, когда я о желании достичь славы признался: «Один поэт написал, что быть знаменитым некрасиво...».

Ну, и черт с ним, с этим поэтом! Сам-то он, наверное, из кожи лез, как и всякий поэт, чтобы знаменитым сделаться... Да и Васька, сдается мне, о славе мечтает никак меня не меньше...

А вечер этот так хорош! Легкий морозец, тихо падающий снег, который, попадая в фонарные лучи, искрится и будоражит и будоражит душу! И Поток, этот рабочим людом наполненный район, в такой вечер таинственен. Полон поэзии и светлой печали. И кажется, к воздуху я привык... Почти привык.

Я сворачиваю с улицы имени Германа Титова, бреду по какой-то другой, но тоже оживленной улице, кажется, она называется именем Глушкова... да, точно... потом сворачиваю и с нее иду какими-то дворами, еще не поздно, еще много народу, и мне нисколько не страшно, хотя я уже и наслушался о страшных преступлениях, которые здесь совершаются и совершаются, судя по рассказам, едва ли не ежедневно.

Вдруг я слышу в отдалении взрыв восторженных голосов, начинаю прислушиваться, и до меня доносится «лихая музыка атаки», я слышу характерные звуки ударов шайбы по бортам, шелчки клюшек...

Как загипнотизированный я двигаюсь по направлению к этому... Вот уже различимы звуки режущегося коньками льда, выкрики игроков и болельщиков...

И я выхожу к хоккейной площадке, настоящей хоккейной площадке! Она освещена десятками висящих на параллельно натянутых проводах лампочек под круглыми железными колпаками. Снег вокруг площадки вровень с дощатыми бортами, а местами и даже выше и зрителям наблюдать за происходящим очень даже удобно. Главное, как я понимаю, не свалиться с этой верхотуры прямо в гущу ледовых страстей. Матч серьезный, оцениваю я обстановку.

**А вечер этот так хорош!
Легкий морозец, тихо падающий снег, который, попадая в фонарные лучи, искрится и будоражит и будоражит душу! И Поток, этот рабочим людом наполненный район, в такой вечер таинственен.**

- А кто в красном играет? — интересуюсь я у стоящего рядом мужика в овчинном тулупе и громоздких валенках, на губах прилепилась папиросина.

- Ты, че, пацан? В натуре, «Полимер» не узнаешь, — без каких-либо и намеков на вежливость отвечает.

Надо возвращаться в общежитие. Уже начало девятого. Я иду дворами по направлению к улице Титова. Иду, как мне кажется, правильно... Вот только что-то двор другим двором сменяется, сворачиваю за угол очередной пятиэтажки, думаю, что вот сейчас откроется моему взору освещенная, оживленная улица имени второго космонавта, ан нет, двор опять... А тут и вовсе какие-то гаражи, какие-то сугробы непреодолимые... Фу!.. Ну вот, вроде выбрался... Улица... непонятно, что написано на покоренной табличке... Так, пройдем этот дом... какую-то улицу пересекаю... все внутри уже взбудоражилось... Заблудился... Так, спокойно. Если что - спрошу у прохожих... Еще вот сюда только сверну... Опять какой-то двор... Совсем темный двор и тени какие-то мне мерещится начинают... Резко меняю направление, вернее сказать, по-заячьи прыгаю в сторону и напрямик по сугробам опять пробираюсь на фонарную улицу.

Выбираюсь из сугробов на тротуар и почти сталкиваюсь с двумя девушками, бредущими под ручку. Чуть их не опрокидываю на снег. Они смеются.

- А вот и мужчина! Оль, как по заказу! Только ты подумала, только загадала...

- Ой! Да молоденький, да симпатиченький. Да стройненький какой! Да шапка-то на нем кроличья! Нет, нельзя такого, Светка, упускать! — это уже вторая насмешничает. Или серьезно это они?

Рассматриваю их настороженно и в то же время застенчиво. В шубейках обе простеньких и одинаковых, простенькие, без всяких затей и пухленькие личики девушек. Одна, вроде как даже и симпатичная. Толстенькие правда обе... Или это мне из-за шубок так кажется?

- Пойдем к нам в гости! Музыку послушаем...- говорит та, что Оля.

- Ага! Козла забьем, винца глотнем! Ты ее больше слушай, - вторая смеется грубовато. Судя по всему, она в лидерах. — Хотя может и правда, посидим? Мы здесь неподалеку живем... Тебя как зовут?

- Иннокентий, - отвечаю. Грубо так отвечаю, чтобы смущение мое не заметили. Хотя, конечно же, заметили эти... И у нас в деревне такие бесстыжие и наглые имеются. И почти все их презирают, злословят о них. А может, эти девушки не такие?..

- Шутишь, да? Иннокентий... Кент Кеша, да? Кеша, дай сигареточку!

Точно «из этих». Сигареточку им... Посидим... Блин, еще напоют чем-нибудь... Рассказы тотчас вспоминаются об изнасилованном оравой женской мужике, которого сначала в гости зазывали, потом поили и усыпляли, а потом связанного с перетянутой мошонкой да хором... до полного изнеможения... до смерти... Все это в моей голове таким экспрессом проносится... Скоренько, скоренько я соображаю.

А вот с голосом справиться не могу. Дрожаще так у меня выходит:

- Извините, не курю. И занят я. Дела. Спешу. В следующий раз, девушки... - пячусь, пячусь и едва ли не бегом от них.

А эти, наверное, как мне думается позднее, спокойнее думается, какие-нибудь прядильщицы с хлопчатобумажного комбината, кричат мне вслед:

- Кеша, стой!

- Стой, тебе говорят! Олька правда за тебя замуж собралась! Ты ей понравился! Не виноватая она!

- Без ума я от тебя, Кешенька! Ха-ха-ха!

...В общежитие, которое я еще с полчаса, наверное, искал, возвращаюсь слегка ошалевшим... Знакомство с вечерним Потокком состоялось.

А через пару дней узнал я, через запах узнал, Поток утренний.

Сестра предварительно купила мне билет до дому. Автобус до Тюменцева через Макарово из стольного града Барнаула выходит без двадцати восемь. Я, чтобы добраться

Совсем темный двор и тени какие-то мне мерещится начинают... Резко меняю направление, вернее сказать, по-заячьи прыгаю в сторону и напрямик по сугробам опять пробираюсь на фонарную улицу.

до вокзала, иду на трамвай с утра пораньше, в половине седьмого выхожу.

Иду вместе, так получилось, с Лешкой Тонич, старшим родным брательником Мишки - любителя в детстве поедать голубей с аджикой. Лешка после армии подался в город, устроился на «Трансмаш» и живет тоже в этом общежитии, где я вот почти десять дней прожил. В общежитии мы как-то с ним, белокурый, постоянно взвинченно-веселым, говорливым, навязчивым слегка даже, и столкнулись.

А сейчас идем на трамвайную остановку. Лешка с мужиками идет, с которыми в комнате живет и в одной бригаде работает. И такой дух от них сивушный! Такой перегарище! А Лешка с радостью искренней говорит мне:

- Серега! Перед глазами - все в тумане розовом! У-у-у! Хорошо!

- Че хорошего-то? — говорю, у меня уже есть небольшой, крохотный совсем, но опыт мучений похмельных.

- Салага! Че бы ты понимал в колбасных обрезках! Пьешь-то ради похмелья. Сейчас на работу приедем с мужиками, сообразим...

На трамвайной остановке в морозном утреннем воздухе, с чуть обессиленным, заспавшим, наверное, сероводородным амбре торжествует, зато запах пролетариев.

Мне кажется, что попыхивающие папиросками работяги все как один подписались бы сейчас под Лешкиными словами о «розовом тумане». Все друг с другом знакомы, покуривают, посмеиваются, кто-то и вовсе по-жеребьячьи гоготнет так, что куржак с деревьев осыпается.

Подъезжает трамвай из двух вагонов.

Люд рабочий сознательно шутки ради устраивает давку у одних из дверей. Бедные дамочки, что спозаранку едут сейчас в этом вагоне! Мужики в мгновение ока надышались так, что я уже забыл напрочь, что есть на свете белом иные запахи, кроме перегарного.

Слушаю беспрестанный треп Лешки о том, как ему нравится жить в городе, жить в общаге, а носом утыкаюсь в шарф.

Хорошо хоть, он хранит остатние запахи одеколлона. Наконец, не выдерживаю:

- Леш, а у вас вчера какой-то праздник был?

- С чего ты взял?

- Так весь вагон пьяный...

Лешка смотрит на меня, как младенец:

- Каждое утро так...

А на трансмашевской остановке мужская запашистая ватага выходит и устремляется к проходной родного завода, к которой со всех сторон в этот час стекаются черные людские ручейки.

И это тоже жизнь.

А город все больше и больше меня манит, мне кажется, что я в него влюбился...

Поток я изучил досконально. Нашел, кстати, и ту хоккейную площадку, сейчас здесь рубятся в футбол пацаны, пошел от нее дворами и, не сбившись ни разу, вышел на улицу имени Германа Титова. Днем, да еще днем летним, солнечным, радостным днем - все иначе выглядит, чем поздним зимним вечером. Посмеялся, вспомнив свои страхи, панику, меня обуявшую, встречу с девушками в шубках одинаковых...

И этим же летом, но уже в августе, случилась еще одна встреча с городом, похожая, впрочем, на быстротечное любовное свидание.

Мы классом отправлялись в Горный Алтай. Чуткое руководство над нами, пятнадцать человек, доросшими до десятого класса, осуществлял наш физик, любимый нами Иван Николаевич Тишко.

До бийского поезда оставалось пара часов, и мы разбрелись группками по окрестностям привокзальной площади. Кто-то осматривал мемориал Славы, кто-то бродил бесцельно по перрону, иные, робкие совсем, остались на вокзале, вжавшись в сиденья. Наша троица, правда, троица странная, так как мы с Васькой Янтаревым были уже с полгода в ссоре, но он с загадочной мрачностью на лице все же поплелся

Поток я изучил досконально. Нашел, кстати, и ту хоккейную площадку, сейчас здесь рубятся в футбол пацаны, пошел от нее дворами и, не сбившись ни разу, вышел на улицу имени Германа Титова.

с нами, то есть со мной и живчиком Юркой Колесовым, решила на путешествие. Пусть и недалекое, пусть и пешее.

Пошли сначала по Социалистическому проспекту, мимо закрытого уже магазина «Орбита», где мы с шуряком Валерой прошлым летом покупали мне магнитофон кассетный «Тоника» с большими, тяжелыми, но слабенькими колонками, мимо двойника «Орбиты» по размерам магазина «Электротовары», тоже опустившегося в вечернее молчаливое одиночество. Магазины-двойники примостились между тремя краснокирпичными двенадцатиэтажками с длинными лоджиями. Совсем недавно, кстати, я узнал, чем балкон от лоджии отличается.

Завороженные этими высотками мы и налево не посмотрели, не углядели серое здание педагогического института, потом мне об этом непочтительном отношении к будущей моей альма-матер вспомнится.

Слева усмотрели только гостиницу «Сибирь» с рестораном. Из ресторана в приоткрытые окна музыка доносится, ансамбль играет. Хрипят певцы из репертуара «Машины времени»: «Вот!.. Новый поворот, и мотор ревет, что он нам несет, омут или брод, и не разберешь, пока не повернешь...». Потолкали друг друга: зайдем?

С Социалистического, огибая здание Государственного банка, вышли на улицу Молодежную, шли, настороженные, далеко уже от вокзала, с дрожью внутренней под шатром кленовым, шли по направлению к проспекту Красноармейскому.

А вышли из темной уже аллеи и попали прямо под косые лучи опускающегося солнца. Оно золотило нежно воздух над зданием, багрило окна высоченного - мы остановились и сосчитали, тринадцать этажей! — здания без балконов, только окна и бетон, окна и бетон.

- Мы здесь будем жить! Да, Васек? — убежденно проговорил Юрка. — Это же общага сельхозовская.

Юрка и Васька собирались поступать в сельскохозяйственный. Задавала Янтарева на агрономический, а Колесов, с десяти лет, наверное, уже разбирающийся не хуже своего отца, механика гаража, в моторах, - на инженерный факультет.

Постояли на перекрестке Молодежной и Красноармейского, что громыхал трамваями, шинами машинными шурушал, постояли, подумали, помолчали.

По тротуару шли влюбленные парочки, смеялись громко и беззаботно компании парней в джинсах и футболках с рисунками. Солидные пожилые люди прогуливались, кое-кто вел на поводке собачек. Хорошо было, прохлада вечерняя на город опускалась вместе с солнцем.

Двинулись мы по Красноармейскому к вокзалу. Юрка, долго не умеющий оставаться в настроении печальном, стал вызывать нас на спор: «Сейчас запросто с девчонками познакомлюсь, спорим?». И ведь, шельма, выпорил бы, если бы мы согласились. А так — просто свое самолюбие потешил. Вьюном светлокудрявым к каким-то девчущкам смешливым подкатил и давай убалтывать их, и давай. Свои бесчисленные присказки при этом используя, и анекдотец вернул, где надобно, и нас с Васьком успел представить девчонкам, как-то смешно так представить, что они прыснули от смеха. А нам с Васькой не до смеха. Он по-прежнему загадочно мрачен, я же в грустное, задумчивое настроение впал. Со мной это в последнее время все чаще и чаще бывает. И как с этим бороться, я не знаю. Да и надо ли? Мне в таком настроении быть, если честно, и нравится.

Мы после Юркиной победы над девчущками, выразившейся в том, что они ему дали номер телефона, по которому он пообещал позвонить завтра и назначить встречу.. только, чур, с вас еще и третья, нас-то трое, хорошо? - договорились тогда, тогда все пучком, все нормалек, девушки, до завтра.. чао-чао... - бредем неторопливо по Красноармейскому.

Слева длинное с аркой пятиэтажное здание с какими-то большущими окнами на последнем, пятом этаже, справа магазин с огромными буквами прописью на крыше «Золотая осень»...

Потом начинаются стоящие косо по отношению к проспекту три пятиэтажки, а слева высокомерно взирает на все высотное здание гостиницы «Барнаул».

С Социалистического, огибая здание Государственного банка, вышли на улицу Молодежную, шли, настороженные, далеко уже от вокзала, с дрожью внутренней под шатром кленовым, шли по направлению к проспекту Красноармейскому.

Судя по номерам домов, это конец Красноармейского проспекта, но всякий, кто выходит из комплекса, например, мемориала Славы, и посмотрев на громадину гостиницы с орнаментальной восточной какой-то вставкой с первого по последний этажи, взглянув на горделивый облик кинотеатра «Мир», прочитав на крыше пятиэтажки, что рядом с кинотеатром: «Барнаул — город орденосный», всякий невольно обращает внимание, как стремительно, строго и прямо начинает свой разбег, свое начало, именно начало, этот Красноармейский проспект.

Как по-столичному, с намерением ошарашить и дать понять провинциалу, лаптю какому-нибудь деревенскому, смотрятся высокие каменистые парапеты напротив гостиницы! Как уходят они вместе с проспектом дальше, туда, где тоже город, где тоже жизнь, где вот-вот зажгутся уличные фонари и высветится над головами звездный атлас. Не ленись только — читай.

Вокзал железнодорожный уже рядом, путешествие наше по кругу закончилось, скоро поезд, что повезет нас в Бийск, а потом мы окажемся в загадочном Горном Алтае...

Сколько все же загадок на белом свете! Разве вот не загадочен этот город сейчас в прорези между зданиями, наполнившийся темно-красным закатным воздухом?

Через год, слышишь, я приеду к тебе с намерениями самыми что ни на есть серьезными.

Я буду поступать на исторический — куда, правда, еще не решил: в университет или же в педагогический, на последнем варианте настаивают и сестра, и мама.

Я буду серьезно готовиться к экзаменам, я должен поступить, я должен продолжить знакомство с тобой, незнакомцем все же еще, сколько бы я уже не успел побродить по твоим проспектам и улицам...

А пока я стою напротив гостиницы «Барнаул» в скверике с резными деревянными крокодилами и медведями стою, от фонтана, устало журчащего, несет сыростью, и так хорошо мне становится! «Мне грустно и легко. Печаль моя светла...».

Все впереди и у тебя, и у меня! Все впереди...

...Как же год-то стремительно пролетел!

...Ищу сверху по алфавиту свою фамилию... ну... ну! Уф, есть! Зачислен!

Вышел из института — радость переполняет.

Решил вдруг, так часто со мною происходит, вот это «вдруг» явится внезапно — и все! Слушаюсь и повинуюсь! Решил поехать на ВДНХ.

Выставку достижений народного хозяйства, что в нагорной части города находится, я однажды с сестрой и шуриком Валерой посещал. Правда, было это еще до Димкиного рождения.

И захотелось вот сейчас, немедленно, одному.

И поднялся по долгой извилистой лестнице, махом поднялся, и не запыхался ни сколько, и встал на площадке, и на город глянул с высоты нагорной...

...Солнце озаряло Барнаул, заливало его плавным, растворяющимся светом... Далеко этот солнечный город просматривался, далеко, а справа катил свои воды, бесчисленно бликовала и ликовала, красавица-Обь...

Хотелось петь мне, и я тихонечко, хотя и никого-то почти в этот еще утренний час на выставке не было, кроме контролеров в павильонах, запел: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся советская страна...».

И пошли дни первые, институтские, студенческие. С бодростью внутренней, даже напряжением некоторым — новый коллектив, приглядываешься, присматриваешься, кого-то выделяешь, на других мимо смотришь, третьистораживают своей бесцеремонностью, гонором...

Напряжение внутреннее... Зато какой сентябрь тогда случился! Хорошо-то как в мире! И на душе хорошо!

Город обхватывает тебя, я это едва ли не физически чувствую, объятием теплым

А пока я стою напротив гостиницы «Барнаул» в скверике с резными деревянными крокодилами и медведями стою, от фонтана, устало журчащего, несет сыростью, и так хорошо мне становится!

обхватывает, объятием неотрывным, многоцветно-голосистым. Словно говорит: «Ну вот, ты и с нами, не стесняйся, осваивайся, будь как дома...».

Первые две недели, пока утрясался вопрос с общежитием, я жил у сестры. Помню, лежу на постеленном на полу матрасе, заснуть не могу, и повторяю, и повторяю что-нибудь из немецкого. Как-то сразу за нас из всех преподавателей, немка взялась. Крепко так взялась, а мне это понравилось. Наконец-то немецкий я серьезно изучаю....

И вот я сижу на только что заправленной байковым синим одеялом кровати, в комнате сижу за номером пятьсот десять общежития номер три, что совсем рядом с институтом.

Сижу на кровати, осматриваю, прямо скажем, убогонькое жилище, где я четвертый жилец, отвечаю вежливо и кратко на вопросы невысокого парня в синем трико и белой майке, он только что из умывальной комнаты вернулся, усики свои аккуратненькие расчесочкой причесал, и на голове своей темноволосой изумительной правильности пробор навел.

Аккуратиста зовут Алексеем, он уже на четвертом курсе. А еще два его однокурсника, также в пятьсот десятой комнате проживающие, — Борис и Сергей — летом работали в стройотрядах и потому приедут на учебу через неделю.

Алексей, видимо уже считающий себя без пяти минут завучем по воспитательной работе как минимум, устраивает надо мной шефство. Объясняет как маленькому, до тошно объясняет, с нотами явными менторства в голосе, правила поведения в институте и общежитии.

- Главное - в институте на лекции к бабушке Зине ходить. И к Алексею Палычу.. Ну, и... Да хватит.. остальных... можно периодически видеть. С тебя не убудет. С них тоже. В общаге, смотри, нос не задирай, могут его - того, у нас тут народ горячий, особенно под нами что живут, на четвертом этаже. Там военруки живут. Все после армии. С одной извилиной в голове. К юмору глухи.

Вскоре выясняется, что к юмору глух и сам Алексей. Вернувшиеся на учебу Борис с Сергеем тотчас, словно вдоволь наголодавшись, набрасываются на Алексея с шуточками-приколами. Нормальными такими, не плоскими, не обидными. А он фыркает, серьезно, он все делает серьезно, начинает своим сокурсникам объяснять, что внешность для мужчины - это главное. Внешность — это потому что среди главных объектов приложения шуточек - болезненная страсть Алексея к наружности своей.

Маленький, но с фигуркой как у гимнаста, он по полчаса не вылезает по утрам из умывальной комнаты. Потом еще с полчаса приглаживает свои усики, свой пробор наводит, в который каждый раз просят взглянуть, как в зеркало, Борис с Сергеем. То боком встанет у зеркала, то прямо, то бицепсами своими поиграет, то щеки начинает надувать (зеркало прикреплено над тумбочкой на стене между моей койкой и койкой Бориса, и я спросонья, сквозь ресницы за этим утренним обрядом Алексея наблюдаю), а как тщательно он костюм надевает, сколько времени на это уходит... Костюм и галстук — галстук непременно! — Алексей надевает по нечетным дням недели, а по четным он в джемпере и вельветовых джинсах.

С костюма его Борис с Сергеем просят разрешения по очереди сдуть пылинки и волосинки убирать.

- Можно, Алексей Владимирович, сегодня я опять за вами поухаживаю? Ну можно, а? Ну, пожалуйста, ну что вам стоит, Алексей Владимирович... - шутит Сергеа, самый словоохотливый из этой троицы. Борис подхватывает:

- У него стоИт, а не стОит. Причем постоянно, я правильно говорю, шеф?

Иногда они, особенно Борис, называют Алексея шефом, шефулей, боссом. Борис в упражнениях своих шуточных над Алексеем, с которым, они, кстати, из одного района, все больше любит именно эту плотскую тему развивать.

- Шеф, можно поинтересоваться? За минувшее лето вы значительно пополнили список своих жертв? И как всегда вкусам своим не изменяете? Вам, шеф, по-прежнему толстوشечки нравятся?

Маленький, но с фигуркой как у гимнаста, он по полчаса не вылезает по утрам из умывальной комнаты. Потом еще с полчаса приглаживает свои усики, свой пробор наводит, в который каждый раз просят взглянуть, как в зеркало, Борис с Сергеем.

На смазливеньком, тщательно ухоженном лице Алексея выступают пятна. Он, любящий, как я заметил, держаться важно, гордо, не выдерживает и срывается на крик:

- Ну, сколько можно?! Заколебали!

Ко мне же все трое относятся ровно, дружелюбно, без всяких там колкостей. Особенно, что меня не может не радовать, насмешник острый Серега.

Может оттого, что я хорошо так и сразу почти влился в их спаянно-споенный коллектив?

В первый же день возвращения в общагу Бориса и Сереги в нашей комнате состоялось «рандеву», как его сами участники обозвали. Встреча боевых кораблей после долгой разлуки.

Наш первый курс начал учебу в институте со второй смены и потому я, вернувшись с лекций, застал вечером в нашей комнате человек десять. Мужская и «наиболее передовая часть», как выразился кто-то, четвертого курса разместились на четырех кроватях. Один из парней с лентой вытягивает из гитарных струн меланхолические звуки. Знакомясь, обращаю внимание на их какой-то общий загадочный и измаявшийся в нетерпении вид.

В накуренной комнате, тем не менее, сильно пахнет арбузной трапезой. Хотя никаких арбузных корочек нигде не наблюдается. А на столе нашем, покрытом изрезанной и прожженной окурками клеенчатой скатертью в центре самом, действительно огромный полосатый арбуз. Целехонький.

- Ну, так может, начнем? — спрашивая, похоже, выражает общее мнение один из парней. - Семеро одного не ждут. Начнем, а?

Одобрительный галдеж - и на стол дружно выставляются собранные откуда-то стаканы, а из-под подушки извлекается поварешка.

Кряжистый парень с лапищами размером с совковую лопату, видно, что он старше всех по возрасту, торжественно приподнимает за хвостик арбузную вырезанную крышечку. Обводит всех взглядом добродушным, который на мне останавливается.

- Глянь-ка, молодой, какой арбуз мы классный выбрали.

Подхожу из своего дальнего уголка (субординация) к столу, заглядываю... Вон оно что! Мякоть арбузная удалена искусно, и судя по всему, благополучно исчезла в недрах желудков четверокурсников, а из заполненного почти доверху арбузного муляжа рвется на волю водочный забористый запах.

Кряжистый разливает поварешкой по стаканам мутно-розоватый напиток. Оказывается, в поварешку входит примерно две трети стакана. Все встают. Кряжистый ставит стакан себе на локоть и произносит:

- За нас, мужики!

- Точно! За нас!

- За историков!

- И чтобы ... стоял и деньги были! — это Борис отметил со своей любимой темой.

Кряжистый, оказывается, его зовут Павлом, ловко цепляет граненый стакан зубами и опрокидывает арбузную водку в рот. Трюк его повторить никто не решается. Впрочем, до поры до времени не решается - как позже выяснится. Так как гульба начинается сразу широкая и привольная. Ее течением и меня подхватывает, как соломинку...

...Пришли еще человека три. Принесли пива, хлеба, колбасы, сыра и консервов. Пили. Некоторые повторяли удачно и не совсем удачно трюк Павла, который, как он мне, молодому, объяснил, из «потомственных прокопьевских шахтеров» и сам в шахте три года провел, пока не воспылил желанием стать школьным учителем истории.

Пили. Пели. Дружно, акапелльно первый куплет (больше не знали) «Гаудеамуса»:

Для веселья нам даны молодые годы!

Жизнь пройдет, иссякнут силы,

Ждет всех смертных мрак могилы —

Один из парней с лентой вытягивает из гитарных струн меланхолические звуки. Знакомясь, обращаю внимание на их какой-то общий загадочный и измаявшийся в нетерпении вид.

Так велит природа! Так велит природа!

Пели под гитару. Чаше других исполнялась песня про поручика Голицына и корнета Оболенского. Борис опять докапывался до Алексея, но на этот раз беззлобно и мило, отмечая его сходство с поручиком Ржевским. Алексей, хмеля, порывался меня воспитывать с удвоенной энергией.

- Главное, запомни, что я скажу. Ты обязан не пропускать лекции Зинаиды Сергеевны и Алексея Павловича. И, забыл сказать, лекции доцента Сергеева. Понял, да?

Киваю поплывшей в неизвестности туман головушкой. А мне уже другой старший товарищ втолковывает:

- Два курса продержишься — все! Потом как по маслу. Хотя вам то что не учиться?! Вам не учеба, а лепота. Английский вам, я слышал, правом заменили, да? Выпьем! До дна, молодой.

Опять киваю. Опять выпиваю. Сгустившийся туман делает мою речь практически непередаваемой. А хочу я просто выразить признательность своим старшим товарищам. За все. За советы, за пожелания и напутствия. И подтвердить, что второй профилирующий предмет у нас, действительно, не английский теперь, а советское право.

Девушки появляются. «Рандеву», отмечаю с трудом в голове, выходит с их появлением на новый виток. Кто-то успел сгонять в магазин и успеть купить водки и вина. Гитара отложена. Танцы самых стойких под «Шокинг Блу» и «Синюю птицу»...

- Как? Ты, молодой, не знаешь, что такое франц-хераус? Ну, ты даешь! Слушай тогда. Слушай, я сказал, не спи! Значит, дело было так. Нашему русскому солдату предложил австрийский солдат выпить за здоровье австрийского государя. Наш воин, конечно — хоп, без закуски! Потом австрияку говорит: «Теперь твоя очередь за моего царя пить». А австрияк в отказ. Ну, коли так, говорит русский, то Франц марширует хераус - и запустил два пальца в рот. Ха-ха! Понял теперь, что такое франц-хераус? Ладно, отдыхай, молодой...

Кажется, говорит все это Володя Авин, с которым мы душевно беседовали о любви нашей к изучению иностранных языков. Я ему рассказывал, помнится, о своих мытарствах в школе, хвастался, что все же сдал на вступительных немецкий на пятёрку. Володя о том, что именно из-за обожания им английского он и пытается удержаться в институте, прочно занимая лидирующее место в списке кандидатов на отчисление... Только для чего он мне все это говорит?.. А туман в голове все чернеет и чернеет...

...В комнату перегарную лениво вползает сентябрьский рассвет.

Я это или не я? Кажется, я. Точно я. Лежу на кровати... У изголовья тазик... Все понятно... Ах, ну зачем я превратился в соломинку? Никакой силы воли... Ну, выпил бы сначала со всеми, а потом увиливать бы взялся... Нет же... Как болит голова, как во рту мерзко... А кто же это так жизнерадостно храпит на кровати напротив? На Серегу не похож... А! Это Володя Авин, с которым у меня связано последнее воспоминание о вчерашнем.

В нашу комнату, комнату студентов истфака, словно наведывались в гости из глубины веков орды Маая, вволю здесь повеселившиеся... Особенно впечатляет композиция гитары на столе со стоящим на ней порожним арбузом. Опрокинутые бутылки и стаканы не столь впечатляют. Хотя — какое уж тут «впечатляют»...

Преодолеваю героически слабость во всем теле, головокружение в голове, встаю с кровати и начинаю осторожно, стараясь не разбудить соседей по комнате, убирать за собой. Да... Стыдно-то как! Чтобы я еще хоть каплю в рот... Да чтобы я еще хоть раз... Хорошо еще, что я успел до начала «рандеву» переодеться в старенький спортивный тренировочный костюм...

Убрался, композицию на столе, правда, оставил нетронутой, открыл настежь створку окна, побрызгал окрестности одеколоном «Спортклуб». Пошел по пустынному в этот ранний час коридору в умывальню, и три раза подряд чистил зубы супермощной пастой «Маклинз». Полтюбика, наверное, выдавил. И лил и лил на голову холодную воду.

В нашу комнату, комнату студентов истфака, словно наведывались в гости из глубины веков орды Маая, вволю здесь повеселившиеся... Особенно впечатляет композиция гитары на столе со стоящим на ней порожним арбузом.

Потом оделся, наодеколонился, взял дипломат с тетрадями и парой учебников, перед тем как выйти из комнаты оглянулся на спящих товарищей. Борис укрылся с головой одеялом, оголив пятки, Алексей спал с серьезно-назидательным выражением лица, а Володя Авин храпел безмятежно на Серegiной кровати. Серeга, видно, где-то пристроился на ночлег к какой-нибудь студенточке, оставив ночевать вместо себя бедного Володю Авина, вспомнил, вот он жаловался, что его выселили из общежития и потому он вынужден перейти на полуправильное положение.

Я вышел на крыльцо общежития... Рыжеватые клены с поредевшей шевелюрой с двух сторон осуждающе на меня смотрели, словно они уже сообщили домой маме о моем недостойном поведении...Надо, надо взбодриться!

Утро! Вот утро! Едва над холмами

Красное солнце взыграет лучами,

Холод осеннего, светлого дня,

Холод веселый разбудит меня.

«Холод веселый»... Надо же так сказать Ивану Сергеевичу... После того как я прочитал все тургеневские романы и повести, я узнал, что он начинал со стихов. Самое известное из которых об утре туманном, утре седом... Самое известное, но далеко не единственное.

И побрел я на Социалистический, сто шагов всего до нашей общаги. Вышел на проспект — куда поворотить детинушке с тяжелой головошкой? Решил поворотить направо, к вокзалу пошел железнодорожному.

Конец самый сентября. Зябко.

Забывается уже благодать бабьего лета, уже не пройдешься по улице в костюмчике, и лишь красное полыханье рябин веселит еще глаз да вот «холод веселый»...

... А правильно все же, что я вышел бороться с похмельем в утреннюю свежесть.

Тугой ритм большого города, действительно, бодрит. И трамваи так задорно вывывают.

Вышагивай, вышагивай, студент!

Раз-два-три, раз-два-три...

Выгоняй, выгоняй из себя мандраж и хандру...

На привокзальной площади в киоске я купил бутылку лимонада, присел на лавочку и тотчас, как тогда в детстве, облепили меня проворно расхаживающие голуби. Ходят и в такт своих быстрых шажков головенками своими туда-сюда, туда-сюда... И голова у них не болит... И у дятла не болит...

Сию и вдыхаю воздух утренний... И опять мне помог запах шпал, запах дороги... Душа моя встрепенулась от запыленной и суетной радости, что неизбежно посещает человека на вокзалах. Вот пойду сейчас к кассам, куплю на оставшиеся деньги билет, вскочу в последний момент на подножку вагона и уеду куда-нибудь... на Север... или к Черному морю... К морю лучше... очень мне хочется с ним посекретничать немного... хотя почему немного? — много хочется поведать этому прекрасному чудовищу.

Впрочем, денег мне, пожалуй, не хватит и до Заводоуковска доехать, или хватит? И почему мне подумалось именно о городке этом на речке Ук? Потому, наверное, что мне в последнее время, особенно, вот сейчас, когда я живу в городе, все чаще и чаще хочется оказаться в детстве, оказаться под крылышком мамы. И в Заводоуковск я хочу, чтобы и там встретиться со своим детством. Это хорошо, когда у человека есть не одно, а несколько мест, где он может встретиться со своим детством.

Я вышел на перрон с такими мыслями. И так опять пахнуло шпалами, рельсами, вагонами с углем... Так в дорогу позвало...

На первом пути, чуть поодаль от здания вокзала, стояло несколько грязно-зеленых вагонов с решетками на мутных окнах, впритык к ним желтые, с красными полосами милицейские машины-фургоны. Толпятся зеваки... Подошел поближе и увидел, что идет выгрузка из вагонов в машины заключенных...

И побрел я на Социалистический, сто шагов всего до нашей общаги. Вышел на проспект — куда поворотить детинушке с тяжелой головошкой? Решил поворотить направо, к вокзалу пошел железнодорожному.

А заключенные - женщины. Много женщин.

Серые телогреечки, серые, размытые лица... Конвоиры в шинелях сердито их поторапливают, даже овчарка одна здесь есть, правда, спокойная такая овчарка, сидит себе на задних лапах и сидит, с поводка не рвется. Овчарка - джентльмен... Ох, уж это въевшееся в меня желание все словами обрисовать, да все чаще словами насмешливыми, ироничными...А ведь за каждой из этих женщин судьба кроется... Вот такая судьба-судьбинушка...

И тут в проеме вагонной двери появилась молодая женщина... И мгновение это так я почувствовал, что навек запомню... Я таких красивых и не видел... Длинные светлые волосы, лицо... не просто красивое, не просто с изумительно правильными чертами, а одухотворенное какое-то лицо... Появившись в дверном проеме, она помедлила чуть, прежде чем спуститься по подножке вагонной. Ее и сзади не торопили, и снизу окриков конвоиров не было... Будто попала она в это серое шинельно-телогреечное окружение по какой-то злой воле ведьмы-колдуньи, что сейчас закончатся колдовские чары и пойдет она летящей походкой ко мне навстречу...

Женщина гордо встряхнула головой, отчего волосы ее чудесные рассыпались по плечам, телогрейка распахнута, высокую грудь плотно облегает красный свитер, высокая, стройная, и красоту бедер ее, красоту ног не могут скрыть казенные, но в объязку брюки, заправленные в сапожки ...

Зеваки тоже ахнули...

И мгновенье это, как оно ни длилось, закончилось...

Женщина скрылась в милицейском фургоне.

Увидела ли она меня? Мне кажется, взгляды наши встретились...

...Как же мне хочется, чтобы меня переполняли чувства только возвышенные! Влюбленность романтическая, жажда открытий, желание так общество переустроить, чтобы было оно справедливым... чтобы все люди были добрыми, честными...

Что касается любви, то все запутано, и так трудно сохранять лишь романтические мечты и грезы, все больше я подчиняюсь томлению тела, все меньше в этих чувствах моих чистого и светлого...

С ней, с любовью моей безответной, мы не встречались здесь в городе ни разу. Может от того, что как только началась моя учеба, я познакомился с одной одноклассницей?

Ее зовут Юля. У нее такие огромные, удивительно красивые глаза, она брюнетка, она симпатичная очень, хотя и злоупотребляет, на мой взгляд, косметикой, она старше меня на два года, меня так влечет к ней... Мы два раза гуляли с Юлей по городу, она рассказывала о поездках в Карпаты, на озеро Валдай.

Рассказывала, что поступила на истфак с третьей попытки, что перед поступлением работала лаборанткой на кафедре, что любит путешествовать, любит веселиться, любит большие шумные компании. «А почему ты все молчишь?». «А кто этот Зураб, с кем ты рядом сидишь на семинарах? Он, правда, из самого Тбилиси?». «Мы еще немного погуляем, и мне надо домой...».

Она снимает комнату в частном доме на длинной улице имени Мамонтова, что изворотливо протянулась под Горой. А Гора – это район города, где я еще и не побывал ни разу, не считая моего посещения ВДНХ. Мы с сестрой только поднялись на Гору на трамвае и вышли из него на первой же остановке, кстати, остановка и называется «ВДНХ».

Заезд наш с сестрой на Гору был деловой. Мама, когда я еще не вселился в общежитие и жил у сестры, приехала уже меня проведать, и в воскресенье мы с ней поехали на толкучку - на городской вещевого базар, захватывающий по воскресеньям большой пустырь вдоль улицы Малахова. Долго там бродили, все ноги о крупный гравий, там разбросанный, посбивали, выискивали мне джинсы.

Не нашли в итоге таких, чтобы и хорошие были, и по цене устроили. Я заметно пригорюнился. И тут тетка какая-то предложила джинсы вельветовые. Вельвет тоже материал модный, да еще если он мелкий, я это знаю. Короче, купили за сто семьдесят рублей темно-желтые, ближе к коричневому цвету. Джинсы «Риорда» на-

Серые телогреечки, серые, размытые лица... Конвоиры в шинелях сердито их поторапливают, даже овчарка одна здесь есть, правда, спокойная такая овчарка, сидит себе на задних лапах и сидит, с поводка не рвется. Овчарка - джентльмен...

зываются. Они, правда, пятьдесят шестого размера, а у меня сорок восьмой, ну, не беда, ушьете, успокоила тетка. А сестре кто-то и сказал, что лучше всего ушивают-подгоняют по фигуре джинсы в нагорном ателье «Дубравушка», куда мы и поехали. И, действительно, «Риорда» после нагорных мастериц на мне сидели очень даже хорошо – подчеркивая мои длинные ноги.

Помня о пословице, что «встречают по одежке, а провожают по уму», мне очень хотелось выглядеть, как говорили, городские парни, «упакованным». И пробыв первые недели учебы в костюме, в котором я и в девятом, и в десятом классе проучился, благо брался он мне на вырост, я очень хотел этот ставший мне ненавистным уже костюм красноватого цвета сбросить...

И вот, наконец, я в джинсах! Пусть и вельветовых. Но мама пообещала, что если они с отцом поедут к родственникам в Чимкент, там купить джинсы настоящие. Она вообще об одежде городской для своего сыночка миленького заранее позаботилась. Купила, видимо договорившись с продавцами, что они предупредят ее или оставят под прилавком, придержат, если вещи хорошие поступят в наш сельский универмаг, и куртку мне, и туфли.

Куртка светло-коричневая с капюшоном, с множеством карманов и карманчиков, с кнопками металлическими, блестящими, куртка переливающаяся, с подкладом утепленным, который на замочке, и который, если надо, снять можно. Куртка японская, красивая, моднучая, как, опять же, городские говорят. Точь-в-точь такую же куртку я видел на парне-студенте, которого иностранная разведка чуть не завербовала в кинофильме «Кольцо из Амстердама». И джинсы классные на том парне были, они так хорошо с курткой смотрелись, а вот какие туфли на нем были, рассмотреть не удалось.

Зато у меня какие туфли! Сколько раз я их мерил, по залу нашего домика деревенского сколько я в них выхаживал, а надел только на выпускной. Туфли, как и куртка, коричневого цвета, только туфли темнее оттенком. Они из кожи мягкой, остроносые, на каблуке высоком, югославские! В седьмом классе, помню, я жевал четвертинку пластинки тоненькой резинки жевательной, которой угостил меня троюродный брат Женька – сын тети Марии, живущей на улице имени Анатолия, а Женьке она досталась от дяди Саши, работающего в торговле.

И вот после того поразительно вкусного, пахучего малюсенького липкого комочка вторая югославская вещь у меня. А югославы – это почти капиталисты, это Запад почти. У них и уровень жизни выше других «братьев по социалистическому лагерю», и не слишком-то они, судя по сообщениям и статьям в газетах, родниться с нами хотят. Даже после смерти своего вождя Иосипа Броз Тито.

Словом, и на ногах у меня вещь западная, а куртка... Япония есть Япония – о качестве вещей японских в деревне, помню, узнали, когда вдруг завезли несколько лет назад к нам тоже куртки – яркие, разных цветов, из мягкой, такой красивой болоньи. И вот еще «Риорда».

Среди городских парней я выделил пару-тройку модников: джинсы «Монтана», кроссовки «Адидас», вельветовые пиджаки... Но я тоже уже к ним приблизился... туфель таких и куртки такой точно ни у кого нету... Кроме того, мама купила, тоже упробив продавщиц в универмаге придержать, припрятать, если завезут... мне к институту дипломат – так все называют небольшой плоский чемоданчик для книг и тетрадей. Мода на дипломаты появилась сразу после Московской олимпиады. Мой дипломат, правда, немного великоват и чуточку расширяется книзу, и не черный он, с белыми металлическими вставками, не пластмассовый, как у некоторых счастливицков, а опять же коричневый, но из настоящей кожи, однако.

Джинсы, зеленый пуловер, куртка, туфли, дипломат»...

И мне не стыдно уже прогуливаться по городским улицам и аллеям с Юлей.

А когда я провожал Юлю до снимаемого ею жилья на улице Мамонтова, когда свернули мы с Ленинского, прошли по пустынному в этот вечерний час Старому базару, по мосту через маленькую совсем Барнаулку, прошли и на мосту так вдруг, ощутила вся прелесть, пронзило меня это ощущение еще одного теплого сентябрьского дня, который вот, увы, уже уходит... и шли, и шли вдоль длинного зеленого забо-

И вот, наконец, я в джинсах! Пусть и вельветовых. Но мама пообещала, что если они с отцом поедут к родственникам в Чимкент, там купить джинсы настоящие.

ра, Юля прижималась ко мне бедром, случайно это выходило или нет, я гадал в волнении и об этом, всюду я искал знаков, намеков, полунамеков, и тогда мне делалось совсем уж неважно...

Я хотел обнимать ее, чтобы мы были одни, я хотел впитаться губами в ее пухлые, ярко накрашенные губы, раздевать ее, целовать все ее тело, тело юной женщины, я понимал это, словом, я хотел Юлю.

Все как-то быстро началось между нами, и также быстро закончилось. Юля стала встречаться с грузином Зурабом. Этот длинноногий из-за высоченного роста, ходивший, чуть сутулившись, жилистый, с гордым орлиным носом двадцатипятилетний Зураб был в моем понимании уже совсем взрослым, едва ли не пожилым. С ним мы сидели рядом на семинарских занятиях и осторожно зондировали друг друга на предмет отношения к Сталину.

...Сейчас я опять один. Да и можно ли назвать прогулки по городу с Юлей любовью? Нет, конечно же... Просто увлечение, точнее, влечение, причем только, кажется, с моей стороны...

А с ней, которую люблю, я все не решаюсь встретиться. Все не могу найти повод, чтобы прийти к ней в гости в общежитие кредитного техникума.

Я сошел с перрона, вышел опять на шумливую колготистую привокзальную площадь. И как бы специально для меня из динамиков автовокзала, что доживает последние месяцы, потому что на следующий год должны открыть новый, большой, двухэтажный, из стекла и бетона — я слышу:

- Внимание! Объявляется посадка на автобус, следующий до Тюменцева через Макарово. Отправление автобуса в девять часов десять минут. Посадка будет производиться с третьей платформы...

Вспоминаю, как ехал в утреннем трамвае с Потока с Лешкой Тонич, какой перегарище был в вагоне... На полтора часа поменяли расписание для этого рейса, а насколько поменялся я за это время?

Бреду от вокзальной площади, мысли начинают рваться, как в бреду. Бреду, как в бреду. А мысли в форме вопросов. Что я за человек? Что хочу? На что способен? Так ли все начинается в моей городской студенческой жизни, как мне мечталось?..

Стою, оказывается, я у кинотеатра «Мир». Возвращается чувство реальности. Смотрю на стенд «Скоро». Там всполохи революционные, крейсер «Аврора», Ленин и ленинцы... Скоро всесоюзная премьера фильма Сергея Бондарчука «Красные колокола»... Вспоминаю поговорку, вычитанную в словаре пословиц и поговорок русских: «Иди в город, там с колокольным звоном встречаются!».

...В голове прояснилось, но в душе не исчезает стыд за свое вчерашнее поведение. Сколько раз в детстве после поисков по деревне бати загулявшего я клялся про себя, что никогда не пригублю и капли спиртного...

До занятий еще уйма времени, в общежитие возвращаться не хочется, пойду в город, в его старую часть.

Город полон еще для меня сокровенных тайн. Одна из них в старой части как раз и кроется. Меня сильно влечет сюда, в тихое, спокойное, какое-то деревенское перекрестье улиц, переулков, тупичков...

Я выхожу на уже окончательно проснувшийся, даже дневной уже Красноармейский проспект. Иду мимо того места, где так восторженно был я приподнят над действительностью летом прошлого года, перед поездкой в Горный Алтай. Мимо гостиницы «Барнаул» иду, мимо магазинов «Золотая осень» и «Хлеб Алтая», мимо высотного общежития сельхоза, где запланировал тогда жить Юрка Колесов и живет, чертяка хитрый, и учится на факультете механизации, а друг мой Василий, с которым мы дружили, в Горном Алтае пребывая, восстановили, как и хотел, на агрономический поступил. Иногда в студенческую сельхозовскую столовую с огромным залом, что прилепилась к этой высотке, я ужинать хожу. А вот с Васькой и Юркой все недосуг пока встретиться. Мы трое только из класса в институт поступили, да еще Толик Александров в Омское танковое училище поступил.

Красное четырехэтажное здание сельскохозяйственного института миновал не-

Город полон еще для меня сокровенных тайн. Одна из них в старой части как раз и кроется. Меня сильно влечет сюда, в тихое, спокойное, какое-то деревенское перекрестье улиц, переулков, тупичков...

спешно: не сидят ли случайно на скамейках в этот утренний час мои друзья? Нет, не видно.

Среди домов деревянных здание кинотеатра «Первомайского» особняком стоит. Здесь два зала. Сюда я когда-то в детстве в один из приездов с родителями ходил на фильм про индейцев с Гойко Митичем в главной роли.

Дохожу до улицы Партизанской, пересекаю Красноармейский проспект осторожно: машины, трамваи, машины, трамваи... иду, иду. Рассматриваю верхние части заборных домиков, рядом с иным деревянным старикашкой, подслеповатым, кособоким, не выдержу, остановлюсь... Старина! Ах, как пахнет стариной, пылью многих десятилетий, если не века!.. сворачиваю в переулок Радищева, еще вправо по улице имени Чкалова - и вот я уже в переулке имени Циолковского... Иду вниз по нему, пыльному, неровному, с колдобинами, с бульжниками, норовящими о мои ноги запнуться, туфли мои модные поцарапать... Кажется мне, вот сейчас выскочат из проулка какого-нибудь, из подворотни, появятся мои друзья и кликнут меня на стадион наш деревенский: «Пошли, попинаем мячик...». Или в лес позовут... Как ты там, мой любимый, со щебетаньем птичьим, с коричневыми соснами в темных сапожках и зеленых шапках, с сограми, затянутыми всякой мелочью, наподобие папоротника или лесного шиповника, лес мой, с земляничными пахучими солнечными полянками, с настоем хвойным воздуха, как ты?..

Сколько я на такие ностальгические мысли не отвлекаюсь, все же понимаю, что я не зря в этой местности города оказался, не зря... Ноги вот сами и привели...

Все дело в том, что мне очень хочется на церковь посмотреть. Говорят, она единственная в городе, и сюда стремится давно уже душа моя, с тех пор стремится, как увидел я, проезжая на трамвае, купол голубой этой церкви, с крестом на солнце сияющим, купол...

Вот она приближается...

Я пересекаю трамвайные пути и под горочку прямо к ней...

Но войти в церковный двор, да тем более в саму церковь... нет, на это я не решаюсь, духу мне недостает...

Стою, рассматриваю из-за ограды стены кирпичные. Стены старинные, кирпич багровый, кое-где потемнел совсем. Голову закину, пячусь назад — купол и крест рассматриваю.

Вокруг церкви, и внизу, и сверху, у узеньких продолговатых с арочным верхом оконцев особенно - голуби, голуби, голуби... Воркованье их доносится в тишине. То вдруг всхлопнутся все разом, в небо устремятся.

Как-то странно мне... Бог, религия... Занимает это меня, тревожит, когда, как сейчас, я в уединении не только внутреннем, но и внешнем.

Я знаю, что мама моя верит в Бога....

Когда мы жили в Заводоуковске, у мамы там часто случались сердечные приступы, и когда ей полегчает, она благодарила Бога, Боженьку милосердного, что он ее не покидает, что дает силы с болезнью бороться. Мама шептала какие-то непонятные слова, а потом складывала три первых пальца правой руки щепотью, а два последних пригибала к ладони и делала неспешно движения странные. Я рядом с мамой сидел, все, что она негромко говорила, слышал. А про движения рукой мама сказала, что она крестится.

Боженька, Боженька... я пытался представить его, и выходил он у меня добрым старичком с белой бородкой. Мама шептала какие-то слова, а потом переkreшивалась.

Я, совсем маленький, пятилетний, тоже пытался повторить, неловко, но пытался повторить то, что делала правой рукой мама. Она, замечая это, только мягко улыбалась.

Но в доме у нас не было икон, не было никаких книг и разговоров про Бога и религию.

Отец, как я подрастая замечал, посмеивающийся добродушно и часто над мамой:

Мама шептала какие-то непонятные слова, а потом складывала три первых пальца правой руки щепотью, а два последних пригибала к ладони и делала неспешно движения странные. Я рядом с мамой сидел, все, что она негромко говорила, слышал.

то не так сделала, то не так сказала, когда весел он и беззаботен, легко скажет, пошутит, и все легко и беззаботно посмеются, отец никогда не шутил и не иронизировал над тем очевидным для нас фактом, что мама верила в Бога.

Сколько вот мы с другом Васей умных, так, по крайней мере, нам казалось, разговоров вели на темы высокие, темы философские, а про религию всего-то разок заговорили. Васек по складу ума естествоиспытатель, скорее, заявил, помню, со свойственным ему архапломбом (это качество, не спесь, не снобизм, но сверхуверенность в себе и нравилось мне в нем, притягивало, и, как ни странно, сглаживало непреодолимую, казалось бы, неприязнь подростка простых родителей, но также с апломбом к сверстнику своему — сынку директорскому, в их домище, к примеру, пять таких, как наш домик уместится, не меньше, а, наверное, и даже больше): вера есть не что иное как интеллектуальное затруднение.

Ого! Я тотчас затушил только-только начинавший разгораться костер нашего разговора, как обычно, разговора с множеством несогласий обоюдных.

В тот момент после этих слов друга проснулся во мне мальчишка пятилетний, заводоуковский и завопил, словно пороть его собираются: не троньте Боженьку! Не троньте!

Много лет спустя я нашел ответ, как мне представляется, ответ достойный своей безапелляционной симметричностью ответу моего нищестанствующего подсознательно (ну, какой Ницше в деревеньке приборовой в СССР начала восьмидесятых?) друга.

Я бы ему ответил так: вера - это старт к истине. И добавил бы: а тот, кто истину ищет, уже этим всяким темным силам страшен.

...Я стоял и стоял рядом с церковью...

Основательной такой, степенной. С молчаливой укоризной, будто людям говорящей: суетитесь все? Все друг друга гложете? Эх... да остановитесь же, к себе прислушайтесь, поищите в душе Того, кто думает и страдает о вас денно и ночью... Возрадайтесь этому и поделитесь радостью с ближним и дальним...

Основательная, степенная церковь... И все же чувствовалось, как устремлено это крепко стоящее на земле здание к небесам...

Рядом, напротив церкви, был продуктовый магазин, откуда вываливались иногда краснорожие взбудораженные мужики с оттопыренными карманами... Женщины выходили с авоськами и видом озабоченным... Тополя шелестели и теряли, и теряли свои листья...

Так бы и стоял вечность, стоял рядом и смотрел бы, и смотрел...

И тут звон колокольный раздался. Встретил-таки меня город колокольным звоном!

Совсем немного несколько скромных, приглушенных, но и в то же время торжествующих каких-то звуков поплыли в осеннем воздухе... И не знаю почему, но спазмы схватили мое горло.

Но продолжилась моя студенческая жизнь захудалым октябрём. С однокурсниками отношения мои выстраивались постепенно, неторопливо.

В самом начале, как только наш первый курс разбили на две группы по двадцать пять человек, как только начались первые разговоры «под сигареточку» в перерывах между лекциями — я, прежде всего, всматривался, вслушивался в ребят городских. Делал это без заискивания, разумеется, да и вообще, заметил, каждый из нас поступивших, особенно сразу после школы — мнения о себе необычайного. Пару-тройку этаких архикомпанейских ребят быстренько общим холодновато-отстраненным знаменателем остудили, они, как время покажет, и вовсе уйдут в тень, ничем абсолютно не запомнятся.

Чем же все-таки я отличаюсь от городских моих сверстников? Ответ на него искался и находился, примерно таким.

От городских я отличаюсь, наверное, в первую очередь вот этой врожденной, в де-

В самом начале, как только наш первый курс разбили на две группы по двадцать пять человек, как только начались первые разговоры «под сигареточку» в перерывах между лекциями — я, прежде всего, всматривался, вслушивался в ребят городских.

ревне часто просто дремлющей, зато в городе прямо-таки лезущей из тебя и потому сковывающей, деревенской застенчивостью.

Обратил внимание, как городские парни, не все, но большинство, из кожи вон лезут, чтобы понравиться преподавателям, услужливость их чрезмерна, так легко на подхалимство смахивает. Уж лучше так, думалось мне, бычком деревенским, насупленным, чем собачкой с вечно вихляющим хвостиком.

Внешнее же моё поведение, особенно после обновления гардероба, таило в себе возможности большие, нереализованные. Пока были только вспышки активности и то в очень ограниченном кругу. А хотелось... Хотелось стать, просто вот так, взять и стать душой компании, причём любой, быть бесцеремонным, нагловатым, шутить на грани фола, и в то же время хотелось сражать всех своей эрудицией. Городские, похоже, этим тоже не терзались. Другое дело, что у первых, кто решил в лидеры неформальные выбиться, пока получалось или плохо или никак.

Общежитская жизнь, казалось, имела все атрибуты для знакомств тесных, легко в дружбу переходящих. Но это в теории, на практике всё было гораздо сложнее. «Притирки» шли не спеша, к тому же, так получилось, что я не участвовал в начальных совместных пирушках первокурсников живших в общежитии.

А этому поспособствовали, точнее, мешали «мои» хохлы. Ко мне, а точнее к ним в комнату, первокурсники заходить стеснялись, особенно вначале.

Что же было в первые институтские месяцы моей внешней жизни?

Была Юля, как дымка растаявшая, была Наташа — она умница, всё свела к шутке, ну, зачем придумывать то, чего нету — таким ответом она нашлась в нашем регулярном телепатическом сеансе взглядов тайных.

Был грузин Зураб, уже заставивший Юлю, преданной собачкой за ним бегающую, сделать аборт — чачей зурабовской привезенной им после каникул был нарушен мой сухой закон. Чачу с того случая — как я оказался у себя в комнате на кровати не помню — я считаю одним из самых «бронепробивных» напитков.

Такие же как я деревенские парни, сразу после школы поступившие, жили по комнатам вместе. Я им, всюду комнатными компаниями ходившими, немного завидовал. Были и отслужившие в армии, уже матёрые, смотревшие на нас, на малолеток, как они нас называли, шутейно, впрочем, свысока.

Были и те, в основном, городские с кем мы играли в футбол на снегу, в одной из близко расположенных от общежития нашего хоккейных коробок. Исторический считался не только самым престижным, самым самонадеянным, с гонорком таким заметным для всех остальных, но и, в том числе, самым футбольным факультетом. В институтском первенстве мы крушили всех, в том числе и «двухмоторных» ребят со спортфака.

Не было только друзей пока. Но была Томка. Тамара Герасимова.

Она жила в комнате наискосок от нашей комнаты, как ее все в нашей округе звали «хохляцкой». Хохотушка, с длинной косой пшеничного цвета волос, курносая, с конопущками от детства оставшимися.

Как-то сразу, с первых дней учебы еще я почувствовал ее внимание, может и не повышенное, но внимание ко мне. После же каникул наши отношения с Томкой стали и совсем дружескими.

Помню, была какая-то мимолетная, несколько недель, потом стали ей тяготиться, игра, все же нам всем еще совсем мало, совсем мало годочков!

Играли, дурачась, в «семейные пары». Оля с Олегом, Наташа с Андреем, Ира с Игорем, я вот с Тamarой. «Мы с Тamarой ходим парой» — тотчас к нам приклеилось.

Дурачились, шли гурьбой «семейными парами» под ручку с лыжной базы на трамвайную остановку по рыхлому, с намечающимися уже лужицами снегу — март разогнался!

И мы вместе с ним! Неизвестно куда, но разогнались! Олег, тащил на всех порах за собой Ольгу, подкрадывался очень даже заметно сзади и пытался ухватиться за бляху

Такие же как я деревенские парни, сразу после школы поступившие, жили по комнатам вместе. Я им, всюду комнатными компаниями ходившими, немного завидовал.

на моих новых, родителями привезенных их Чимкента, где они гостили у родственников, джинсах «Вонтед». Синего насыщенного цвета. Настоящих, фирменных — это признавали все, оценивая их качество, Олег над этим и прикалывался: можно, хотя бы только подержаться, господин разыскиваемый? Вонтед — по-английски, меня, в английском непонимающего прояснили, розыск.

Итак, дурачились. Как насчет обеда, любимая? - Как всегда, дорогой, сухарик под половичком, ты знаешь где, найдешь, а мне пора на работу, и не забудь забрать из сада наших малышей. - Забыл, любимая, их у нас трое? - Четверо! О ужас! И этому склеротику я отдала свои лучшие годы! - Любимая! Голубка моя! Ну, не сердись, хочешь я для тебя, ради тебя... ну не знаю, я готов ради тебя на самые безумные поступки! Хочешь, я оплачу за тебя проезд в трамвае, хочешь? А еще ребеночка?.. - Конечно, хочу!..

И так далее и в том же духе...

У меня кроме этих упражнений в находчивости, кроме этого доброго отношения к хорошей девушке, озорной, веселой, никогда не унывающей, ничего и не было — тут я не мог себя пересилить, не мог, понимал, что это не хорошо, но... Томка была очень толстой, болезненно толстой, как выяснится позже, девушкой.

А у Томки дрожала рука, ладонь, в мою ладонь вложенная, трепетала, она вся дрожала, когда мы шли «семейной парой» под мартовским солнцем, тесно друг к другу прижавшись - все же играть-то надо: и «муж» обнимал «жену». Взгляд ее все-все мне говорил, все, абсолютно все, объяснял.

Чувствовала ли она, чем меня не привлекала? Мне кажется, и тогда казалось, что, конечно же, чувствовала, понимала это мое состояние, но что могла поделаться с собой? Скажите мне, ответьте хоть сейчас, все знающие, все понимающие в любви... И надеялась...

...А в один из поздних апрельских вечеров на «скорой» отвезли в больницу Томку.

Девчонки из ее комнаты говорили испуганно, что у нее опять обострился перитонит. А через день, прямо на лекцию зашла Зинаида Сергеевна и сказала, что наша студентка, ваша однокурсница Тамара Герасимова умерла.

Улица Молодежная, знакомая мне с детства, оказывается, имела среди прочих своих смыслов и смысл зловещий. На этой улице находился городской морг. Совсем рядом с роддомом. И между этими зданиями тучами ходили голуби.

Помня о смерти, восславим жизнь? — опять я чертыхнулся от такой пролезшей в мысли красоты.

На тополях обозначились клейкие, зеленые листочки и от этого оставшегося еще в твоих ноздрах запаха было еще страшнее заходить в морг.

Помню, что гроб был тяжелым. Помню еще, что девчонки плакали. Плакала наша бабушка Зина. Все остальное... Неважно, впрочем, все остальное.

Сейчас то я понимаю, что один честный, а потому и злой мудрец был прав, когда говорил: «не путайте: актеры гибнут от недохваленности, настоящие люди — от недолюбленности». Сейчас понимаю, а тогда?

Да, точно еще одно ощущение зафиксировалось в тот апрельский день на улице Молодежной вместе с недоумением — в мире существует дикая несправедливость.

Дикая. Необузданная, к сожалению, никем.

Уже потом, отойдя от шока, в молодости особенно человек отходчив, гуляя по старой части города, мне вспомнилось, что когда мы дурачились в «семейные пары», я, немного рисуясь, читал Томке стихи, точнее одно всего лишь и почему-то именно это блоковское:

*Мы встречались с тобой на закате,
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твоё белое платье,*

А у Томки дрожала рука, ладонь, в мою ладонь вложенная, трепетала, она вся дрожала, когда мы шли «семейной парой» под мартовским солнцем, тесно друг к другу прижавшись - все же играть-то надо: и «муж» обнимал «жену».

Утонченность мечты разлюбив.

Тут Томка, смеясь, переспрашивала: какую, какую утонченность? Я продолжал серьезно, пафосно, как никудашный актер:

Были странны безмолвные встречи.

Впереди — на песчаной косе

Загорались вечерние свечи.

Кто-то думал о бледной красе.

Томка опять играла, дурачилась при этих словах, потупив глаза, кивала головой, да, да, про меня, согласна.

Приближений, сближений, сгораний —

Не приемлет лазурная тишь...

Мы встречались в вечернем тумане,

Где у берега рябь и камыш.

Она уже просто слушала, кажется, я, прочувствовав по ходу чтения эту блоковскую беспредельность, начинал читать просто.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,

Все померкло, прошло, отошло...

Белый стан, голоса панихиды

И твое золотое весло.

И еще вспоминалось, что вот эти десять лет ровно, после смерти моего троюродного брата Толика, я не видел и не ощущал так близко, вот этого дыхания смерти.

Со смертью Томки, Тамары Герасимовой, обострилось во мне чувство жизни.

Как же она прекрасна, жизнь! Во всем прекрасна — и в радости, и в печали, и в отчаянии и в восторге, и в одиночестве, и в окружении людей... Но каждый день уходит и не возвращается больше никогда. И надо чувствовать, стараться, по крайней мере, чувствовать эту жизнь... И вместе с этим допускал я в сердце, слишком охотно допускал эту жуткую мысль, что все мы смертны. И всему есть конец на этой земле. И каждый, конечно, ощущает эту земную конечность и пытается храбриться, бодриться, если верит только в разум человеческий, который, вот, точно, и храбр, и бодр, и нацелен на новые открытия. И каждый постоянно в себе носит внутри эту вселенскую печаль о краткости нашего пребывания в этом дерзком и непослушном мире, никуда от нее не избавиться, никак ее не вытравить, хоть залей себя шампанским, хоть веселись с утра до ночи, и ночь веселись и во сне, и с каждой прожитой секундой все больше она, все сильнее.

А в лето мы вкатились веселой такой компанией.

Из шестерых первокурсников в ней лишь я один деревенский, напрочь решивший отбросить свою застенчивость. Один из нас очень хотел быть примой и ему нужно было остроумное, в меру вольное, но верное окружение.

Помогли нашей компании сформироваться две поездки. Первая на дачную станцию Березки, где в голой еще апрельской березовой рощи мы жарили шашлык, немного выпивали, пели под гитару, и тогда еще была с нами Томка.

А вторая и совсем с ночевкой в мае, куда-то за Затон, как объяснили ее инициаторы.

На тот берег нас доставил шустрый пассажирский катерок. Несколько минут всего, пока пересекали по диагонали Обь, но какое же это было счастье! Я и не знал до этого, что значит стоять на укачливом дебаркадере, ждать, потом пройти по трапу на этот маленький кораблик, спуститься в тесноватое, но уютное пассажирское отделение, пахнущее еще недавним косметическим ремонтом, перед этим увидев мельком в рубке настоящего, наверное, капитана, — кто ж еще-то при таких усах завитых! при фуражке такой щегольской с якорем! — потом ждать когда отчалим, испытывая при этом волнение придорожное, плыть, наконец, по волнам, стоять, выбравшись из об-

Как же она прекрасна, жизнь! Во всем прекрасна — и в радости, и в печали, и в отчаянии и в восторге, и в одиночестве, и в окружении людей... Но каждый день уходит и не возвращается больше никогда. И надо чувствовать, стараться, по крайней мере, чувствовать эту жизнь...

щей каюты на воздух, стоять под взявшимся из набежавшего облака прямым, редким дождем у бортика с красными спасательными кругами на нем и наблюдать, как пенится зеленоватая вода. Запах молодой воды, свежей, уже почти выветрившейся краски, запах духов чуточку терпких от стоящей рядом с тобой девушки, которая вышла за тобой из каюты под предлогом покурить и прижимается сейчас к тебе... Потом в тонком холодке вечернего воздуха, при сладких запахах молодой травы, уйдя с девушкой от костра, он огоньком пробивался через заросли тальника, ждал нас, целовать ее, ощущать, как безоглядно она тебе уже доверилась, все безмолвно решила...

Мы все шестеро как-то быстро сошлись, сблизились.

Каждый считал себя личностью уже сформировавшейся, прима, правда, так не считала, но, повторюсь, допускала в иные моменты и временщиков на те или иные инициативы, которые воплощались в походы, посиделки, просто гуляния по городу.

У друга примы была манера держаться с добродушно-угрюмой насмешливостью, с видом человека, который старше, опытнее всех на свете, он нам будто говорил: вот вам и подтверждение этому - такая незаурядная во всех отношениях девушка выбрала ни кого-то, а меня. Это нас, остальных, пока не раздражало. Нас ничто в этом мире и в этой нашей компании не раздражало.

Правда, я с удивлением обнаружил, что эти городские парни и девушки, прежде всего удивили, конечно, парни - будущие историки - совсем плохо знают старую часть Барнаула.

Я предлагал им прогуляться, скажем, до перекрестка улиц Чехова и Горького. Там такое здание красивое, закачаешься... В ответ слышал:

- А это где? От «Никитки» далеко?

Или, например, звал пройти по сохранившемуся еще с прошлого века мощеному участку, не скрытому асфальтом улицы имени Пушкина, в самом ее начале от улицы Промышленной. В ответ опять:

- А где это? Да, ладно. Че бульжники-то смотреть...

Я не решился тогда после этих ответов, что естественно, рассказать им о чудном месте - о речном порте - больше того, позвать их и туда.

Эта территория, мною открытая для себя во время уже весенних блужданий по приречной части города, огороженная высокой металлической оградой, понятно хорошо просматривалась. Она была вечно заваленной, загроможденной связками бревен, шпал, островерхими черными угольными горками и серо-сиреневыми холмами щебня, красными металлическими контейнерами, на которых можно было разглядеть белыми буквами названия совсем далеких городов и тогда казалось, что это не просто небольшой порт речной, а крупный морской. Над всем этим возвышались башенные краны, два из них сияли новизной и выпячивали, знакомясь со мной, немецкие имена на своих широких скулах. В этом речном порту все равно пахло морем, пахло страницами книг Паустовского, Грина...

Вспоминал, кстати, из Паустовского, которого знал страницами целыми наизусть: «Бывают города-труженники, города-коммерсанты, города-каналы, города-музеи, города-венценосцы, города-авантюристы...». Интересно, к какому числу, думал, отнес бы он Барнаул? Тем более он здесь был, хотя и проездом, но ведь был...

Вспоминал еще, что почти не таящийся оппонент нашего чудаковатого, архирассеянного доцента С., автора фразы «Барнаул - столица мира» всегда взвинченный молодой преподаватель К., сардонически улыбаясь, говорил нам, студентам:

- Конечно! Кто бы спорил! Конечно, столица мира, не иначе. Даже в словаре толковом Владимира Даля, надеюсь, со временем вы в него заглянете, наша «столица мира» проходит как медная монета местного чекана. Монета имела распространение почти во всю эпоху императрицы Екатерины Второй.

От порта шел по направлению к зданию, где размещалась контора речного пароходства - здание ничем не примечательное.

Но шел не к конторе, разумеется. А спускался по широкой лестнице, запущенной, впрочем, неухоженной, но все равно она для меня была едва ли не потемкинской, одесской, к «ковшу». Стоял, покуривал, смотрел на какой-то полузатонув-

Вспоминал, кстати, из Паустовского, которого знал страницами целыми наизусть: «Бывают города-труженники, города-коммерсанты, города-каналы, города-музеи, города-венценосцы...». Интересно, к какому числу, думал, отнес бы он Барнаул?

ший ржавый катер у берега, по его выступающей над водой частью, лазили бесстрашно несколько сорванцов, ощущал себя морским волком. Потом опять возвращался к порту.

А от порта, попрощавшись с немецкими кранами, я опять пускался кругами по улицам, носящим имена писателей, — мне это нравилось — Никитина, Короленко, Гоголя, Пушкина, Льва Николаевича Толстого.

Шел по тихим этим улочкам, рассматривал вязь кокетливых карнизов, мелькало вдруг, в распахнутых ставнях чье-то лицо, встречались на пути и кирпично-красные двухэтажные особнячки с дореволюционными еще затеями, узорчатыми выкладками, во дворах которых сушилось на веревках современное белье, возились с игривыми дворняжками ребятишки.

То попадался навстречу откровенно гордившийся своей кондовостью приземистый сруб, с толстенными венцами, басил мне с расстановкой: таков уж я, извиняйте, эстеты, но, предупреждаю: так просто меня с этой земли не сковырнешь.

Встречались и совсем уж сиротские, пропащие дома с кучьими оградками, таких и в деревне, думалось мне, уже не осталось. Но и от них шел запах жизни, вывернутой, незадавшейся, но жизни.

На Пушкинской, где размещался канифольный заводик и воздух был настоян канифолью, так смолисто ею напоен, что никаким ветром, казалось, невозможно его разогнать. А улица имени автора «Войны и мира», особенно когда выходил я из тишины и пересекал шумный и здесь Ленинский проспект, пахла детством — ирисками «Кис-кис» — знакомилась так со мной кондитерская фабрика.

Все это мне открывалось с каждой новой прогулкой по городу, все больше и больше я в это влюблялся. И город продолжал обхватывать меня объятием теплым и неотрывным.

Город был здесь другой, не как в центре, не южный, а старорусский, купеческо-мещанский, как в рассказах Чехова. В нем может, было и скучно его старинным обитателям и насточертели им эти узенькие улочки, эти отполированные штанами лавочки у заборов, но мне, как и всякому влюбленному, все здесь было интересно.

Здесь я вспоминал о многом, так хорошо здесь вспоминалось. О детстве вспоминалось, о несчастной любви своей, сколько, вот сейчас отсюда до общежития техникума, где она живет? С километр, наверное, не больше, а пройти, преодолеть этот километр я не могу. И не смогу уже, наверное, никогда...

И город утешал здесь своим покоем, грустью своей — не вешай, парнишка, нос!

А лето наступило между тем веселое, бодрое, не жажала жара страхом, но было тепло, ясно, с ласково опахивающим сдающих сессию студентов, ветерком.

Легко завершался первый курс, легко готовилось к экзаменам.

Читал то в общежитии, то в малосемейке, в которую перебралась семья сестры, — комната большая и кухонька, пусть маленькая совсем, но своя, и свой туалет с ванной — счастье светилось на их лицах, а Димыч требовал от меня, чтобы я, каждый раз приходя к ним, имел для него подарочек.

Каждый сданный экзамен, после третьего из четырех, я вырвался в нашей компании в передовики — все три пятерки — шли отмечать на «Никитку». Открыл нам это заведение — единственный пивной бар в городе расположенный на улице Никитина, где можно было сидеть, а не стоять за столиком, где пиво в полторалитровых графинах приносили официанты и где к пиву подавали закуски, чаще всего жареного цыпленка, где был мужичонка при входе, типа швейцара — друг нашей примы. Но конкретное, обстоятельное открытие «Никитки» было у меня впереди, а пока заходили в прохладу пивного зала, был еще зал напротив, где подавали коктейли и можно было танцевать, усаживались, немного смущались поначалу, но с каждым выпитым стаканом пива все меньше и меньше стеснялись.

И первый курс был позади — все пятерки — но повышенную стипендию буду я получать только через два года... Меня, равно как еще несколько парней с нашего курса, призывают в армию...

Улица имени автора «Войны и мира», особенно когда выходил я из тишины и пересекал шумный и здесь Ленинский проспект, пахла детством — ирисками «Кис-кис» — знакомилась так со мной кондитерская фабрика.

Но, ирония судьбы, я почему-то остаюсь единственным из пятидесяти парней, кто оставлен на «гражданке». Сияя бритой головой, «под Маяковского», мне так больше нравится, чем популярное «под Котовского», отправляюсь, радостно встреченный, прежде всего своей компанией, напрямик в археологическую экспедицию — обязательная после первого курса для историков практика раскопки земли, хранящей в глубине своей исторические загадки.

Две недели в палаточном лагере на берегу Чумыша. Вручение мне по приезду на место большой совковой лопаты лично профессором и руководителем экспедиции У. — очистить поляну от коровьих лепех. Задание ассенизаторско-саперское выполнено с честью.

Да, бесполезно меня, Алексей Павлович, этим, якобы унижить. В невесть, зачем вами объявленной мне скрытой, холодной войне — может потому, что я в любимчиках у декана Зинаиды Сергеевны? — я все равно выйду победителем. Потому, что никакой неприязни к вам, уважаемый светило археологии, нисколько не испытываю... Пятерку вы мне по истории СССР все равно ведь поставили — придирки ваши я парировал четкими ответами с внутренней злостью: а вот вам!

И я уже вывел для себя формулу, которой постараюсь следовать по жизни. Вот она, знайте, в том числе и вы, профессор: человека, как личность, создает его сопротивление окружающей среде.

Я уже вывел для себя формулу, которой постараюсь следовать по жизни. Вот она, знайте в том числе и вы, профессор: человека, как личность, создает его сопротивление окружающей среде.

Вернулся в начале октября из колхоза — одуряющий своей монотонностью, в принципе, месяц превратили мы, уже второкурсники, в месяц тоже веселый. Все было. И опять учеба, ходко пошедшая. И про «Никитку» мы нашей еще после колхоза окрепшей компанией, не забываем, и про футбол, и, кажется, все нормально, все хорошо...

Но, меня опять стало «бросать». Опять мир стал терять для меня свою яркость, свою неповторимость, свою первозданную, очаровывающую пленительность. Опять понесло на меня «от мира» только запахом тусклым и цветом довольно грязным... Стал невыносим мне, словом, опять этот странно-пошлый мир.

В те дни попался мне в руки сборник воспоминаний Аполлона Григорьева и в который раз, сидя ночами в тесной своей комнатенке я перечитывал про себя: «Я страдал самой невыносимой хандрой, неопределенной хандрой русского человека... безумной пеленой, нелепой русской хандрой, с которой и скверно жить на свете, и хочется жизни, света, широких, вольных, размашистых размеров, той хандрой, от которой русский человек ищет спасения только в цыганском таборе...».

Цыганский табор я заменял магнитофонными цыганами. Засиживался, пропивая «колхозные» деньги на «Никитке». Но, боясь, как нашкодивший мальчишка, маминного гнева, долго бродил после пивбара по городу, по старым улочкам, окутанным влажной тенью и глубоким молчанием, изгонял тяжелый пивной хмель.

Пытался, помню, заглядывать, однажды - зачем - а захотелось вдруг пойти работать сюда каким-нибудь учеником наборщика - в мутные, грязные окна первого этажа типографии главной краевой газеты, словно хотел там что-то такое увидеть...

В феврале на свадьбе еще одного однокурсника, пришедшего к нам из академического отпуска, и приглянувшегося мне тем, что, наконец-то, появился человек, хорошо знающий историю Барнаула, я опять самым безобразнейшим образом напился. Познакомился с одной красивой девушкой, рядом оказались наши места за свадебным столом, танцевал с ней, пока мог... И пил рюмку за рюмкой, не закусывая почти, а только запивая зеленым «Тархуном»... Очнулся в чужой квартире на широченной кровати под трагический голос радиийного диктора, зачитывающего правительственное сообщение о смерти Андропова.

Мне же ничего кроме холодной воды и не надо было, никаких новых генсеков, ничего.

В один из мартовских воскресных вечеров с пахучим и тревожным воздухом не сиделось мне дома.

Днем я вволю поразминался, борясь со снегом, за что получил похвалу от мамы, давно мне не за что было их от нее получать, и благодарность от разогревшихся, вспомнивших былое, мышц.

И вот что-то погнало меня, как по поговорке: туда куда ноги ведут, туда куда глаза глядят. Сначала на трамвайную остановку. Потом на трамвае номер семь доехал я не как обычно до площади Спартака, а дальше мне проехалось, дальше. Вышел и пошел по раскисшей днем, а сейчас похрумкивающей ледком под ногами дороге, прямо к церкви. К храму, так впервые я ее назвал и не смутился, и не стал себя корить за пафос. Ведь действительно храм.

Я чувствовал в себе сейчас решимость — зайду, зайду впервые... Что там за воротами?

Но... Прошел мимо.

Обогнул забор и, обманывая себя и утешая — посмотрю с этой стороны на него — вышел на пустырь уже с черными редкими проплешинами. Весь он был усыпан голубями.

Сколько же их! Они, наблюдая, заметил, менялись партиями: одни прилетали от Храма, другие к нему возвращались.

Я смотрел на голубей и думал: да, конечно, люди живут, сцепив зубы, злятся и ждут лучшего, да. Такова жизнь. А что это лучшее?

Что может быть лучше вот этого, что сейчас в моей душе происходит? Когда вот кто-то, живший до меня давным-давно, живший во мне, проснулся и нашептывает сейчас горячо, страстно, убежденно.

Все ведь просто, нашептывает, послушай.

Весь мир этот Бог создал для жизни и пользы людей — для каждого из нас. Так он нас бесконечно любит!

И если мы будем любить Бога и жить по закону Его, то многое непонятное в мире нам станет понятным и ясным.

Мы полюбим мир Божий и жить будем со всеми в дружбе, любви и радости.

Тогда эта радость никогда и нигде не прекратится, и никто не отнимет ее, потому что сам Бог будет с нами.

Я от голубиного царства опять пошел к храму. И, поднявшись на высокое крыльцо, вошел в открытую дверь.

В храме было много людей. В большинстве пожилых, но были и молодые, мои ровесники.

Слушали священника, батюшку, так я его назвал про себя. Он говорил - на мое удивление, я ожидал каких-то распевов, непонятных слов - просто, понятно. Но все равно почти ничего не запомнилось — из-за волнения. Запомнилось только о каком-то старце Нектарии (от нектара, что ли, имя, подумал):

- ...Старец Нектарий наставляет. Человеку дана жизнь для того, чтобы она ему служила, а не он ей. Человек не должен делаться врагом своих обстоятельств, но не должен приносить свое внутреннее в жертву внешнему. Служа жизни, человек теряет соразмерность, работает без рассудительности и приходит в очень грустное недоумение, не знает, зачем живет. Это очень вредное недоумение и часто бывает, что человек как лошадь, и вдруг на него находит такое... стихийное препинание... Старец Нектарий определяет духовный путь как канат, натянутый высоко над землей. Пройдешь по нему — все в восторге, а упадешь — стыд-то какой!

... Служба закончилась, но, оказывается, все только начиналось.

Вышел и пошёл по раскисшей днём, а сейчас похрумкивающей ледком под ногами дороге, прямо к церкви. К Храму, так впервые я её назвал и не смутился и не стал себя корить за пафос. Ведь, действительно, Храм.

Мы представляем стихи участников первого литературного конкурса, проведенного нашим журналом этим летом. По условиям конкурса, победители получали право на выпуск своей книги. Было объявлено две номинации – «Мастер» и «Первая книга». В первой победила Наталья Николенкова, наша известнейшая поэтесса, чья предыдущая книга, как оказалось, вышла почти 10 лет назад. Право на первую книгу получил Дмитрий Мухачев, один из лидеров нового поэтического поколения. Мы публикуем подборку стихов победителей, критические отзывы на них, а также стихи некоторых авторов, принявших участие в конкурсе.

Наталья
Николенкова

Обратный адрес

***

*Жить в словарях, в тетрадях
ночевать,
В собраниях сочинений просыпаться -
А на обратном адресе писать
Квартиру, город, дом номер
шестнадцать.
Жить-петь, влюбляться-лгать,
мечтать-летать,
Как тот, в тумане, одинокий парус.
Жить-быть и, знаешь что, -
не умирать:
Ведь там теряет смысл обратный
адрес.*

***

*Великие возлюбленные тех времен
Мирно спиваются поодиночке.
У него зрение +8.
(«Почитайте мне вслух Рембо!»).
У нее вечером - три по 50 с устатку.
Черноволосый красавец музыкант,
знаток тяжелого рока.
Высокая блондинка,
любимица местных фотографов.
Красивая пара, предмет легкой
зависти подруг.*

*Богемный ветерок 80-х,
душным ты стал и невеселым.
У нее - пожилая больная мама
и Интернет.
У него - комната без света
и воды на выселках.
Уже умерли собаки, рожденные в СССР.
Музыки все больше вокруг,
но все труднее ее услышать.*

***

*Вот и опять наступил
сладолюбивый август,
Месяц арбузов и дынь,
и предосенних дождей.
Надо сварганить пирог
из зеленых падалиц,
Чтобы все было достойно, как у людей.
Каплей медовой неспешное времечко
тянется.
Скоро пальнут персеиды
со всех стволов.
Что-то пройдет навсегда -
но ведь что-то останется
В нервах, в суставах, на дне,
в глубине голов.*

Дмитрий
Мухачев

Волшебная лестница

Молитва

Прелюдия пуста, как день прошедший
зря.

Под небом голубым стою
в чужой тени я.

Не дай же мне пропасть,
начальник пустыря,

Создатель автотрасс,
творец неврастении.

Я серый человек с часами на руке,
Прохожий без лица, один

из многих сотен.

С тобою говорю на пошлом языке
Железных гаражей, подвалов,

подворотен.

На скучном языке домов, дымов и луж,
Асфальтовых полян,

трамвайных остановок.

Я никому не друг, я никому не муж,
По моде не одет, не видел

фильмов новых.

Не дай же мне уйти в июльскую жару,
В березовых шумах навеки

раствориться.

В небесном трезвяке проснуться
поутру,

Где вовсе нет людей — лишь ангелы
и птицы.

Не дай же мне пропасть и отпусти
грехи.

Прости мой хамский тон,
вульгарность и плебейство.

Без твоего тепла и без твоей руки
Не выйдет ничего — хоть лбом

о стену бейся.

***

Умирает солнце над той травой,
где ходил подстреленный, но живой
безымянный егерь с большим стволом,
прорываясь к родине напролом.

Без особой пользы и без вреда
испарится молодость, как вода:
на кронштадский лед побросают нас,
не дадут окончить десятый класс.

Безыскусный рай, Туруханский край:
кого хочешь, солнышко, выбирай
и ломай об угол, чтоб кровь и крик,
чтоб про сон забыл и к войне привык.

Это жгут иконы в простом костре,
это города теплого артобстрел:
обмани патруль, проберись в подвал.
Вас таких осталось, от силы, два.

Раскаленный ветер, кислотный дождь.
Со свинцом в спине умирает вождь,
и несутся новости в проводах
и на складах - золото и руда.

***

Что касается Бога, то он везде:
В полупрочном ласточкином гнезде,
Типовых отраженьях витрин и луж -
Старомоден, всеведущ и неуклюж.

Что касается смерти - она есть яд.
Одинаково любит воров, крестьян
И хозяев ихних в больших авто,
И врачей, и бабушек, и ментов.

Будь хорошей дочкой, помой окно.
Мы с тобой сегодня пойдём в кино,
Нам покажут праздник в тылу врага,
Над селом закаты и ночь в стогах.

Как прекрасны песни чужих небес!
Я надеюсь, мы обойдёмся без
Громких слов, красивых трескучих
фраз —
Смерть и Бог, родная, волнуют нас.

***

Загадочная зима, пьянящая тьма,
дворы и дома.
Нет никаких трагедий вне твоего ума,
А есть только скрип усталый
космического колеса
Да эта волшебная лестница
в сиреневые небеса.

Холодный воздух ползёт,
как промывание ран.
Хруст под ногами, очарование
твоего двора,
Где magic stairway to lilac heaven,
и ты к перилам приник.
Пора бы тебе, приятель, учить язык.

***

Потом ты выйдешь замуж
а магната,
Родишь ему упорных сыновей,
На рынке купишь лук и два граната.
Твои глаза иссушит суховей.

А я войду, расчетливый и трезвый,
В тот коридор, где солнце и врачи,
В кармане пряча десять острых лезвий
И парафин божественной свечи.

Прошли года, мы выпали в осадок.
Запрячь подальше свой фотоальбом —
Ведь ни алхимик, ни агент Моссада
Не смогут отыскать спасенья в нем.

***

Я и сам хорош, не кормил коней
И по дому маме не помогал.
И мирской покой недоступен мне —
Слишком скучно лгал и людей ругал.

Очищенья свет не придет извне
Утихает ветер в моей степи.
Я стою по горло в густом говне,
Я по доброй воле туда вступил.

В несекретной капсуле сладкий яд.
Кулаком сержанта подбита бровь.
Вот опять окно, там опять не спят,
У людей тепло, у людей любовь.

Подари мне карту своих краев,
Чтоб я знал, где выход, а где родник.
И запомни этот микрорайон -
В нем наш общий друг головой поник.

Я его ошибок не повторю.
Лабиринты злые легко пройду,
Полоумных стражников обхитрю
И добуду детям своим еду.

Но стоят кресты во главе угла.
А в конце тоннеля сплошная тьма.
В переулках жизни метель и мгла,
Так неожиданно тут завелась зима.

Замерзает радости водоем.
Сигарету не у кого спросить.
И горит клеймо на плече моем.
Мне теперь до смерти его носить.

***

Я придумаю радугу, радугу для тебя
Утром повешу ее над районом,
полным рябин,
В котором гуляют мамы с колясками,
толпы бритых ребят,
Пусть от резкого света у них
в глазах зарябит.

Я придумаю радугу, я сконструирую сон,
Где, робкая и покорная,
будешь участвовать ты,
Петь разномастные арии с новой
весной в унисон,
Прятаться в шифоньер
от торжествующей темноты.

Веревка и мыло, игра не в свое лото.
Я неуместен, как «Диснейленд» на войне.
По телу в десятый раз идет
озверевший ток.
Все по моей вине, по моей вине,
по моей вине.

Елена Ожич

***

*Пусть не сезон урожая,
но пахнет фруктовой лавкой,*

*Августом в самом разгаре,
яблочным то есть спасом,*

Вынем когда из-под земли запасы,

*Чтобы зима приятней прошла,
пожалуй.*

*Воздух становится вкусным,
как в той сушильне,*

Где подсыхает яблочная нарезка.

Летом в таких ароматах жили,

*А в декабре и компот нам как сред-
ство от всех болезней.*

Яблоко носит зимою свою рубашку,

*Сшитую из контрольных, диктан-
тов, формул,*

*Мама тетрадки переиначила
на обертки.*

*Ты развернул бумажку,
наверное, вспомнил,*

Как не хотел на дачу,

Как был загорелым, вертким,

Яблочком перекатным,

Чумазым чертом.

Ольга Яковлева

***

*Мне снилась осень золотая
Там, за горами, за лесами,
И унесенных листьев стая
Была моими волосами,*

*И тень моя твоей касалась
Лишь самым краешком - поверишь?
И я была, и мне казалось,
Что сон мой жизнью не измеришь.*

Константин Гришин

Апрельский цикл

А.Н.

1. Посвящение

*Посвящение – подношение
И подарок, благая весть.
Сочинитель без разрешения
Нам поведал о том, что ты есть.*

*Принимая такой подарок,
Ты задумаешься. Душа
твоя – рукопись без помарок,
моя – стол со следами ножа.*

2. Ледоход

*Наши встречи в холодном апреле,
Наша молодость и стихи...
Ледоход в начале недели –
Как прощение за грехи.*

3. Разлука

*Под аркой, где ты пропадаешь,
Рассеянно прохожу.
К окошечку припадаешь,
Надеешься: напишу.*

*Ветку с листком рисуешь,
Крутишь свое кольцо...
Ты ничем не рискуешь.
Снаружи – ветер в лицо.*

Это литературоведческое исследование учащейся 11-го класса Алтайского краевого педагогического лицея Анастасии Мухопад было признано лучшей работой на краевом конкурсе «Будущее Алтая - 2010».

Образ друга в поэзии Натальи Николенковой

Анастасия Мухопад

Мы отобрали стихотворения Натальи Николенковой, в которых прямо упоминаются слова, имеющие отношение к дружбе («дружить», «друг», «друзья», «дружба(ы)», «подруга»). Пожалуй, полностью рассказывает о друге стихотворение «На слово «друг»...». Оно двадцать третье в сборнике «Девятое марта» (то есть, расположено почти посередине книги) и имеет авторское посвящение — Ольге Боряковой. Именно в нем, как нам кажется, сосредоточен основной смысл, которым поэт наполняет образ друга.

*На слово «друг»
Наложим табу —
Но флейты звук
Подымет в гробу.
Без слова «друг»,
Без мук и потуг —
Только флейты звук
Из твоих рук.*

Для понимания образа друга в лирике Николенковой важны все эти значения, но важно также, что друг — это другой, то есть «кто-то иной, не сам». В данном случае само слово «друг» непроизносимо, на него наложено табу. Из портретных деталей упомянуты руки и флейта.

Табу — это запрет, который налагался первобытными народами на какое-либо слово, предмет, считавшийся святым, и нарушение которого каралось сверхъестественными силами. Эта особенность приближает друга к Богу, имя которого тоже было непроизносимо. Друг, таким образом, представляется неким божественным существом.

Друг владеет таким музыкальным ин-

Согласно Толковому словарю русского языка, друг — «1. Тот, кто связан с кем-н. дружбой.

2. Стронник, защитник кого-чего-н. (высок.).

3. Употр. как обращение к близкому человеку, а также (прост.) как обращение к товарищу, к соседу, к близкому человеку».

струментом как флейта. Изначально она была атрибутом богов. Символически флейта представляет собой полую трубку с отверстиями, и восходит к кости, как вместилищу плотской, низшей души. С ее музыкой были связаны жизнерадостные, жизнеутверждающие праздники в древности. Исходя из этого, можно заключить, что друг обладает животворящей силой, как человек, отношения с которым основаны на духовной близости; он имеет свойство оживлять, то есть «поднимать из гроба». Гроб — это защитная оболочка, предполагающая возрождение; это временное пребывание души человека, с надеждой на новую жизнь, в данном случае даруемую другом посредством музыки флейты.

В контексте всех сборников друг обладает постоянными атрибутами, такими как: непроизносимое имя, руки, флейта.

Непроизносимое имя

Лирическая героиня не произносит имя вслух, но оно всегда хранится в ее памяти:

*Какой любовью сердце ныло,
Забыв о жизни остальной!
Я зашифрую твоё имя,
Оно останется со мной.*

С древних времен считалось, что вместе с именем в тело вселяется и душа. Имя определяет дальнейшую судьбу человека. Возможно, для лирической героини имя друга — это святое, его нельзя ни изменять, ни рифмовать с чем-либо:

*Земные рифмы летают повсюду,
Друг друга касаясь едва.*

*Есть имя, которое вечно не буду
Ни с чем рифмовать.*

В следующих строках из стихотворения «Тебя по имени назвать...» лирическая героиня сама дает объяснение, почему она не произносит имя друга:

*Тебя по имени назвать,
Как майской ночью воровать
В чужом саду тюльпаны,
Как на морозе лед глотать,
Как на поминках хохотать...
Останься безымянным.*

Как было сказано ранее, произнесенное имя приближает друга к Богу. Лирическая героиня дает дружбе имя «Божество», определяя ее как «хрупкий мир», причем вместо слова «имя», она употребляет — «слово», как бы зашифровывая его:

*Хрупкий мир на имя откликается,
Если ты придумал его,
Только неизбежно разбивается,
Отражая слово «Божество».*

Руки друга

Лирическая героиня часто упоминает руки друга. Из них исходит звук: руки открыты, протянуты на помощь. Рука является совершенным орудием человека, поэтому считается, что подавать руку — значит, показывать, что в ней нет оружия, камня, а значит — опасности. Открытая рука символизирует искренность. Также рука способна передавать духовную силу и физическую энергию. Примером этого являются знахари, которые с помощью рук исцеляют людей, избавляют их от мук и болезней.

Притяжательное местоимение «твоих», в словосочетании «из твоих рук», маркирует характер отношений между лирической героиней и другом: они достаточно близки друг другу, так как лирический герой обращается к другу на ты. Друг всегда находится рядом, он готов подать руку, помочь:

*Я руку протяну —
и встретится рука.*

Руки друга и лирической героини как бы объединены в одно целое. В стихотворении «Люблю тюльпаны за то, что губы в крови...» автор употребляет словосочетание «по нашим рукам», где местоимение «нашим» обозначает некую общность, це-

лостность. Или в стихотворении «Для того, чтобы море погладить...» есть строчки:

Вот твоя — и моя рука.

Но руки друга и лирической героини не всегда связаны друг с другом, например, в стихотворении «Песенка о самолете» говорится о том, что «пусто в руке»:

*Для любой победы немного надо:
Забить — и брести налегке.
Но холодно сердцу, и холодно взгляду,
И пусто в руке.*

Разлука с другом вызывает большое желание увидеть его вновь, почувствовать родную ладонь в своей руке. Так, в стихотворении «Перевал Кара-Тюрек» есть следующие строки:

*Нет ничего прекрасней
Летящей навстречу руки.*

Или в стихотворении «Друзьям»:
*За то, что ладонь о ладони мечтает, —
Простите меня!*

Но осознание того, что возможная встреча случится нескоро, лирическая героиня тоскует по другу и просит его написать что-нибудь от руки:

*Мы встретимся (прости за смелость)
На берегах большой реки.
Но мне бы большего хотелось:
Ты напиши мне от руки.*

В сборниках с образом друга связан акт дарения вещей на память, который осуществляется опять-таки через руки, посредством рук. Лирический герой связан с другом амулетом — фенечкой, которая не просто дарится на память, но выступает символом защитного круга, кольца, вставая в один ряд с «браслетом, перстнем, брошкой да серьгой»:

*Фенечка нужна одна —
Чтоб она в глаза бросалась,
Чтобы к шее и руке
Откровенно прикасалась,
Чтоб делилась теплотой
Кожи, бисера, металла,
Чтобы лучшие деньки
Длила и напоминала.*

Флейта друга

Интересно, что источником звука и музыки в «дружеском тексте» Н. Николенкова выбирает именно флейту. И флейта не всегда заключает в себе поло-

шенно наоборот. Автор как бы зачеркивает «мы», исключая подобную возможность соединения лирической героини и возлюбленного:

*Прости, я знаю, не бывает «мы»,
А только — небеса, леса, холмы.*

Автор подчеркивает их постоянную противоположность строками:

Мы с тобою всегда — врозь!

Даже руки друга и возлюбленного существуют в различной семантике:

*Я боюсь твоей усталости —
И поэтому из жалости
Мне протянутой руки.*

Рука друга для лирической героини — это, прежде всего, спокойствие, надежность, а рука любимого — это физическая боль:

*Люблю врага — а верую как другу,
Хоть речь его и лжива, и пошла.
Рукой сжимая ноющую руку —
Как будто вены разошлись по швам.*

Лирическая героиня испытывает постоянное желание отдалиться от возлюбленного, показать, что они «различны меж собой»:

*Любишь, милый, гулять по крышам —
Как у Андерсена, вдвоем?
Я оставлю окно открытым
И уйду целоваться с дождем.*

Или:

*Мы свой роман обставили цветами,
Но если ты один и я одна —
Ты сушишь розы, ты сентиментален,
А я — выбрасываю из окна.*

Отношения лирической героини и любимого не близки духовно:

*Когда предательство — привычка,
Любовь заключена в кавычки.*

Или:

*Я люблю тебя. Это серьезно.
То есть — зря.*

На основании изложенных предположений, можно сделать вывод, что любимый человек не является другом лирической героине. Любимый человек и друг — два разных образа.

Образ друга и образ чужих людей

В первом сборнике «Чтобы встретиться» лирическая героиня существует в определенном социальном окружении,

которое может именоваться как «непрочное троллейбусное братство». Но среди них нет друга.

По аналогии с образом возлюбленного, руки чужих людей вызывают некое чувство осторожности, может даже опасности, в отличие от рук друга:

*Не торопись рукой за руку братья
И варежку надень.
Непрочное троллейбусное братство
Чужих людей.*

В случае с чужими людьми уже появляется некая защита в виде варежки от чужих рук, в то время как с возлюбленным лирическая героиня все же держится за руки, пусть даже это приносит ей физическую боль. Следовательно, лирическая героиня старается как-то оградить, быть может, защитить себя от окружающих его людей, чужих людей.

Затем в последующих сборниках о чужих людях не упоминается вообще. И только в последнем сборнике «Карманная психиатрия» прозвучат следующие строки:

*Я в город одинаковых прохожих
Пришлю тебе дурацкое письмо.*

Чужие люди — уже одинаковые прохожие, не вызывающие интереса, опасности. Просто масса, без какого-либо различия друг с другом.

Подводя итоги работы, можно заключить, что образ друга в лирике Николенковой соединяет в себе следующие смыслы:

— во-первых, друг наделен постоянными атрибутами (непроизносимое имя, руки, флейта) и связан с мотивами музыки, воскресения, памяти, сферой знакомых запахов;

— во-вторых, динамика образа друга связана с вопросом о самоотождествлении лирической героини: до осознания своего предназначения и после. В первом случае речь идет о друзьях детства, во втором — о друге-вдохновителе, музе, ангеле, читателе;

— в-третьих, образ друга, являясь одним из центральных в творчестве Николенковой, определяет группы людей, на которые лирическая героиня делит всех окружающих его людей.

Двадцатипятилетний Дмитрий Мухачев – лауреат нашей премии в номинации «Первая книга» - один из признанных лидеров своего поэтического поколения (которое и в барнаульских масштабах уже дало немало ярких имен). Наталья Николенкова называет его «гениальным мальчиком». А на интернет-форумах вокруг мухачевских стихов кипят настоящие страсти.

Автопортрет героя

Константин
Гришин

По мнению комментаторов, его стихи – «сделанные тщательно, с любовью к слову, местами жесткие, местами нежные и лиричные, умные, но не нудные», «чудесное сочетание правильных слов, ритмов и тонких напевов», «настоящие, взрослые, самобытные стихи. Такие тонкие, полные смысла, яркие»... А с другой стороны, это – «гламур-литература», «приятная, но пустая болтовня за чашкой горячего чая... через пять минут забудешь, о чем шла речь»... Думается, значительную часть отзывов такого рода следует отнести на общий счет популярного направления современной русской поэзии, возможно, ее мейнстрима, в котором Мухачев, безусловно, находится (для того, чтобы убедиться в этом, достаточно почитать «большие» журналы, вроде «Нового мира» или «Знамени»).

Что же сам Дмитрий? Не берясь характеризовать его художественный мир в целом (это дело будущего), мы поговорим об одной из художественных задач, которую решает Мухачев, о том, что делает его стихи интересными читателю-собеседнику.

Сильная сторона стихов Мухачева - их живописность. Мухачев «рисует» Казанский вокзал, барнаульскую окраину, городской проспект, домашнее чаепитие с родителями. Но чаще всего он пишет о себе:

Небо уже победило в его душе

Окончательно неумолимо бесповоротно

*Сначала он просто не выходил на улицу
если снег
Потом начал пить по утрам пустырник
А дальше птицы запели арии
ломких ветвей
Абоненты сделались временно
недоступны*

По мнению Юрия Карабчиевского, серьезного читателя интересует психология автора. Мухачев знает это и идет ему навстречу. Одно из его лучших стихотворений начинается так:

*Куст смородины, сторож с палкой,
Хлеб, говядина и вода.
Я иду, я веселый сталкер,
Путешественник в никуда.*

Далее следует рассказ о «путешествии в природу». Он заканчивается знаково, знаменуя слияние с миром природы и отказ от ненужного «я»:

*Я исчез, я смешная пыль,
Мухомор на промокнутой кочке,
Алый мак, конопля, ковыль.*

«Веселый сталкер» мелькнул и исчез. Но если бы это было единственной попыткой поиска, увенчавшейся радостным растворением в действительности! К буддийскому (или пелевинскому) исчезновению мухачевские герои идут долго, попутно объявляя себе кем-то. явление «я - тире - то-то» встречается во множестве стихов Дмитрия.

Безусловно, дать собственный образ косвенно, через что-то - дело чести по-

эта. Вспомним здесь Пастернака, создавшего великое множество таких ярких картинок. Мухачев пошел иным путем. Он встал на путь, открытого автопортрета:

*Я и сам хорош, не кормил коней
И по дому маме не помогал.*

Но, конечно, это отнюдь — и к счастью — не Евтушенко. Вернейший признак истерической неуверенности в себе, иначе называемой романтизмом — прием «блуждающей маски». У Мухачева их сколько угодно:

*По проспекту на старой маршрутке,
мимо банков, барменов, аптек,
вспоминая нелепые шутки
ехал я — непростой человек*

.....
*Я аутист и аутсайдер,
Картина ненадежной кисти.*
.....

*Засвети мне рекламой глаза,
Тихо тающий вечер московский!
Я шагаю, спокойный, неброский.
Пьют студенты, визжат тормоза.*

Возможно, потребность в смене личин — органическая, а возможно, Мухачев считает, что у поэта их должно быть много в принципе. Иногда он пишет в третьем лице, как Бродский (причем читатель не сомневается, что пишет все же о себе):

*выйдя под утро из дома, он видит двор,
слышит пустое чириканье воробьев.
жизнь его — с небом прерванный разговор.
он апатичен и это его убьет.
когда-то он в форме был,*

*он держал удар,
Хайдеггера читал, но с недавних пор
балтика номер девять — его нектар,
а трудовая книжка — его позор.*

*Иногда во втором лице:
не ной, не ной, рифмуешь ты головой
а не сердцем ну и кому ты нужен такой
в нестиранных джинсах мелкий
унылый шнырь
с трудным своим бэкграундом
несмешным.*

Автопортрет у Мухачева имеет оттенок уничижительности. Может быть, он надеется, что кто-то полюбит его таким?

Что ж, ругать себя некрасиво в личном общении, но вполне уместно в стихах. Иногда Мухачев не брезгует романтическим штампом:

*И мирской покой недоступен мне —
Слишком скучно лгал и людей ругал.*

Странно: «маска» приближает нам поэта, давая его образ в минутной, в пределах одного стихотворения, определенности, но и отдаляет: свою психологию «веселый сталкер» не раскрывает. Только по навязчивости, с которой сменяются маски, мы можем догадаться, что поэт ищет себя. Его духовная личность размыта, с ней трудно вступить в контакт. Формальные поиски, заимствование лучшего у стихотворцев недавнего прошлого идут бок о бок с авторским эксгибиционизмом. Возможно, именно эта навязчивость вызывает у некоторых читателей раздражение, и она же столь привлекательна для многих других!

Мы предлагаем вашему вниманию настоящую литературную сенсацию – первую публикацию новой прозы московской писательницы **Нины Садур**. Нина Николаевна предпочла передать свою рукопись именно нашему журналу! Немного о ней самой. Садур, родившаяся в Новосибирске, стала знаменитой в 1980-х годах, когда многие театры страны поставили ее пьесы «Панночка» и «Чудная баба». Сегодня пьесы Садур идут на самых престижных сценах России и во многих странах мира. Издано (и переведено на многие языки) несколько романов, повестей, сборников рассказов.

Нина Садур

Мальчик в черном плаще

Повесть

Памяти моего отца

Николая Илларионовича Перезалова.

1

«Красивые отделяются от некрасивых», – безапелляционно заявил голос. И все.

Потекли и потекли слезы под затылок, под волосы.

Почему отделяются? Насовсем?

Спрашивать нельзя было. Отделяются они. Наступает такой момент. Бесповоротный. После которого...

Но плакать можно. Слезы щекотали шею. Они сами собой текли едкими струйками из уголков глаз по височным впадинам, обтекали скулы, затекали в ушные раковины, затекали под затылок и шею, мочили подушку. Лились, лились, лились.

Плакать ты можешь хоть всю жизнь теперь – это у тебя утрата.

Тебе разрешено плакать все время и жить только в одной печали. Это разрешено. Да.

Раз ты существуешь. Ты живешь. Ну, вот и будь.

Голос был важный и толстый, глухой и таинственный. В нем было судейское, но было и немного ехидства, и даже злорадство сквозило, что немножко удивляло какой-то неуместной мелочностью. Приговоры разве читают злорадно и ехидно? И так ведь посадят насмерть! Но нет, изгалялся вдогонку. Добраться бы до него и посмотреть – кто это? Кто это читает приговоры и наделяет утратами?

Но тебе тоже можно жить! Ты можешь жить в слезах и печали. Это твое право. Никто его у тебя не отнимает!

- Все валяешься? – в ее голосе немного скрипело. Не явно, но, в отличие от глухого судейского, который в голове изгалялся, в мамином голосе скрипел песок. Из которого льют стекло, потом оно бьется, стирается в пыль и оседает на горловых связках.

Мальчик приоткрыл глаза, мокрыми ресницами сжал ее силуэт, плавающий в столбе солнечной пыли. Если он сощурился, то силуэт исчезнет. Но к ноздрям прикоснулся запах матери – запах чуть прогорклой «Шанель», перламутрового серого платья и мертвого жемчуга. Немного покалывало сердце.

- Опять плакал? – равнодушно удивилась мама.

Мальчик распахнул глаза.

Сердце перестало покалывать, но тут же сильно-сильно забилося. Мальчик испугался, что мама его услышит. Его сердце услышит, как оно бьется в груди, и специально шумно завозился, освобождаясь от простыней, крепко спеленавших его, пока длилась ночь.

Мать рассматривала лицо Мальчика озабоченно, подробно, как будто хотела убедиться, что все на месте, ничто не прибыло, ничего не убыло. Все подконтрольно. Юное пухлое лицо с пряничным румянцем детского здоровья. Пшеничные мягкими кольцами волосы торчали смятым чубчиком над выпуклым лбом умника. Вздернутый «гусарский» носик и пухлый румяный рот. Лицо, готовое вспыхнуть весельем в любой миг!

Но когда встретилась глазами с глазами Мальчика, быстро отвела свои светлые и прозрачные, как будто светящиеся. Сухая, из резких линий и углов - сидела на диетах до синюшного истощения. Но светящиеся глаза и облако бледных волос над впалым лицом. И такой же, как у Мальчика, ягодный ротик.

- Я во сне... - начал было Мальчик.

Мать торопливо кивнула и двинулась из комнаты, чтоб он не успел ни сказать, ни спросить ни о чем.

Но в дверях устыдилась своего бегства, оглянулась, хотела посмотреть ласково, но увидела, какие у него толстые бабьи очертания даже под одеялом, и быстро отвела глаза.

«Мама, я огромный тюлень. Меня отбросило штормом. У меня в загривке обломок гарпуна. Мою льдину сносит в открытое море. Мои сородичи плачут на берегу. Мама, какой это ужас, смотреть, как тяжело мечутся они по краю льдистого берега, шлепая неуклюжими тушами, не в силах догнать меня. Они не перенесут разлуки со мной, мама, мама моя!».

- Все на столе, вставай, пока не остыло, - безжизненно прошелестела и выпорхнула, поскрипывая платьем.

И шелкнул замок входной двери.

- Мне что-то снилось, - проговорил Мальчик в пустой комнате.

Немного болела шея – затекла во сне.

Мальчик сел на кровати, потер шею, свесил ноги, стал нашаривать тапки и представлять, что ему оставили на завтрак. Не нашарил и зашлепал по теплему полу босиком – на кухню. Даже слезы не вытер – забыл. Чувство утраты ушло с уходом матери.

Женщина возила рукой в сумке, пальцы натыкались на бестолковые мелкие вещи, ей все казалось, что пальцы должны наткнуться на иголку, хотя невозможно это, думала: «Что за недоверие к собственной сумке?», а пульт от машины оказался в кармане.

«Это переходный возраст. Ничего нет стыдного, если мальчик плачет во сне. Надо было так сказать», - проговаривала Женщина про себя свои слова к сыну и трясла пультом на машинную дверцу, словно собаке с приказом «Лечь!». «Надо было сесть, поговорить с сыном. Он ждет поддержки от матери, ему трудно, он не понимает, что с ним, ему 15 лет. Он маленький».

На завтрак мама оставила ему плюшку оливье, четыре сосиски, два яйца вкрутую, бутерброд с сыром, бутерброд с икрой. На плите ковшик какао. В холодильнике на верхней полке лежала коробка с пирожными...

«Два эклера с шоколадной глазурью, две корзиночки с клубникой, два лимонных печенья. Для воспитания воли. До ужина трогать нельзя. Ведь я надеюсь на тебя, сын», - проговорила она почти вслух, шевеля губами и нетерпеливо следя за медленными чувственными воротами, тяжело отъезжавшими в сторону, чтоб пропустить ее машину.

Мальчик приоткрыл крышку – эклеры с шоколадной глазурью. Именно, что с шоколадной! Не с белой глазурью и белым противным кремом внутри!

- Именно, что с шоколадной! – громко упрекнул Мальчик высокое кухонное окно, откуда лилось золотое и теплое, и вдруг так развеселился, что легко забыл про холодильник, про глазурь и, взвихря стоялый воздух квартиры, понесся в свою комнату.

Машина Женщины вильнула в переулок – весь центр был перекрыт в честь Дня Победы. Сворачивая в Хлебный, Женщина краем глаза урвала майское цветение старых больных яблонь, словно выпрыгнувших к ней из пролетного двора. Ей стало жалко, что их скоро спилят – кривые натруженные их тела уже были помечены крупно белесо начертанными цифрами. «Сисястый» - вспыхнуло в мозгу школьное прозвище Мальчика, и она представила мягкое большое тело сына в стыдных бабьих складах. Мальчик был крупный – метр восемьдесят, и мог бы быть стройным и даже красивым, но был жирно оплавленный, плохо двигающийся, с большим румяным лицом и круглыми мягко глядящими глазами. Белки глаз были очень белыми, светящимися, что говорило о безупречном здоровье всех его внутренних органов.

Выезжая на Поварскую, Женщина уже слабо думала о сыне, забывала о нем, поглядывала на себя в зеркальце заднего вида, приготавливалась к любовному свиданию.

Плащ был огромен, как ночь. Ночь – великая подруга! Ночь тебя потеряет в себе, и ты ни к кому не вернешься!

Мальчик осторожно перебирал нежный иссиня-черный бархат обильных фалд.

- Мама – это вроде карнавала...

- Так дорого? – равнодушно удивилась.

Но купила этот бархатный ливень. Мама никогда ни в чем ему не отказывала!

- Мама, посмотри, какой у меня плащ!

- Что это за игра?

Это не игра, мама. Это не игра.

Плащ лег на плечи и пал мягкой и огромной тьмой, помавая тяжело за лопатками, за крестцом тяжеленным, запыленным подолом. Он был прохладный и нежный. В нем было легко и весело. На каждое, самое маленькое движение плащ отвечал подробным шелестом и долго затихающими вздохами мельчайших складок. Плащ плыл над паркетом, чуть-чуть (на волос) не доставая до него. Плащ хотел полета и подвига. В плаще толстых не бывает! В плаще порывы и ловкость! И горячие удары большого преданного сердца!

Ура! «Я гений тьмы, я рыцарь ночи!» – противным фальцетом прокричал Мальчик и понесся по начищенным паркетным гładям, дробившим солнце и бьющим в мягкие темные складки плаща острыми копьями света.

Он носился по квартире с гиканьем и топотом, сотрясая мебель и люстры, пока снизу в пол не застучали. Он так захохотал!

Его ждали! Его уже ждали! Сегодня великий день! Сегодня он обретет друзей своих!

И выскочил на улицу.

Улица ему обрадовалась. Маленький дворový сад бормотал свое, задыхаясь от света и топорща новенькие листики. Они блестели и сильно пахли. От них вскипали сопли и хотелось чихать. Две кошки пронеслись. И киргиз или же калмык с метлой смеялся вволю, сам себе в лицо, возвращая свой короткий, жаркий смех. Выпивший или просто веселый киргиз. Окна в доме стояли открытыми, но в них было пусто. Занавеска в одном окне вылетела наружу и дрожала, цепляясь за майский воздух. Все было светло и тихо. Но за домами с Нового Арбата шло глухое шевеление праздника.

- Привет тебе, о азиат! — прокричал Мальчик, топая мимо и мощно, толсторуко взметывая черные крылья к самому носу дворника.

Киргиз не перестал смеяться. Он жмурился и чихал - весенний киргиз, он кружился с метлой, топоча чувяками, кружа наспинную свою надпись: «РЭУ-5». «В степи сейчас цветут тюльпаны!» - догадался Мальчик и сразу увидел пламенеющую степь. Увидел разгорающееся небо. И юрту, и маленьких степных лошадок с нежными, лохматыми ножками и молочными весенними соплями, и горький дымок кочевий. Увидел юную иссушенную руку над кизяком, и горячий дымок сквозь пальцы, увидел пенный кумыс над обожженными лицами. И непонятные, кривые и сильные слова чужого языка. И далекие красивые горы. Мальчик никогда там не был. «Вырасту, поеду в степь. Весь мир объезжу!» — торопливо пообещал себе Мальчик, убегая от киргиза-калмыка и забывая о нем.

Пустой весенний, временно оставленный всеми, бульвар и черная ракета-Мальчик. «Можно и на проезжую часть!» — понял Мальчик и зачавкал по жирному газону на дорогу.

Он думал: «Все мое».

«Классно, как классно!».

Огромный такой и тихий-тихий, освещенный праздничным солнцем город. Он стоял над Мальчиком и смотрел на Мальчика. И Мальчик вдруг подумал — город был до него и будет после него. Понять это было невозможно. И даже почувствовать. Дома бульвара (сплошь сталинский ампир с итальянскими белоногими колоннадами под крышей), после мутной зимы освещенные прямым майским светом, рухнувшим прямо из неба на весь город, хотели, чтоб он их любил. Они красовались. Для Мальчика, старинные, они слепили стеклами, манили балкончиками, запеленатыми в бурые стебли ползучих растений, посвистывали башенками, они громоздились, усмехались... Но он был слишком юный и быстрый и слишком давно их знал, чтоб долго помнить о них, пробегая, а их язык был медленный, тайный, едва различимый. Но все же на миг он вскинул глаза - вот сейчас Мальчик есть, и город смотрит на него. Древний, но залитый весной и праздником. Немножко заболело сердце. «Здоровски! Как здоровски все!».

Он хотел уже свернуть в переулок, где его ждали, где была встреча, но медленный гул праздника клубился впереди, довольно близко, и Мальчик решил на минуточку забежать, посмотреть, как катятся старинные военные машины.

Парад уже закончился, и по Новому Арбату возвращались с Красной площади машины Второй мировой войны: катюши, похожие на эвакуаторы, какие-то жучиные штуки с пушечками — сорокапятки, и рассохлые жалкие зеленые грузовики с дощатыми кузовами - полуторки, каких мальчик никогда не видел. Совершенно непонятно было, как все это — едущее, дребезжащее, кашляющее, скрипящее - все эти дряхлые пушечки и спесивые, кругломорденькие «эмки» — вся эта ненастоящая дребедень могла выиграть хоть в какой-нибудь войне? Это были какие-то драндулеты! Ну, сравни хоть со «Звездными войнами». Ну, право! Понятно, что наша страна самая бедная, но не до такой же степени!

Но особенно поразили Мальчика солдаты в полуторкае. Они стояли на кривом борту, по колено им, их трясло и качало, и было видно, как они жалко, как бедно одеты. В зеленых, под горлышко, суконных гимнастерках с телячьими, широко растянутыми ремнями. На ремнях медные звездастые пряжки вдавлены во впалые животы. Такие пряжки продают на арбатских развалах. На узких, полуразвитых еще ребрах не было у них бронезилетов! Вонзи хоть перочинный ножик, если хочешь! Мальчика поразили их лица под пилотками. Как детдомовцы, как будто все вокруг для них — чужое. У этого чужого все для счастья есть, оно круглое и не проникнуть, и оно смеется над сиротами. «Они младше меня!» — увидел Мальчик. Но при этом они все-таки были взрослые дядьки. Не понимал, почему они казались ему маленькими-маленькими, хотя плыли высоко над его головой, покачиваясь в рассохшихся досках,

стрижено подпирая веселое небо. В них было очарование и упрек, и хотелось приятное что-нибудь сделать для них, крикнуть горлом, чтоб все ахнули и очнулись, только он не знал, что да как. «Они в костюмах, просто в костюмах, типа косплееров, - убеждал себя Мальчик, — они обыкновенные, они по Арбату ходят и в метро ездят». Но он никогда не видел вокруг себя таких скудных, детских, немного опустошенных лиц. Мальчик стал проталкиваться к бордюру. Веселые люди вокруг него сжимались, расстроганно блестели, что-то хорошее кричали в уши и показывали, как надо и: «Во-о-он как было... И э-э-х». Люди весело крыли советскую власть, а Мальчик боком выкатывался из-под их ног, протискивался к краю. Он вывалился на самый бордюр, так близко к дороге, что грузовик мог зацепить его бортом. Мальчик был взволнован. Он подумал: «Пусть они на меня посмотрят!». Потому что было совершенно очевидно — сейчас полуторка уедет, и больше он их не увидит никогда.

И, правда, посмотрели! Люди в суконных гимнастрках и кирзовых сапогах поверх зеленых штанов, заметили Мальчика. И все как один повернули к нему лица. Волна паники ошпарила Мальчика. Сейчас они заржут, что он толстый. Как в спортзале. Как на линейке! Что он идиот, идиот! Он хотел метнуться назад. Но наткнулся спиной на твердотелых людей. Сейчас заржут, будут орать: «Жиртрест, молокозавод, сисястый». Те, задние, его не пропускали, а солдаты, мучая своей невозможностью, проезжали мимо. Но солдаты ничего не орали, они молчали. Они покачивались в ритме движения в деревянном кузове. На земле люди болтали, как хотели, а эти молчали у себя наверху — все лица, как одно — на Мальчика.

Но у него же был плащ! И тогда он им взмахнул! Солдатам взмахнул — привет вам!

Люди в кузове тут же обрадовались. Засмеялись, замахали ему. На миг даже показалось, что облегченно выдохнули все разом после его взмаха. Как будто очнулись. А-то могли уехать, а он бы не поздоровался! И они бы все ждали, все бы удалялись, смотрели бы на него, а он бы стоял, как настоящий идиот у доски на уроке. Нет! Он легко и красиво взметнул свои черные крылья — привет вам, солдаты! И сразу стало много движения у них. Кто-то пронирыливый раздвинул их ряды и выскочил вперед — солдатик с гармошкой заиграл, замигал, запрыгал, ныряя под ноги товарищам и вновь выпрыгивая над бортом грузовика стриженной головенкой. Пел комариным тенорком что-то шелкающее, коротко взлетающее, прострельное, что-то - слов не разобрать, но солдаты дружно грохали в ответ каким-то единым тяжелым охом, и в самых заверченных коленцах тонко, разбойно и лихо досвистывали куплет. Так они отвечали Мальчику на его восхищенное внимание.

Восторг раздул грудь Мальчика. Солдаты кричали лично ему, он от счастья не понимал - что (оглох от счастья он)! Звали с собой, что ли... Он им не казался ни жирным, ни идиотом. Нормальный пацан! «Классно! Как классно!» — Мальчик задыхался от стука своего сердца.

Люди вокруг Мальчика тоже махали, кричали, плескали руками вслед грузовику. Тот уезжал. Солдатики перестали махать, как будто потеряли силы, молча удалялись, покачивались. Только один, с гармошкой все пел и плясал в ногах у своих товарищей.

Вот они уехали и все. Мальчик опять смутно подумал о том, что тревожило его уже давно — все, кто ему нравятся, уходят очень быстро. Но тут Мальчик вспомнил, куда шел. Здесь недалеко, в Хлебный переулок, он на минутку вышел сюда, на парад посмотреть, на машины военные.

И, навсегда уходя от солдатиков Великой Отечественной войны, он, шевеля губами, проговаривал внимательные слова про то, как будет рассказывать о них своим друзьям. Значит, таким каким-то образом солдаты немножечко еще побудут рядом (это к тому, что никто никуда не девается, никто - никуда!).

Все еще радостно дрожа, свернул под арку в Мерзляковский переулок. Уже на подходе к Хлебному увидел худенького Старика в инвалидной коляске. Старика отсюда, сквозь полукруг арки, видна была часть Нового Арбата, по которому военная техника катилась вспять. Здесь сутолоки не было, и Старик отсюда наслаждался зрелищем

один. Старик давно следил за Мальчиком — так остренько поводил сухим личиком, И вот - смог-зацепил взгляд Мальчика и замахал, заныл. Подходить не хотелось, чтобы не потерять связь с уехавшими солдатыками. Но Мальчик уже встретился глазами с бледными, как будто выплаканными, глазами Старика. Пришлось подойти.

Мальчик взгромоздился над Стариком, весь крылатый, нуаровый. Повел плечами, и плащ в ногах его запел, ласкаясь к икрам.

Мальчик слегка поклонился. Отдал легкий поклон.

- Вы были на параде? — спросил Мальчик, вежливо заводя беседу.

Грудь Старика сверкала золотом и рубинами. Мальчик засмотрелся.

- Не был,- тут же ответил Старик, быстро глянув на воздух у себя под коленками.

- Я на войне был, - добавил Старик и продолжил чего-то ждать.

Тогда Мальчик приободрил Старика.

- Америка сейчас бесится.

- Почему? — удивился Старик.

- Ну как! Мы их победили! У нас День Победы. Им же обидно. Побежденным всегда обидно!

Старик аж задрожал своим усеченным тельцем. Он запрыгал мячиком на сиденье, и стало видно, что коляска ему велика. У него все лицо затряслось, а морщины под глазами наполнились влагой. Старик сильно покраснел, потом сильно побледнел. Он открыл рот, и Мальчик сжался — опять ему будет! Опять он ляпнул! Запылал, опустил низко голову, стал сопеть, стал возить ногой по асфальту, уперся тоскующим взглядом в колесо, в трещину в асфальте и потом стал следить за мятыми лепестками, принесенными из какого-то двора сквозняком. Лепестки крутились по асфальту у колес, цеплялись за трещину и вдруг приподнялись все разом и запрыгнули всей стайкой на колени Старика. Мальчик изумился, как они это сделали? Старик все это тоже видел. Лепестки лежали на остатках солдатских ног и никуда не хотели. Старик засмеялся. Мальчик улыбнулся — Старик не злой был.

- Парень, купи у меня книжку.

Мальчик, не веря себе от счастья, закивал-закивал круглой головой. Его точно не будут ругать! Орать на него не будут!

Под плащом он сунул руку в карман и вынул тыщу, скатанную в трубочку, — его деньги на весь день. Высунул руку из плаща и отдал трубочку старику. Тот, не глядя, взял и протянул в ответ тонкую, старенькую, красно-бурую книжицу. Маленькая, в ладонь мальчика, тому показалось даже, что записная такая книжка. Она вся иссохла и ничего не весила. На ней выбито было название. Но позолота с букв обсыпалась, и прочитать сразу было нельзя. Горячая ладонь Мальчика была ей так же велика, как коляска тельцу Старика.

- Спасибо, - сказал Мальчик, все еще пряча глаза и поглядывая на книжицу, такую же бедняцкую, как военные машины на параде, как суконные гимнастерки солдат, как их лица.

- Это я сам написал. Это стихи. Я поэт, — проговорил Старик с огромной тревогой в голосе.

- Классно, - сказал Мальчик, втянул руку с книжкой в складки плаща, сунул ее в нагрудный карман, и она тут же пригрелась у горячих ребер ребенка.

«Классно! — восторгался про себя Мальчик. — Дед поэт. Пишет книги. Классно!».

И смело посмотрел на Старика.

- Хотите, я вас докачу? Вам же трудно крутить! Вам куда? — предложил Мальчик, разгораясь приятным волнением и не думая, что опоздает идти дальше.

А Старик обежал своими мокрыми глазами пыльное лицо Мальчика и снова развеселился.

- Ты лихач наверняка, а если я вывалюсь?

- Да вы что?! — поразился Мальчик. - Я вам что, совсем идиот?!

Опозориться он никак не мог! Он заметался, замахал руками, взвывая черно-шелковые вихри, и — туда-сюда попрыгал, показав, как он ловок, силен, как он приподымет коляску над ямкой, прямо вместе с усохшим тельцем, тихонечко поставит ее на той стороне, а ветеран даже не ударится, не почувствует, а потом лихо прокатит по самому краю траншеи, где косматая, сочится ржавчиной труба, (вот туда навернуться!) но — внимание! - он умело обогнет насыпь и потом не зацепит вон ту горбатую помойку! Такой он совершит марш-бросок. А дальше они уж помчатся по ровному!

- Нет уж, - сказал Старик. - Я сам! — и взялся за колеса, укатываться.

Сильно надавил руками на колеса, и коляска невесомо развернулась обратной стороной к Мальчику. Мальчик смотрел, как подрагивает стриженный седой затылок над худой шеей, зажатой стареньким воротничком. Удалялся.

Всегда получалось, что те, кто становились нужными, были Мальчику намного нужнее, чем он им. Так иногда уличные животные подходят к нам и зачем-то бегут торопливо на своих маленьких ногах вдоль наших шагов. Ярko смотрят младшими глазами снизу. Но не выдерживают и отстают.

«Надо спросить про руки», — догадался Мальчик.

- Вы их тренируете? — крикнул Мальчик и подался за стриженным затылком, сокращая разрыв.

В то же самое мгновение поднялся ветерок, несильный, но уже хорошо нагретый майским полднем. Ветерок бросил новую горсть лепестков, те бессильно замялись между спицами стариковской коляски, Мальчик загляделся на них, не понимая, откуда их приносит — (ни одной яблони поблизости), Старик крутил колеса своего транспортного средства, выданного государством взамен оторванных ног, а шелковый край тонко скользнул в сквозной и звонкий проем между спиц и стал надежно наматываться-увязать в колесе. Плащ сильно дернуло, и Мальчика кинуло на Старика...

- Ну, ты даешь, парень! — удивился остановленный, — с тобой не расстаться никак!

- Извините! — Мальчик поднялся с груди Старика.

Он больно уколол лицо орденами. Он боялся заплакать.

- А я не обижаюсь! — весело крикнул Старик. - Ты молодец!

Мальчик тут же поверил. И сильно дернул плащ свой.

- Ты так порвешь, - заметил Старик.

Он умным движением покрутил свои колеса чуть назад, потом чуть вперед, тогда плащ ослабил хватку и, легко выскользнув, вернулся к Мальчику.

- Здоровски! - Мальчик вновь восхищался.

Старик тоже радовался, глядя на большого Мальчика.

- Вы одними руками управляете, - заметил Мальчик, - а сами небольшого раз... роста.

- Именно, что размера, - уловил Старик, окончательно отказавшись уехать от Мальчика, - был роста, стал размера. Я с войны такой. Я привык. Я руками хожу.

- Здоровски, - неуверенно повторил Мальчик.

- Нормально, - подтвердил Старик.

Старик уже нравился Мальчику до невозможности. И очень хотелось рассказать про сны, про все, но Мальчик не знал как. Может про это вообще никому никогда нельзя рассказывать? А какими словами? И — что? Что именно?! Мальчик не помнил снов этих. Даже сегодняшних утренних слов, вырванных из последнего сна, он уже не помнил. Только сильную, острую и свежую грусть от всего этого.

Мальчик боялся, что Старик уедет и боялся начать говорить. Он надеялся, что если расскажет про эти непонятные сны, то они больше никогда не явятся к нему, и не придется лить сонные слезы, и потирать стесненную грудь, и цепляться за что-нибудь яркое, пытаясь развеселиться. Поэтому он стоял, слегка загоразивая Старику проезд. Чуть-чуть не пуская его вперед, ехать дальше. Уйти от него, от Мальчика. Он хотел, чтоб ему всегда было хорошо. Поэтому он не отпускал Старика.

- Нормально – повторил Старик, слегка отъезжая и умно примериваясь, как бы объехать его, наконец, такого огромного. - Мне еще повезло. А есть народ - без рук - без ног... это, брат, кому как выпадет.

- Как это? – поразился мальчик. – Как же они живут-то?!

Всполошился, замахал руками. Плащ опять запел.

- А куда деться? – отозвался Старик, думая о своем и забирая с левого фланга, но заехал на неровное. Отступил-перестроился и выступил с правого фланга, опасно взгромоздясь над траншеей.

- Какое тело дано, брат, в таком и живешь! – процедил, деловито меряя взглядом большое тело Мальчика.

- За ними ухаживают! – догадался Мальчик. – За ними кто-то ухаживает?!

Молитвенно воздел руки и горячо вспотел.

- Естественно, ухаживают! – подтвердил Старик, осторожно скатываясь с траншейной насыпи. Поджался весь и, хищно сузив глаза, бросился на таран. Но сильно ударился о Мальчика и забуксовал у ног его. И отказался от наступления.

- Вот уже битый час мы с тобой тут толчемся, а я ведь праздновать хочу! – захныкал побежденный.

И Мальчик сдался. Ему стало стыдно. Конечно, старый фронтовик уже должен сидеть за праздничным столом со своими боевыми товарищами и поднимать горькие стопки, и плакать слабыми глазами, и петь военные песни, и кричать «Ура-а-а!»...

- Извините, - прошептал Мальчик, сам готовый заплакать.

Он поднялся на траншейную насыпь и освободил проезд.

- С праздником!

- И тебя также! – буркнул Старик, бешено крутя колеса, мотая телом для усиления движения и раздувая ноздри в предвосхищении свободы.

- А вам хватит? – тихо, почти неслышно спросил Мальчик в спину Старика, стараясь сдерживать сожаление от расставания.

- Чего хватит? – отозвался Старик, не оглядываясь, но замедляясь, - он тоже еще не совсем разлучился с Мальчиком.

- Денег, чтоб праздновать?

Старик взвизгнул своими колесами, и те прочертили на асфальте черные зигзаги – так молниеносно развернулся Старик всем своим агрегатом обратно – лицом к противнику своему.

- Тыщу не хватит? Мне тыщу и не хватит? Ты издеваешься, парень?!

- А как праздновать?! – тоже заорал Мальчик. - Что вы друзьям своим предложите? Стакан водки - кусок хлеба?! Опозориться хотите? Праздничный стол! Салаты хотя бы! А горячее? А торт?!

- Ну, довел ты меня! Довел же! - Старик стучал кулаками по коленкам, где кончались ноги.

- Просто - взял и доконал!

Стало видно, что Старик больше не хочет казаться старше и умнее Мальчика. Что весь запас его старшинства и ума закончился. Закончилось терпение. Закончилось все. Старик запищал:

- Нету их никого! Ты хоть понимаешь, а? Ни одного не осталось! Я на эту тыщу один и напыюсь, и наемся. Ты хоть понял, а? Во так вот!

Старик резанул себя ладонью по горлу, показывая, как напыется и наестся, потом вцепился побелевшими пальцами в колеса и крутанул их вперед, вновь сильно ударясь о Мальчика.

- Это хуже нет, парень, когда друзья твои умирают, — зашипел оглушенный. — Это врагу не пожелаешь — товарищей своих пережить...

Мальчик совсем перестал дышать. Ему тоже было больно — Старик въехал башкой прямо в живот ему, а ребром коляски под коленки. Там что-то громко хрустнуло от удара. Мальчик подумал: «Вот сейчас отломаются ноги мои». Мальчик казался себе сокрушенным, но не до конца — ему все-таки верилось, что если он не упадет, то Старик оценит это.

- Мы — не вы. Мы — не вы. Ружей даже не было. Винтовок, я извиняюсь, Мосина даже! Бинтов!!! Курева!!! Даже Бога у нас не было. А товарищи у нас были.

Вот они — ответы!

- Не верь никому, что забудешь. Что жизнь длинная. Жизнь всегда одинаковой длины. Как вначале. Ничего не забывается. Оно всегда с тобой. Даже если мозг ослабнет у тебя, то тело будет помнить. Тело не все у тебя, волосами помни. Если лысина на башке, тогда еще что-нибудь — ноздри, уши твои и ногти ничего не могут забыть. Сколько тебя остается в мире, стольким собою ты помнишь! Товарищи твои живы, остальное — дребедень...

Хотя слова были совершенно непонятны и даже несуразны, но их звучание и напор, и огонь, исходящие от убывающего старческого голоса, и были ответами Мальчику на те вопросы, которые он не умел задать. И разгадками снов.

- Товарищи твои главней всего в жизни...

- Я понял, понял, - Мальчик попятился, не в силах больше выносить это переживание, которое сам же и исторг из куцега Старика. - Вы только не нервничайте, вы же старый, вам, наверное, нельзя. Я пойду, извините, пожалуйста, товарищ ветеран...

Он повернулся и быстро пошел прочь.

«Это рост у тебя, поэтому ты грустный. От роста грустный. Рост установится, и грусть пройдет», — бормотал Старик сам себе, скрипя натруженными своими колесами и думая о Мальчике. Думал, что тот его слышит и утешается его словами. Вот сначала не хотел говорить, а теперь говорил и уже не хотел остановиться (он ведь сразу заметил, какой печальный этот ребенок).

«Мне твою тыщу на две недели хватит, - рассуждал Старик вслух, - плюс пенсия, плюс продуктовый подарок от мэрии». Вздрагивал, надеялся, что его окликнут.

И плакал, и ехал, и солнце играло его нагрудным золотом, а он желал, чтобы им восхищались и чтоб над седидами его стрелял салют.

Пока грозный невидимый главнокомандующий не окоротил его:

- Спрячь свои язвы и увечья, народ. Если ты честный!

Тогда Старик втянул сопли, зажал волю в кулак и зарулил к магазину.

2

Вот как раз где-то на середине двора они и встретились. Сам магазин-подвальчик недосягаемо для Старика располагался за тротуаром. Преодолеть нужно было не только бордюр, отделявший детскую площадку от тротуара, но и крутой спуск в подвальчик. Старик, конечно, не собирался скатываться в преисподнюю, гремя колесами и орденами. Он хотел подождать у крылечка, попросить самого честного — купи мне хлеба, товарищ, сто граммов сыра российского, сто граммов колбасы докторской и поллитровку белой, сам понимаешь! А курево у меня есть. Но, увидя ее, Ста-

рик заколесил к ней. Она показалась ему худой, несуразной, слишком длинной для своего естества. Как будто бы выпала откуда-то и озиралась здесь. В чем-то она серо-блестящем, и немного доброй, и немного нервной, и то ли хотела быть красавицей, то ли наоборот – окончательной гримзой. Ясно видно было – она ни на что не решалась, ни к чему не готова, застигнута врасплох навсегда. Недотепа, короче. Он решил ее попросить все купить – эта сдачу точно не стырит! А подъехав, запаниковал: «Ничего себе! Ничего себе!» - так сияли ее бледные глаза. «Вот отъеду-ка я...» – сразу решил. Но женщина уже улыбалась ему. Влеклась, шурша, и делая обманные движения, как бы не решаясь подойти. Так вот богомол притворяется прутиком.

- С праздником, дорогой наш ветеран! – пропела Женщина фальшиво.

- И вас также! – отозвался, тоже стесняясь.

Снова сделал попытку покругить колеса, но был цапнут наточенной ручкой.

Волосы (цвета ее платья) качнулись, когда она склонилась над ним, и душно пахнуло молодым телом.

-«Красная Москва»?! – поразился Старик.

-«Шанель номер пять», – волосы отрицательно качнулись.

Старик увидел, что она боится.

- А пахнет похоже, – сказал Старик.

Женщина быстро распрямилась и, радуясь своему знанию, сказала:

- Мы в свое время просто украли запах «Шанель», огрубил его и создали «Красную Москву».

И, почувствовав свое превосходство, ласково предложила:

- Вам, наверное, в магазин?

- Нет, - сказал Старик, обижаясь за русских.

- Я вам все куплю, - настаивала.

Старик тогда быстро назвал, что купить, чтоб скорее все кончилось, чтоб хитиновый шелест ее покровов скрылся за теми кустами, чтоб Женщина – как выступила, так и обратно слепилась бы с изнанкой мелкоцветущих ветвей у ограды, чтоб побыть одному в майском, уже вечереем, денечке. Чтоб притвориться, что он никогда не встречал эту Женщину. Он бы закрыл глаза, и запах солнца, и кирпичной стены с отбитой штукатуркой, и ярких липких листьев, и железной качели, и даже звон кружашегося чая из низкой форточки - вся тишина арбатского двора – ему, внутреннему, сердечному, горячему и дрожащему, сказали бы – ты молодой, ты не старик, ты молодой и грустишь от роста. Он хотел подумать о мальчишке, чью грусть он внезапно понял и сразу же полюбил, он хотел посмеиваться, вспоминая их неуклюжую встречу и отвечать, и представлять, куда он теперь пошел и с кем он там разговаривает, и посмеиваться от этого. Вот что он хотел, хотел он, чтоб Женщина ушла скорее, такой тревогой и страхом веяло от ее серебра и шелеста, и волос, и холодных пальцев, и даже запах ее был ложным.

Старик протянул ей скатанную в трубочку тыщу. Женщина как будто гранату в его руке увидала.

- Вы что, гражданка! – негромко воскликнул он с укором, когда она шарахнулась, а солнце заметалось по ее мокрому блеску, по всем ее ломаным линиям. - Вы же сами предложили...

А она зашуршала, опомнилась и тихо сложила в позу вежливого внимания.

- Я оступилась. Здесь камушки.

Вновь зашуршала и потянулась, захватила ногтями трубочку-денюжку, медленно поднесла к глазам. Ее удивительные глаза почти не мигали. И в них что-то вспыхивало все время. Вспыхивало и гасло. Вспыхивало и гасло. Непонятно как.

- Вы разверните, она целая, - сказал Старик и точно решил, укачусь, когда спустится.

Женщина опустилась в подвал. Старик рванул через двор.

***

А он позабыл их. Всех сегодняшних. Сам себе клялся и верил – запомню! Не навсегда, не на всю жизнь встретились ему киргиз, солдаты и дедушка на колесах. Зря он замирал от них, готовый ахать, бурно участвовать в их делах, в их событиях. Он был слишком юный и не умел не только помнить, но даже просто стоять на месте не умел. У него получалось только мчаться вперед. Тем более, за весь день ни одного гада не встретилось! Путь был открыт ему!

Вот он летел на встречу со своими товарищами (кто ему сказал, товарищи важнее всего в жизни? О, как это верно!), а к нему по желтому переулку катился небольшой розовый шар.

- Где атласные панталоны?! – верещал шар издали, - рубашка с брыжжами? Где твой камзол и галстук бантом? У тебя из всего один плащ! Нагнись! – шар подкатил, подпрыгнул, взметнув игрушечные ручонки, и Мальчику ожгло щеки.

- Ты че делаешь?! – крикнул, заслоняясь.

- Не трогай! Отклеется! Отпадут! – шар завертелся, завис на миг и покатился вокруг Мальчика, осматривая плащ - Шикарно! Шикарно! Мы запарились! Ждали! Ждали! Ну, ты чего стоишь-то? Шелк? Бархат?! Шикарно! Ну, ты тормоз!

А он не знал, как ему идти-то - шар катился у него в самых ногах. Топтался твердоватыми башмаками на его кедах. И щеки больно щипало. Он скосил глаза, посмотреть, что со щеками.

- Красиво? Нравится? Мы думали, вообще без Гения останемся, без Ночи! Мы опупели, мы чуть не сдохли! Ну, идем, что ли?

Шар покатился вперед, сверкая белыми панталонами, кудряшками, ленточками, зубами и глазами. Шар посвистывал, он смеивался, он взлетал, и прыгал и вертелся, как хотел. Его ленточки и кудри цепляли залетные сквозняки, а глаза и пуговицы на шейке поблескивали, когда вбегали в солнечные пространства.

Прибежали к остальным.

- Ну как? – самодовольно спросил шар, словно Мальчик был его собственностью.

- Где панталоны? Брыжжи?

- Пижмы!

- Не пижмы, ха-ха, пижма цветок, растет на помойках. Где хотя бы камзол?

- Пижмы бывают! Бывают! На рубашках! На рубашках!

- Шикарно! Шикарно! Бархат-шелк!

- А пижмы?

- Он запахнет красиво плащом и – хрустальные слезы.

Все сразу замолчали и стали смотреть на Мальчика. Он потрогал пальцами хрустальные слезы на своих щеках.

- Могу уйти, - сказал Мальчик, надеясь, что его не отпустят. – У меня только плащ один. Все остальное... Всего остального... насчет брыжжей... этого нет. Не было моих размеров. Я толстый.

Он распахнул плащ, и все убедились – да, толстый.

Все молчали.

«Я их запомню. Я повернусь и уйду. Но запомню – эти, точно, мне на всю жизнь. Эти друзья». Стараясь, не выронить ни одной слезы, высоко вздернул лицо и не моргал переполненными глазами.

- Так! Так!

-Правильно! Правильно!

- Классно! Шикарно! Стой! Не дыши!

- О, гениально! Здоровски! Блеск!

-Так! Так! - новой лавиной щебета, звона, гомона, кряканья, карканья, визга и дикой долбежки окатило огромного Мальчика. Сильно тянули за плащ, сильно повисли на левой руке, правую раскачивали с противным припевом, словно хотели забросить повыше. Кто-то пристроился на ноге и заунывно тянул: «Покачай». И кто-то, слепя непрожеванной карамелью, сопел уже у самых глаз, и кто-то другой больно закручивал пряди над ухом. Чтоб они все не свалились куда-нибудь, он решил даже не шевелиться. Даже почти не дышать. Растопырься, держал их, копошащихся.

***

Надо было взять левее – на гравийную дорожку, но там старенькие колеса совсем раздробило бы о мелкие камушки, а коляску и тело растрясло б. Он и ехал по грунту, хорошо прибитому множеством ног, лысому и твердому, с мелкими выпуклостями яркой травки. Но по грунту он доехал до бордюра, уперся в бордюр, через который не перемахнуть, нужно все равно вывернуть на дорожку, с которой открытый выезд из двора.

Вот эти потерянные минуты и стали его окончательным пленом.

Голос Женщины был уже влажным и атласным. Словно бы из подвала она выросла, как растение из земли.

-Ах, вы где! Ах, вы вот! – пела она похорошевшим своим голосом, выбегая на свет, и прямо через двор махала ему, как близкому.

Она махала черной, длинной, как спица, бутылкой, наискось дорого схваченной золотой наклейкой. Но и вторую руку поднимала, соблазняя – в ней покачивался тяжелый пакет.

- Вон там симпатично! – указала на лавку под липой. И первая побежала на стеклянных каблуках, а он, как на веревочке, катился за ней.

- Все, как вы хотели, - пела Женщина, расстилая на лавке салфетку. – Даже еще лучше.

Она вывалила на салфетку мокрые гроздья черного винограда и потом два зеленых яблока и рваные листики мяты, и, содрав фольгу, с усилием разломала холодный шоколад, а в довершение вонзила в зазор между фруктами сверкнувшие, как злые слезы, рюмки. Из глубин липы по ним било светом.

- О! – воскликнул Старик искренне.

Женщина протянула ему ладони, полные монет и розоватых сотенок:

- Ваша сдача.

Старик отнекивался:

- Это не моя тыща.

Заметил разумно:

- У вас один кагор, и тот вон марочный!

Помолчал. И сказал:

- Бросьте валять дурака, гражданочка.

Она согласилась.

- Я скинулась. Я с вами сложила деньгами. Могу я побаловать ветерана в День Победы? И давайте же выпьем с вами за Победу!

Старик кивнул. Плотнули лекарственного вина. «Ура!» – крикнули где-то.

Вино прокатилось по пищеводу и приятно загло пустой желудок.

- Ой, как жалко! Ой, как жалко! Ой, как жалко! — заголосила Женщина, имея в виду ветеранов. Старик приготовился важничать, но Женщина вдруг остановилась и начала самооговор:

- Я все время думаю. Все время. Постоянно.

На скулах у нее проявилось два алых пятнышка. А сиянье в глазах, наоборот, смягчилось и рассеялось, поэтому Старик осторожно заглянул в них. И озадачился. Старик отвел глаза и бодро оглядел блистающий цветением двор:

- Пора на острова!

- Вот, покушайте, — Женщина отщипнула от грозди пару ягод. Старик послушно сунул их в рот, прижал языком к пластмассовому небу, — ягоды, придавленные к протезу, брызнули, рот заполнился острым соком, а у Старика побежали слезы.

- Вам кисло? — весело удивилась Женщина.

Старик отрицательно тряс головой.

- Манатки собирают! - перхал Старик. — Иван с Вадимом!

Женщина прикусила передними зубами ягоду, и у нее она тоже брызнула на губы соком, а Женщина втянула ягоду и стала мелко-мелко жевать ее закрытым ртом, челюсти двигались и тихо пощелкивали, а лицо, тем не менее, прояснилось.

- Он сладкий! Видимо, у вас пониженная кислотность.

- Они землянку выкопают. Умно лапником выстелют, а сверху брезентом — и до Покрова не жди. Как Чук и Гек. — и старик засмеялся.

- Увижу кого-нибудь и начинаю о нем думать, - Женщина сглотнула виноградную слюну. - У вас так бывает?

- У них же ноги, им что! Удочки, все есть. Наборы крючков. Ночью по пятьдесят граммов у костра примут душевно... и чай с брусничным листом.

Встряхнув бледными волосами, Женщина мелко рассмеялась. По лицу сетью трещинок пробежали морщины. Старик отвел глаза — он не хотел, чтобы она старилась.

- Товарищи мои, Иван и Вадя. Азартнейшие рыбаки... Злейшие враги городского уюта. Зовут каждый год, но я понимаю, не соглашаюсь.

И стал смотреть на шоколад.

- Думаю, думаю, думаю, - ныла женщина, будто у нее разболелся зуб.

- У них палатка брезентовая, саперная лопатка имеется. Котелок, чайник, два ватника, две пары сапог. Пара ножей... крупы, курево — полный комплект.

- Даже думаю — подумаю о чем-нибудь другом....

- В самую глушь, где ничего нет, никакого продмага, зато какой там сказочный лов, гражданочка! На островах!

- Но не могу! Так и думаю про то, что первое пришло на ум.

- А осенью вернутся с островов, им заряд бодрости на всю зиму. Подлецы!

Старик снова рассмеялся. Было видно, что он любит своих товарищей и не обижается на них за то, что его, калеку, не берут с собой они на летнюю рыбалку. Более того, сейчас, сию минуту ему хотелось взять шоколадку. Он на нее давно посматривал, хотел все сильнее, но не решался, он жадно смотрел и стеснялся, а Женщина рассеянно не предлагала. Расстроился, взял листик мяты и положил на язык.

- Ну, вот, например, — утром пошла поехать в гости к другу. Направляюсь к машине, а дворник-киргиз шаркает метлой. Тополиные сережки там у нас нападали. И вот я целый день теперь слышу это «шир-шир, шир-шир». Он что, он не мог подождать, пока я отъеду? Но он же киргиз, ему не наобъясняешься. Вот буквально так: «шир-шир, шир-шир». И по мозгам! И по мозгам! А как я подойду, скажу? Тем более у них война началась, переворот, у них людей убивают, а тут я со своими пустяками. Но — противная же метла у него!!

Женщина встала и нарочно спародировала, как киргиз подметает. Даже глаза скосила, и губы втянула в щель. Старик, через силу отвел взгляд от шоколада и рассмеялся от неожиданности - так смешно эта Женщина крутилась. Довольная успехом, Женщина небрежно бросилась на лавку, посматривая на Старика, как на свое.

- Иван на закидушку ловит, а Вадя исключительно на спиннинг. Зато Иван всего «Теркина» жарил, а Вадька исключительно «Пани Ирэну»... - и Старик махнул рукой, мол, спорщики они, лучше не встречать.

Женщина взбила на коленках волны своего ледяного платья и подтянула подол повыше, чтобы виднелись коленки. Залюбовалась, кокетливо сложив ножки. Задумалась. Голову опустила, волосы упали, закрыв ей лицо, а она в глубине их сама себе улыбнулась.

- Соседка из окна позвала меня: «Лена, Лена, заходи, если скучно будет». А мне никогда не бывает скучно. С детства слышу это слово «скучно-скучно». А что это такое — не знаю, - удивлялась Женщина сквозь волосы, спрашивала у Старика, что такое скука. Потом ей надоело прятаться, она затрясла слабыми руками, как будто бы сломленными в запястьях, завела волосы за уши, вновь оголив впалое лицо. Повернулась им к Старику и стала его рассматривать.

Старик думал: «Не предлагает. А я вот возьму!» Он хотел положить в рот квадратик шоколада, чтобы вспомнить его вкус, забытый за ненадобностью. Как нечаянно вспомнил вкус винограда, раздавив ягоду во рту. Не потому не покупал, что не мог, а потому что надобности не было в радостной еде.

Тут она, наконец, заметила, что бабушка хочет шоколада.

- Позвольте вам предложить... угощайтесь... - поводила рукой над едой, смутилась, взяла прямо пальцами кусок шоколадки и шутливо понесла к его рту.

Это какая прорва, какая прорва лет прокатила, и каждый раз в этот день во рту горький вонючий водочный огонь. И каждый раз он даже не пьянел, а только травился. Сильно и внезапно себя пожалев, Старик захотел, чтоб рот наполнился сладкими слюнями. Разинул рот и принял питание из чужих пальцев. И как только ощутил вкус шоколада, тут и понял, что не ел его шестьдесят пять лет.

- И начинается, и начинается. Вот что она хотела мне сказать? Вот что? И вот крутится в мозгу и крутится. Зачем Маринка меня из окна окликнула? И в таком взвинченном состоянии я приехала к другу. Владимир ждал, все хорошо, мы поцеловались, прошли, я принесла виноград, шоколад, кагор, отношения давно...

И тут же, потрясенный вкусом шоколада, понял еще одно, ужаснувшее его — он не помнит, как прожил эти шестьдесят пять лет.

Шир-шир, шир-шир, шир-шир...

- Но — замуж... я даже не знаю.

Эти десять и десять и десять и дальше - лет были ведь где-то! Он знал, что есть они, но никому их не видно. Он даже завертел головой испуганно, словно вот сейчас и увидит — застывшая стеклянная река из рубиновых лет — моя утекшая. Вся моя юность воевала с войной. Вся война воевала с моей юностью. А после юности ничего не было.

***

Альбирео был в коротких черных штанах, обильно облепленных черными же кружевами, в гольфах на пажах и лаковых башмаках с бархатными пряжками. Пышные рукава белой рубахи схвачены были на запястьях широкими оборками и ими же обшит большой воротник. Правый глаз затянут черной лентой, сливавшейся с черной гладкой стрижкой каре. Полный светлого жара юный герцог Альбирео искал своего лебеда, похищенного непрявленными демонами. В поисках ему помогала преданная крошка Серпентис в кукольном облике и, забинтованный в рыжее славный ры-

царь Регул Лео. Это была красивая история из японского аниме. Дети играли в нее. Но у них не было Гения Ночь. Никто не хотел быть просто небом. У этого персонажа почти не было слов и дел. Он был фоном. Никто не хотел быть фоном. А Мальчику было все равно. Он так и написал на их сайте: «Лишь бы играть!». И его взяли!

- Ровно? – спросил Альбирео, поправив черную повязку на глазу и моргая зрячим, молоденьким.

Мальчик вдруг узнал этот глаз! Серый и в зрачке – испуг. Узнал! Лицо Альбирео было так густо замазано розовым гримом, а единственный глаз обведен черно-синим, что по-началу не понял – чему удивился. Но вот же – серый и в зрачке испуг – узнал-узнал и захотел немедленно сказать, что узнал!

Но умненький Альбирео все понял, и потянул Мальчика за край плаща.

- Куда? Куда? Куда?! – заверещали остальные.

- Потрепаться, - деланно смеялся юноша, но, отведя Мальчика от остальных, зашипел, сильно пугаясь:

- Не говори им, сколько мне лет!

- Ты Терехина? Ты из 6 «Б»? – веселился Мальчик.

- Здесь без имен! Я тебя сама знаю! Ты из старших классов. Меня не будут уважать, если узнают, что я малолетка. Им всем по пятнадцать лет. Малютке Си вообще 22! Она со мной дружит. Она уже окончила экономический факультет!

- Экономике в России нет! – радостно вспомнил Мальчик.

- Откуда ты знаешь? – глаз Альбирео смотрел с неприязнью.

- Мама говорит! У нас ничего нет! Будущего даже нет!

Альбирео смущенно молчал, потом сказал с силой в голосе:

- Они мои лучшие друзья. Если ты скажешь им, что мне 12 лет, я скажу, что ты толстый!

- Альбирео! Альбирео! Альбирео!

- Я что, совсем дурак?! – завопил Мальчик, возмущенный словами герцога.

- Небо! Небо! Небо!

Регул Лео шумно чесал живот и похохатывал сам с собою. По округлым щекам и мягким довольным глазам его было видно, что мысли у него приятные. Мальчик улыбнулся, глядя на него. Регул Лео встретился с ним глазами, и тут же прыснул. Мальчик, вначале смутился, но потом прыснул в ответ. Немножко похохотали вместе. Альбирео же заскучал и тихонько запрыгал на месте, щелкая пажами по ляжкам, и что-то напевая сам себе. Серпентис, путаясь в кудрях, деловито пудрила сморщенное личико. По-обезьяньи смысленные глазки шмыгали поверх зеркальца – ощупывали пустые пространства. Все было тихо вокруг. Мальчик, установленный на щебенчатой присыпочке над тротуаром, тревожился:

- Так? Или – так? Или - так?! – принимал позы и старался не смотреть на Регула Лео, который нарочно ловил его взгляд, чтоб снова похохотать, но Мальчик удержался, не посмотрел, и тот, наконец, успокоился, рассеялся, стал позевывать по сторонам.

Мальчик разводил полы плаща в стороны, и тот свисал красивым темным полукругом у него за спиной. Но здесь-то, спереди, в середине виделся весь обыкновенный толстый Мальчик. Он сводил руки с плащом на груди, скрываясь в угрюмом монолите, но тогда – какое же это небо?

«Ты не парься! – Серпентис высунула из кудрей несуразно взрослую мордочку. - Стой, как стоишь! Виндемиатрикс все равно всех переставит!».

- Виндемиатрикс!

- Миа!

- Виндемиатрикс!

-Миа!

- Мой друг! — чирикнул Альбирео.

- Сапфиры и рубины! — донеслось хрипкое, и все посмотрели вдоль переулка. И заорали:

- Виндемиатрикс! Миа!

- Самая умная! Лучшая подруга!

- Мы запарились ждать!

- Имей совесть!

- Офигела, что ли?!

Длинная, тонкая фигура приближалась к ним косыми скачками. На груди фигуры болтался и сверкал шикарный фотик.

- Девы, уймись! — хрипела фигура, слабо взмахивая длинными руками, чтоб уравновесить свои шаткие скачки — Нам все равно не пройти! У них рубины! У нас стеклышки!

- Кошмар! Кошмар! — заахал Альбирео.

И фигура запрыгала еще быстрее и кривее. «Она хромает», - понял Мальчик.

- ЦУМ!— крикнула фигура, нацелив острое лицо на Герцога (черные волосы торчали и тряслись сразу над всей головой, а губы и горбинка крупного носа побледнели от гнева) — Она дочка хозяина ЦУМа! Девы, очнитесь! Какие у нее мощности, и какие у нас?

- У нас каждая пуговка по сто пятьдесят рублей! — храбро выступил Альбирео. — Пять пуговок, пять школьных завтраков!

- У меня вся зарплата ушла на костюм, - Серпентис хлопотливо перебирала истошно-розовые юбки.

- Боишься растерять свои юбки? — насмешничала язвительная, прикрывая сверкающим аппаратом то одну темную часть лица, то другую.

Серпентис, задохнувшись от возмущения, задрала юбки и закрылась ими с головой. Все увидели крахмальные белые штаны и неправдоподобные спички-ножонки. Виндемиатрикс хмыкнула и шелкнула, аппарат зажужжал, а Мальчик подумал: «Какая противная, пришла и все рушится теперь».

- Серпентис - моя лучшая подруга! — чирикал Альбирео.- Она старше всех тут! Она такая умная!

- А у меня и этого нет, - всполошился Регул Лео, разглядывая свой ветошный костюмчик. - У нас дома вообще денег нет. Мы даже всю еду с мамой Мише отдаем, потому что он младше и растет..

-У Регула папа то ли депутат, то ли мэр... мэр города Коврова. Он им квартиру купил в Москве, но денег, чтоб жить, не дает. Регул Лео - такая умная! Она моя лучшая подруга! — трещал над ухом Альбирео.

А Виндемиатрикс — Миа усмехнулась.

- Ах, беденькая, - проскрежетала Виндемиатрикс.

«Издевается!» — решил Мальчик. Регул Лео шумно вздохнул.

- Знаешь, как кушать порой хочется?

- Ай, ай, ай! — качала косматой башкой Виндемиатрикс, крутя и шелкая своим шикарным фотиком и щуря длинные глаза.

«Сволочь просто!» — догадался Мальчик.

Тут в животе у Регула Лео громко заурчало.

- Вот видите! — обрадовался тот и захохотал. Все грохнули следом.

- Такой нет звезды! - крикнул Мальчик, сердясь сквозь смех. — По имени Миа!

- Без имен!

- Без имен!

- Без имен!

- А так можешь? — спросила Миа - Виндемиатрикс и вдруг высоко, как мачту, вознесла над головой ногу.

У Мальчика перехватило дыхание. А Миа опустила ногу и вытянулась, словно готовясь нырять с вышки. Гордо вздернула подбородок, взмахнула руками и вдруг бешено завертелась на одной ноге, красиво и сильно взмахивая второй.

- Здоровски, - прошептал Мальчик.

- Я пятьдесят оборотов крутила! Не веришь? - прекратив верчение, девочка пошатнулась, но не упала.

- А почему ты Миа? — спросил Мальчик.

- Моя бабушка вообще — Нестан-Дареджан.

- Без имен!

- Без имен!

- Без имен!

- Мне можно! — хмыкнула Миа.

«Наглая», - подумал Мальчик. И нахмурил брови. Он не хотел, чтоб эта Миа решила, что понравилась ему.

- Миа - моя подруга, - шепнул Альбирео. — Мы тут все лучшие подруги.

- Я хромаю, потому что получила травму, несовместимую с жизнью... - и Миа захохотала.

Все захохотали следом.

- Шутка, — пояснила Миа отхохотав. — С балетом несовместимая. С профессиональной деятельностью.

- Зато ты самый лучший фотограф всех времен и народов! — прошебетал Альбирео.

- Молчи, малявка! — Миа выставила тощий палец на Альбирео.

- Тебе шестнадцать, а мне пятнадцать, — ярость зазвенела в голосе Альбирео.

- Ну и мне пятнадцать, а че такого? — меланхолично вставил Регул Лео и зевнул.

Миа выставилась ночными очами на светленького Альбирео. Мальчик прямо почувствовал, как малыш задрожал и как хочет зарыться в складках его плаща. Но тут встряла Серпентис: «Незаконно! Без возраста!»

- Без возраста!

- Без возраста!

- Мне вообще 22!

- Без возраста! Без возраста!

- Мне, Миа, повеситься, раз я перестарок?!

- Без...

«Уймьтесь, девы! — перекрыла гвалт Миа. - Мы будем первые на фестивале!».

- А ЦУМ?

- Рубины? Сапфиры?

- А жюри?!

- Зато мы сами! Вкус и фантазия! Сами шили!

- Сами! Сами! Вкус и фантазия!

- Мы самые красивые. Девы! Это ведь ясно! Ведь дураку понятно?

Мальчик крикнул, что ясно! Потому что вопрос обращен был к нему!

«Замрите, звезды! И прильните к небу!» – приказала Миа.

Все вновь повисли на Мальчике. И он опять застыл, боясь, что кто-нибудь нечаянно свалится.

Миа бегала, прыгала, подкрадывалась, подползала к их ногам. Фотик шелкал, жужжал, посверкивал в темных пальцах. «Извалялась вся, – думал Мальчик. – Ей дома будет!».

«Они все мои лучшие подруги. Просто Миа какая-то язвительная. Она грузинка, она вообще такая. Миа лучший фотограф на косплеях. А Серпентис закончила экстерном... школу экстерном и университет, по-настоящему взрослая, экономист уже, и опять учится, у нее мама санитарка в санаториях, они все маленького ростика и дружные в семье! А у Регула автоматическая грамотность, и он гениально рисует, но папа не дает денег, чтоб Регул Лео учился на живописца или филолога. Так бывает? Бывает? Он же папа! Папа!» - стрекотал над ухом голос Альбирео.

Ухо нагрелось и зачесалось, но Мальчик даже не шевельнулся, боясь нарушить композицию.

Мальчик был старое доброе небо. Ожившие звезды катались по нему, как хотели, а он, естественно, терпел.

И тут Мальчик увидел демона.

Этот человек, он стоял напротив, на той стороне переулка. И он волновался, глядя на них. Он был один на той стороне. Опухшее тело одето было в пузырчатый трикотаж, в руке мятый пакет, которым он взмахивал ни для чего. Весь ослабленный, он припадал спиной к металлической, погнутой ограде. За оградой сквозил пустынный школьный двор с неубранным после зимы мусором. Пролетел насквозь двор и проявился уже у калитки? Если б Мальчик успел отвести глаза! Но не успел. Человек зацепился за взгляд Мальчика. Рыхлой, неточной ногой ступил с тротуара на дорогу и повлекся к ним, скалясь и поскуливая одновременно.

«Бежать всем!» – подумал Мальчик, но не шелохнулся.

Человек что-то ныл и клячил, и сам первый понимал, что не получит, поэтому надвигался, как крушение, и даже ронял из пакета какие-то кляксы.

«Бежать! Бежать!».

Опухшие глаза человека мутно тосковали, рот дергался и заискивал, по вискам струился пот – человеку было стыдно, что он такой, он больше не мог от себя. Дети казались ему то ли пятном светотени, ненадолго собранным ветками и сетками той стороны, то ли цветной и быстрой стайкой свирестелей, то ли ему казалось, что они ему показались после множества беспросветно прожитых лет. Он желал быть окруженным ими. Выпрись сюда колесо обозрения, он бы даже не удивился, а сразу бы полез покачаться. Полностью растворенный в мутной воде своего пухлого, даром потраченного тела, уходящий и разрушающийся, он все же пытался за что-нибудь зацепиться. Поэтому испуг в глазах Мальчика его приободрил. Он решил силой ворваться к ним, раз они робкие. Но подойдя, человек запнулся об черную Мию, ползающую по асфальту. Миа недовольно буркнула, по-собачьи встряхнулась и распласталась удобнее – шелкать дальше, а пошатнувшийся зыркнул в глаза Мальчику – не засмеялся ли тот над его промахом? Но увидел в глазах Мальчика страх. Демон улыбнулся.

Разрывать и рассматривать. Розоватая пенка, блестки, волосики. Но полагалось начать с нейтрального. И человек задал свое липкое и бессмысленное:

- Можно мне с вами сфотографироваться?

- Дядя, отвянь! – лениво огрызнулась Миа, поглощенная своим шелканьем.

Глаза демона полыхнули торжеством!

- Я вежливо попросил, - пожаловался человек. Потом ликующе крикнул – Сука черножопая!

И потянулся к Мие руками.

Фотоаппарат звякнул, выпав на асфальт, потому что Миа, наконец, повернула свое лицо к человеку. И вся она застыла, будто она не Миа уже, а фотография Мии. Было так, словно Миа упала после того, как человек ее ударил. Но он еще только тянулся к ней. А она и до этого лежала. Миа лежала у самых ног человека, не догадываясь ни встать, ни хоть отползти чуть-чуть. Все ее жгучие кудри валялись на асфальте черным ореолом вокруг ее помутневшего лица.

«Теперь и волосы испачкала», - глупо подумал Мальчик и тут же — одновременно с демоном понял — нога человека сейчас наступит на эти кудри. Человек качнулся. Миа же, наоборот, даже дышать перестала. А те глаза, что сейчас только что сверкали и грозили, и приказывали, им стало все равно. Они тускло и покорно смотрели снизу на человека, прямо в его веселящееся лицо. «Может она умерла?» — с надеждой подумал Мальчик. Тогда она не увидит, что будет дальше. Но тут же заметил, как под майкой у Мии быстро-быстро и мелко-мелко дрожит грудь, и сразу же увидел — все ее тело дрожит. Быстро-быстро. Мелко-мелко. «Наверно, умер я», — догадался он. Но все же не закрыл глаза. Он не мог оставить Мию одну. Человек же, слегка озадаченный тем, что не встречает отпора, шутливо занес над Миным лицом ногу.

- П...дец тебе, чурка!

- Гражданин! Не выражайтесь! Здесь дети!!

Человека кинуло на голос, он задргался весь.

Это Серпентис, вспомнив, что она взрослая, скатилась с плеча Мальчика и возмущенно летела к Человеку. Тот вертел головой, никак не мог найти ее. А обнаружив, захохотал.

- Карлица!

Ахнул Регул Лео:

- Дяденька, вы совсем, что ли? Ну что мы вам сделали-то?!

Человек метнулся к Регулу Лео.

- Ой, мамочки! — завизжал Регул Лео, махая руками, как от мелкой летучей стаи.

Миа же, подброшенная визгом Регула, вскочила на четвереньки, затрясла головой, схватила фотоаппарат, поднялась, наконец, на ноги и, стараясь не задохнуться, прокричала:

- Виндемиатрикс! Виндемиатрикс я!

Человек оглушенно потянулся к Мие, но был захвачен Крошкой Си: свистя ленточками, пощелкивая пуговками, та катила шары своих юбок вокруг Человека, не спешавшего понимать, что тут затеялось вокруг ног его.

- Стыдитесь, здесь дети! Стыдитесь, здесь дети! — голосила малютка, как оглашенная. Как будто только что сошла с ума и может теперь лишь только моторно катиться и механически выкрикивать.

Человек хватал лапами воздух над кудерьками крошки Си, возбужденный ее тоскливыми криками, и уже поймал было пару волосенок, но тут сложилось хлесткое у Альбирео.

- Нам очень жаль, отказывать, вам, сир. Но мы фотографируемся только с красивыми людьми. А вы чуть-чуть красивей унитаза!

Все даже замолчали. И посмотрели на Герцога, сидевшего на руках у Рыцаря Ночь. На Герцоге были очень красивые башмаки с большими бантами. Герцог ими немного гордился. Все грохнули.

Герцог вспыхнул, смутившись от такого успеха. Он завозился, сидя на согнутой в локте руке Рыцаря Ночь, застучал туфлей об туфлю, он торопливо соображал, как сказать дальше. Потом привстал от усердия и, опершись о плечо друга, стал шевелить губами, красиво сплетая слова, которые сейчас скажет.

...Все, кроме Мальчика, грохнули. Раздраженный легкомыслием только что чуть не погибших товарищей своих, он один угрюмо и чутко молчал. Поэтому он один услышал, как в веселом гоготе друзей тихо рассмеялся демон. И в следующий миг они метнулись друг к другу. Но Демон, летевший прямо на Рыцаря Ночь опередил того на долю мига. Потому что эту долю мига Рыцарь потратил не на прямой удар по демону, а на то, чтобы сильным взмахом руки отшвырнуть от себя Герцога Альбирео, подальше от битвы, на песок вон той детской площадки. И демону на лету удалось вцепиться в волосы Альбирео. В следующий миг Герцог, оторванный от своих волос, уже катился кубарем по песку, а Мальчик с ужасом наблюдал, как черные пряди друга все еще живые, бьются в демонских пальцах. Слезы ярости брызнули из глаз Мальчика, и кровь вскипела в набухших венах. Он низко наклонил голову, взревел от ярости и понесся на демона. «Умирать не страшно, — мелькнуло в голове чужое и удивительное. И тут же хлынуло понимание — Там упоительно! Жизнь это только ловушка!».

Мальчик боднул гада в живот, в том что-то хлюпнуло, екнуло и тут же сильно завоняло. А человек, схватившись за Мальчика, стал валиться на асфальт, продолжая вонять еще сильнее и вздрагивая. Стыдясь этой вони, Мальчик стряхнул с себя поверженного, отпрыгнул и гневно крикнул:

- Он пернул!

Все опять грохнули.

- Бежите! — от волнения неправильно крикнул Мальчик.

Ну, все и побежали.

***

- Заходи, заходи. А что я буду заходить, слушать, как ее муж бросил? Как ее дочь пьет? Маринка не понимает, что вся наша детская дружба осталась далеко позади... Не понимает, зовет...

Женщина поводила большими глазами по дворовым растениям, ни к чему особо не прикасаясь взглядом. И вдруг заинтересовалась волейбольной площадкой. До высоты плеч дощатая, а выше — сетчатая, чтоб не вылетал мяч, она наполнилась молодой возней. Глаза женщины полыхнули.

- Киргизы играют!

Старик их первый увидел. Когда они оранжевой группой вошли на площадку. Он решил — собрание дворников. А они тесно сгрудились в центре площадки. Стали кивать и сблизать между собой чудные раскосые лица. Как будто обнюхиваясь. После, о чем-то негромко договорившись, поглядывались на все стороны площадки. И вдруг все разом присели, исчезнув из виду, и разом же вынырнули, преображенные, как двенадцать братьев, сбросивших ветошь, засияли молодым золотом тел, заплескали крылатыми руками, высоко в веселое небо забрасывая принесенный с собою мяч.

Старику было видно, что им хорошо друг с другом, а от мира их отделяет сетка.

- Дружные ребята, - порадовалась женщина.

А Старик ничего не сказал. Во-первых, Женщина его все равно не слушала и говорила, о чем сама хотела, а еще — во рту лежал пластик шоколада.

- В детстве да, в детстве, в юности все веселые, а сейчас-то чего? Живем и все. А она не понимает: «Заходи. Заходи». Обожает вспоминать, как все было.

А в юности было вот как. На островах жили инвалиды войны. Их свозили на острова со всего Советского Союза, а то они попрошайничали на улицах. Старик был не полный калека, но его все равно отловили и забросили на острова, как бессемейного. Старика посадили в корзину к Вадиму и Ивану. В каждой келье стояло три-четыре таких корзин с инвалидами. Всем им было чуть за двадцать. Вадим был «самовар», а Иван мог ползать на локтях — на руках не хватало только кистей. «Мы все тут ан-

тичные, - важничал Вадя, приподнимая голову и осматривая свое квадратное короткое тело. - Они дошли до наших дней без рук - без ног, и мы, как они». Иногда корзины вытаскивали на улицу и окатывали из шланга для уменьшения жирной гнойной вони. Персонал был добрый, горластый, сильно пьющий. Инвалиды тоже веселились, как могли. Старик записывал за Вадимом стихи. Тот сочинял их вслух, а Старик записывал. Иван жестоко критиковал стихи Вадима, и они оралы до хрипоты. Но все равно Вадим считался гением, а Иван неудачником. Их называли «Гнездо поэтов», потому что они жили в одной корзине. Все «самовары» жили по трое-четверо в больших плетеных корзинах. К ним подсаживали одного инвалида с руками, чтобы он кормил двух-трех самоваров. Корзины эти тем хороши были, что персонал мог их перетаскивать, когда надо было. Приходил пьяный доктор Гарри Карлович Зель, и орал, что ученые уже почти разработали протезы усложненной конструкции специально для «самоваров». Скоро поступит первая партия. И он, Гарри Карлович, скоро повыкидывает всех отсюда нах по месту их жительства. На острова доктор попал за то, что был немец. Он слушал стихи Вадима и качал в такт головой. Иногда в корзинах спорили – шпион Гарри Карлович или нет? Всем было плевать на это, доктора любили. Спорили ради азарта. Потом Вадим почему-то ослеп, ему оралы в уши, что это от голода, куриная слепота, временное явление. Но ослепнув, он перестал диктовать стихи, перестал даже разговаривать. Что он жив, определялось только по короткому испуганному дыханию и терпкой вони, которое издает молодое немывтое мужицкое тело.

Старик вдруг почувствовал слабость. Но не противную, а даже приятную. Мяч ударился о сетку. Сетка задрожала, мелко шурша, словно пролился сухой дождик, и Старик стал смотреть на нее, словно мяч, должен был удариться еще и еще.

- Смотрите, уже день на исходе, а я все думаю про Маринку.. Получается, даром потратила день....получается, Маринка украла у меня день, все равно, что зашла к ней... а ведь у меня свои проблемы, у меня сын. Я о нем забочусь.

Вдобавок инвалиды растащили на самокрутки бумажки со стихами. А Иван, который шпарил всего «Василия Теркина» наизусть и подзюживал Вадима, куда-то уполз и никто его не искал, потому что персонал к тому времени окончательно одичал. Но и в корзинах все чаще, все больше на месте бывших бойцов, потом веселых инвалидов стали заводиться звери. Старик решил поискать Ивана сам. Может быть тот пополз за брусникой? Ртом рвали бруснику и сплевывали в банку, висящую на шее. Потом, кто с руками, отвязывал банку и раздавал ягоды кому сколько. У Старика к тому времени уже был самодельный протез – дощечка на колесиках и два матерчатых валика, чтоб не сбивать пальцы рук. Старик решил поискать Ивана. На берегу Старик увидел лодку и залез в нее, цепляясь руками и зубами. Упав на дно лодки, он закричал. Кто-то должен был услышать. Добрый немец Гарри Карлович услышал, прибежал и толкнул ему лодку в море, и Старик навсегда уплыл с островов.

- Не хочу свой мозг занимать пустяками. Думать про чужое, досадно это. Маринка меня просто раздражает! И Владимир тоже. Даже не знаю, зачем с ним встречаюсь. На даче у Маринки я однажды заснула на террасе, вот так же, в мае. И дождь начался. А я никак совершенно не могла проснуться, чтоб уйти с террасы, все пробовала и не могла, и когда брызги долетали, подтягивала ноги поближе к животу, не было никаких сил проснуться и даже стало казаться, что я плыву. Так это когда было! Мы были девочки.

Всю жизнь Старик записывал по памяти стихи Вадима. Но терзался, правильно ли записывает, или от себя что-то добавляет.

- Такое один раз бывает. А она не понимает, тоскует.

Старик увидел, что площадка опустела – калмыцкие пареньки наигрались и исчезли. Ничьи руки не плескались больше поверх дощатой загороди, не толкали майский воздух мячом. Пусто и светло стало на площадке, а Старику остро захотелось узнать, как они жили на островах, когда он сбежал от них?

«Но они внедряются в мозг — чужие, посторонние, целый день крутятся черными мыслями, изнуряют. К ночи я — никакая. Ой, смотрите, а калмыки отыгрались!» — Женщина повернулась к Старика и задрожала от ярости — он ее абсолютно не слушал. Он тихо, по-стариковски, дремал. Ей стало обидно, зачем она разговаривала с ним, вышло, что была все это время одна. Женщина зашуршала платьем, поднимаясь и думая — взять что ли, не съеденные фрукты обратно? Взяла только бутылку вина и пошла к машине. Глаза ее вспыхивали и гасли, вспыхивали и гасли. Как серые драгоценные камни непонятной природы.

Дома она посмотрела на пирожные. Усмехнулась уязвленно. Она вспомнила про тысячу трубочкой и вновь задохнулась от ярости, что не решилась спросить, откуда у Старика эти деньги? Но представила, как будет допытывать у Мальчика, кому и зачем он отдал эту тысячу, пока от страха он не заврется и не хлынет слезами, как загадочно она всевидяще обронит: «Я видела старика без ног, он смеялся над тобой». Потом она увидела, что солнце еще не село и впереди длинный, прозрачный вечер. Чем его занять, она не знала. Захотела вымыть окно, но вспомнила, что праздник. Женщина подошла к окну, посмотреть, что во дворе и заметила на подоконнике молодого жука. Он сверкал золотом и прозеленью. Он нечаянно влетел и волновался, не понимая природу стекла. Женщина подумала, как их много под ногами и какие они почти невидимые создания земли. Она захотела не выпускать его на волю, а по злобной природе своей смахнуть его в совок и выбросить в унитаз. Но за совком идти нужно через всю квартиру, и она взяла вазочку и сильно надавила доньшком на жука. Услышав щелчок, она немного успокоилась, ярость утихла, и она с грустью подумала, что теперь клещами вцепится в ее мозги этот бестактно уснувший старик и будет крутить-крутить их, нестерпимо раздражая тем, что отнял у нее такой чудесный майский денек. «Зачем он встретился?» — иступленно крутилось в усталом мозгу. «Зачем все являются пред моими глазами и назойливо помнятся? Прилипчивые какие». Сердце Женщины, составленное из множества сухих прутиков, потрескивало и рассыпалось, перебираемое змеевидными пальцами демона, и вся ее больная природа горестно прислушивалась к этому треску.

Глядя, как Женщина уходит, Старик захотел сказать ей что-нибудь на прощанье, ну хоть «спасибо за угощение», но с удивлением понял, что шоколад так и не растаял во рту. Что за шоколад такой?! И вдруг Старик догадался, что он умер. Не медля ни секунды, он драпанул на острова, где Вадька и Иван уже мусолили крючки на лесках, поплеывали на червяка и закидывали в воду свои удочки.

3

Парик Альбирео вместе с глазной повязкой остались в лапах демона. Лохматые косы Тимохиной, вспотевшие под париком, вились вокруг ее головы влажными прядями. Чистый глаз Тимохиной казался простым и маленьким от страха, второй, гигантский, жгуче намазанный черным и синим, словно стягивал свою сторону лица вниз, в старушечью мрачную гримасу. Тимохина легко бежала рядом с Мальчиком, не отставая и не опережая его. Злая Миа хрипела им в спину: «У меня нога и канон!» Мальчик начал было замедлять бег, но крошка Серпентис тоскливо взвыла, далеко впереди катя свои юбки: «Дети! Дети! Вперед! Вперед! Дети! Дети!». «Я лопну сейчас! Лопну!» — заныл было Регул Лео, но на этот раз Мальчик огрызнулся: «Я толстый! Я бегу!» — Регул Лео захихикал, Тимохина тоже заулыбалась, Миа, скрежетнув, внезапно обогнала их: «Догоняйте, малышие. Из бокового проулка к ним выпрыгнула стая лепестков, всем до ног, а крошке Си до лица. Лепестки, кинулись к Серпентис и, потеряв свой ветер, мгновенно залепили ее всю, увязнув в великом множестве кудерьков, бантиков, петелек.

- Сюда! — поняла Серпентис.

Все бросились в проулок и попали во двор, за день окончательно распустивший все

свои растения. Растения нависли над двором шатром из листьев, тихо шипя ветреными струениями и посверкивая солнечными дырками.

- Классно!

- Как классно!

- Здоровски!

Все упали кто на траву, кто на просто землю. Все лежали и громко дышали.

- Обсикалась все-таки!

Регул Лео встала и стала щупать свои штаны. Все захохотали

- Штаны-то мокрые!

Все еще больше захохотали.

- У меня мочевого пузыря! – пожаловалась в последний раз Регул Лео и захохотала со всеми.

- А мне вообще бегать нельзя! Нога отсохнет и придется ампутировать!

- Протез же будет! – встревожился Альбирео. – Папа же твой обещал!

- Хорошо, когда девочка с протезом? – свирепо спросила Миа всех.

Все опять захохотали, представив Мию с протезом, а Миа, тихо рыкнув, заковыляла в сторону от них, крутя свой красивый фотик. Пристрастный свидетель милой жизни, он весело плясал в цепких пальцах Мии, чутко отзываясь на каждое движение вокруг.

Крошка Си подкатилась к Герцогу и обхватила его крошечными ручками.

- Маша, Маша! Ты лохматая! Все волосы у тебя сваялись под париком!

- А парик остался у демона, – посетовал Альбирео, пытаясь пальцами распутать русые лохмы.

- А он демона сокрушил. – Регул Лео ткнул пальцем в Мальчика.

И тот, так же легко, небрежно, бросил свою реплику.

- Беспонтовый демон. Этот демон – двоюродный брат унитаза!

Все, конечно, грохнули. А Мальчик хотел добавить, что про унитаз первый придумал Альбирео, и увидел, как Тимохина натирает слюнями черно-синий глаз.

- Если придуманная, мне будет, – пояснила Тимохина.

На запястьях Тимохиной Мальчик увидел лиловые захваты и вспомнил, что мать Тимохиной ее бьет. Смертным боем лупит. Но не смог вспомнить, откуда он это узнал.

Тимохина развезла черноту по пол лицу и вместо Тимохиной и звезды стала плаксивой мартышкой. Мальчик сглотнул комок – ему обидно было за прекрасное лицо Тимохиной и за ее избитые руки. Но малютка Си подкатила к Тимохиной и, стараясь не видеть синяки Тимохиной, снизу молитвенно вознесла ручки, прижав их к ее щекам.

- Какая ты красавица растешь, Машка! – простонала Серпентис. – Когда ты совсем вырастешь, я к карликам уйду.

А удлиняющаяся Тимохина уже доставала затылком до нижних веток липы. Они уже клеились к ее, чуть побледневшему от быстрого роста, лицу молодыми листьями. Тимохина растерянно взирала сверху на свою великовозрастную убывающую подругу.

- Тебя не возьмут, ты для них рослая, – разумно заметила Тимохина.

И все опять грохнули.

- Я толстый! – крикнул Мальчик. – У меня воли нет. Мама каждый день покупает пирожные, чтоб смотреть, а не есть, и воспитывать волю. А у меня не получается! Я их съедаю.

Мальчик ждал, что все заржут, все же говорили о своих несчастьях и потом ржали как сумасшедшие. Но было тихо. «Наверное, я все-таки урод, – подумал Мальчик. В

листьях запела хриплая Миа. Мальчик не успел впасть в панику.

- Виндемиатрикс! Я Виндемиатрикс!

Миа выдралась из каких-то дебрей. Она плясала. В горсти – виноградная гроздь.

- Виндемиатрикс! Я Виндемиатрикс!

Дразнясь, Миа вознесла гроздь над лицом и впилась в нее зубами. Подбородок заблестел от сока.

- Дай!!! – крикнули все.

- Ага! Ага! – язвительно дразнила Миа и бросилась назад, продолжая плясать на своих прекрасных умирающих ногах.

Все ринулись за ней.

На белой салфетке лежали яства.

- Как натюрморт! – хмыкнула Миа и завертела - завертела своим аппаратом.

- Тише! – все посмотрели на спящего.

- Нельзя, не наше!

- Кушать хочу – умираю!

- А кто это?

- Ветеран. Сегодня День Победы! Спит, потому что устал праздновать!

- Для гостей это!

- Мы и есть гости!

- Мы не гости, мы воры.

- Мы не воры, мы гости.

- Он нас не знает!

- Он меня знает! – сказал всем Мальчик. – Он мой друг. Вот доказательство.

Мальчик стал хлопать себя по бокам, искать книжку старого поэта. Никто ждать не стал, пока найдет. Регул Лео набивал рот шоколадом и тряс руками от жадности и от того, что медленно жуется. Миа рвала зубами виноградную гроздь. Серпентис держала зеленое яблоко, несуразно огромное для ее ладошек. Тимохина взяла два листика мяты, полюбила их и прилепила к своим глазам.

- Я дочка веток, – прошептала Тимохина, думая, что это тайна.

А Мальчик хлопал и хлопал себя по бокам, он даже скинул плащ, чтоб лучше искать. Книжка не находилась. Мальчик понял, что потерял книжку и ужаснулся. Если Старик сейчас проснется, Мальчику придется убежать. Он потеряет своих друзей. Он ничего не сможет объяснить. Ему нет оправдания. Его не простят. Но Старик не просыпался. Но нужно было что-то делать! Мальчик решил честно признаться, что он идиот, законченный идиот, признаться в тяжелой вине своей, но в рот ему толкали куски шоколада: «На, на!», и чтоб не задохнуться, он стал глотать. Тут же понял, как вкусно есть шоколад. Но горе от потери книжки мешало радости. И он решил наказать себя – выплюнуть весь шоколад. Вдруг сильно-сильно запахло водой. Мальчик удивленно оглянулся. Нигде никакой воды не было. Но, тем не менее, мелькнули какие-то острова и тихий рыбацкий смех.

«Я их все вспомню, – горячо подумал Мальчик непонятное. – Каждое стихотворение, каждую строчку, каждую букву». Мальчик тут же успокоился, чувство утраты, наконец, совсем ушло от него.

- Мне, мне оставьте шоколадку-то! – завопил и захохотал он, толкаясь, веселясь и прикасаясь к своим друзьям, убеждаясь всеми своими чувствами, что они здесь, рядом с ним, сейчас, навсегда, на всю жизнь.

- Ты теперь наш лучший друг! – подтвердила дочка веток - Тимохина и посмотрела на Мальчика своими листиками.

(2 февраля – 3 июня 2010 г.)

Смена «Арт-Парад» Международного образовательного форума «Селигер-2010», проходившая в Тверской области в начале июля, собрала молодых талантливых ребят со всей России. Одним из наиболее интересных стало направление «Слово», объединившее поэтов, прозаиков и драматургов. Среди участников форума была и автор этих строк.

Елена
Гешелина
/фото автора/

Селигер литературный

Организаторами направления выступило молодое московское издательство «Факультет», выросшее на базе журфака МГУ. «Факультет» ежегодно проводит литературный конкурс, победители которого получают, наверное, самый ценный для молодого писателя подарок – возможность издания своей книги. Победители 2009 года приезжали на «Селигер-2010» в качестве лекторов – рассказывали юным и амбициозным участникам форума о том, как стать из просто автора автором бестселлера.

Кто же они – новые имена, открытые «Факультетом»? Разберем по пунктам.

Вот Елена Сапунова, публикуемая под псевдонимом Елена Кумсель, автор автобиографического романа «Мой тибетский ребенок» - смеси травелога и приключенческого романа о путешествии автора в Тибет:

«В Тибете я встретила отца своего ребенка. И родилась новая жизнь. И родилась книга».

Вот Илья Чернецов, написавший роман «Хаос» о человеке, пережившем кому и вынужденном адаптироваться в новом жестоком мире. Его героя зовут Семен,

но на самом деле – это он, Илья Чернецов, это его жизнь и его борьба.

«Я кем только не был – и скинхедом, и байкером, и альтернативщиком. Все возможные субкультуры перепробовал».

Вот студентки журфака МГУ Саша Цветкова и Маша Белова – участницы проекта «Шесть девушек – шесть историй». Они тоже пишат о себе – о мире московских клубов, барах, о своих подругах и «любовях». Все истории реальные:

«Если что-то становится модным, оно быстро становится пошлым. Не продается текст сам по себе. Для любой книги важна оффлайн-история».

Всех «факультетчиков» объединяет одно: их истории основаны на реальных событиях, их герои – не выдуманные, а живые персонажи. Говоря языком литературоведения, это беллетризованная автобиография. Но как она написана? «Хаос» Чернецова, довольно жесткий по содержанию, написан выхолащенным языком газетной публикации. Рассказы из сборника «Шесть девушек» вообще напоминают статьи из женских журналов – кстати, большинство авторов сборника работают как раз в глянцевых lifestyle-журналах.

Поражала недостаточная начитанность авторов «Факультета». «Я вообще читаю мало», - признается автор абсурдистского рассказа «Апельсин» Павел Зыкун из Белоруссии. «Я читаю то, что модно, то, что активно рекламируется», - говорит Маша Белова. – Вот сейчас Минаев выпустил новый роман – я его читала. А стихи я не люблю».

Лекции и мастер-классы «Факультете-

та» были посвящены преимущественно продвижению книг и, на первый взгляд, предназначены скорее маркетологам, нежели поэтам и прозаикам. Оказывается, писателю необходимо быть в курсе всех модных тенденций на книжном рынке. Нужно четко представлять свою целевую аудиторию — чтобы знать, у какого читателя ты будешь иметь успех.

И все бы ничего, но большая часть приехавших на форум — поэты. И их, конечно, интересовали вопросы: «Можно ли выгодно продать поэтический сборник?», «Могут ли стихи стать бестселлером?». Однако же их ждало разочарование.

«Никто не покупает стихи, — сказал один из организаторов направления Владимир Табак. — Сборники, выпущенные тиражом более 5000 экземпляров, стопроцентно не окупятся. Поэзия всегда была элитарным искусством, а бестселлеры — это другая литература: фэнтези, детективы, мистика. После «Сумерек» популярными стали вампирские саги».

Поэтому лекции и выступления «факультетчиков» были встречены довольно прохладно.

Более информативными были лекции преподавателя МГУ, литературоведа Владимира Новикова. Новиков беседовал с участниками форума о назначении поэзии и прозы, о критериях талантливости произведения:

«Я никогда не разбрасываюсь такими словами, как «графоман» и т. д. Но вот еще в советское время я работал литконсультантом в издательстве. И там очень много рукописей приходило от каких-то пожилых людей, фронтовиков. Я отвечал им в таком духе: «Здравствуйте, Марья Ивановна! Я ознакомился с вашими стихами, они написаны, конечно, искренне, но художественной ценности не имеют».

И действительно, Новиков охотно читал рукописи и уже изданные книги молодых авторов со всей страны. И у каждого отмечал как недостатки, так и достоинства, каждому давал рекомендации. И сразу завоевал расположение участников форума.

В целом главной неудачей форума было отсутствие поддержки со стороны Литфонда и, как следствие, отсутствие большинства именитых гостей. Не приехали ожидаемые Лев Аннинский, Роман Сенчин, Михаил Веллер, Валерия Пусто-

вая. В последний момент отказалась от приезда самая желанная гостья форума — Вера Полозкова.

Но один именитый гость все-таки посетил Селигер. И его приезд взбудоражил многих.

6 июля на форум прибыл Евгений Евтушенко. Он провел на Селигере мастер-класс:

«Если писать стихи, не надеясь на профессию, — это совсем разные вещи. Я могу что-то побренчать на фортепиано или спеть, но я не выйду на одну сцену с Хворостовским. Если писать стихи — то, без чего вы можете прожить, то лучше не писать».

«Здесь же много поэтов? — спросил поэт. — Я с удовольствием их послушаю».

Однако удовольствия поэт явно не получил. Евтушенко не был столь тактичным, как Новиков. Петербургской поэтессе Любове Ямковой он сразу сказал: «Вам не надо писать». А другой девушке он сразу начал выговаривать: «Это сумбур, а не стихи. Все неправильно. Абсолютно!». После встречи с автором «Братской ГЭС» публика расходилась раздосадованной. Резкость живого классика неприятно поразила даже поклонников.

Вечером он выступил уже на большой сцене перед всеми участниками форума. Желающих послушать поэта оказалось немало — тем более что читал он великолепно. Звучали, в основном, новые стихи — в том числе посвященные памяти недавно ушедшего Андрея Вознесенского. А известное благодаря «Иронии судьбы» «Со мною вот что происходит...» публика встретила овациями.

Помимо лекций, мастер-классов и гостей были конкурсы, игры. Главным их назначением было развитие творческих способностей и возможность показать себя, что называется, во всей красе. И неспроста: наиболее ярких участников направления отметили на официальном закрытии, пообещав им выступления в двух столицах и поддержку со стороны издательства «Факультет». Особенно приятно, что среди отмеченных два барнаульских поэта — Михаил Трифонов и Елена Гешелина. Кроме того, отметили поэтов Зою Корниенко (Московская область) и Валерию Федоренко (Владивосток), а также прозаика Ольгу Римшу (Новосибирск).

Все мы знаем, что Василий Шукшин в мире известен. Тем не менее, мы привыкли считать, что проза его - о загадочной русской душе, и, следовательно, только ей и понятна. Но, оказывается, шукшинские рассказы могут тронуть и загадочную индийскую душу! В Индии живет человек, который не только читает Шукшина, но и переводит его на свой родной язык – хинди. Имя этого молодого человека – Кунвар Кант. «Сельские жители», «Привет Сивому», «Верую!», «Психопат» - вот лишь некоторые из переведенных им текстов.

Владислав
Пасечник
/фото автора/

Сростки - Хайдарабад

С Кунваром я познакомился на форуме молодых писателей России, проходившем в подмосковном пансионате «Липки» (удивительной нашей встрече я обязан фонду СЭИП, его учредитель – известный в прошлом политик Сергей Филатов). Знакомство наше продолжилось и переросло в переписку.

С одним из организаторов форума – Ириной Ковалевой – Кант познакомился при помощи своей преподавательницы. Ирина Ковалева прибыла в Индию в составе российской делегации для участия в Международной книжной ярмарке.

«Она посоветовала мне послать на

форум свои работы, – рассказывал Кунвар. - Я послал и, слава богу, меня пригласили».

Основные вопросы всплыли в ходе беседы совершенно естественно: «Почему, собственно, русская литература, почему Шукшин?».

Кунвар охотно поддерживал беседу – с его слов стало ясно, что шукшинская проза для него - не просто знакомство с русским языком и культурой. Удивительно, но героям переведенных рассказов, столь далеких в географическом и культурном плане, Кант сопереживает и видит в их судьбах, в их страданиях отражение собственной жизни.

Особенно близок ему мотив переселения героя из деревни в город.

«Я родом от Уттар-Прадеша, – пишет мне Кунвар по-русски (стилистика писем в целом сохранена). - Близкий большой город – Горахпур, и деревня моя оттуда в 100 км. Из моей деревни вышло немало известных людей - инженеры, врачи, менеджеры и т. д. Мой отец работал строителем.

Я приезжал в Дели изучать компьютер. Но чтобы получить студенческий билет, мне надо было поступить в какой-нибудь государственный институт. Легко было поступить в Центр русских исследований, так я и сделал. Потом мне так понравился русский язык и особенно русская литература. Слава

богу, выбор оказался правильным».

Родители остались в Уттар-Прадеше. В Индии, как в России в деревнях, жить нелегко — картина примерно та же: нехватка работы, люди массово переселяются в большие города. Разлука с родными вызывает у Кунвара страдания.

Кунвар вспоминает один из переведенных рассказов: «Читал ли ты рассказ «Степка»? Не дали работу человеку в колхозе, и он уезжает работать в город. Мать провожает его до края деревни и горько плачет. Именно это происходит со мной каждый год, когда я бываю у своих родителей и потом уезжаю от них. Очень много я нашел для себя подобного в биографии Шукшина».

Кант всерьез занялся переводом русской прозы. Он также перевел «Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева. Насчет этого произведения он сказал, что, на его взгляд, рассказ обладает очень темной, зловещей энергетикой.

Сегодня Кунвар получил должность преподавателя русского языка в университете города Хайдарабад, в Южной Индии.

«Я преподаю в университете. Этот университет английского и иностранных языков находится в Южной Индии. Мне дали преподавать грамматику русского языка. Это сертификатный курс в русском языке. Всего у меня 21 студент. Пока не преподаю русскую литературу. Конечно, если в будущем получу возможность преподавать литературу, то обязательно включу в программу В. Шукшина. В прошлом году в университете имени Джавахарлала Неру я преподавал литературу. Я тогда включил в изучение рассказы В. Шукшина «Срезал», «Чудик», «Привет Сивому» и «Психопат» вместе с произведением Чингиза Айтматова «Прощай, Гольсар»».

Кант не заставил сомневаться в своих качествах переводчика и филолога, но у меня невольно возник вопрос, а понимает ли он все реалии непростой алтайской жизни? Понимает ли он душевное состояние наших литераторов?

«Я вот гляжу - русские писатели все пьют и пьют, — смущенно сказал мне

Кант в одном из разговоров, — откуда же они берут свое... как это сказать... вдохновение?».

Справедливости ради стоит отметить, что Кант по вероисповеданию вайшнав (это одна из главных ветвей индуизма) — и по своей вере избегает употребления алкоголя.

Я, в свою очередь тоже смущаясь, попытался объяснить ему ситуацию так: «Индийская философия ищет смысл существования в освобождении от страданий, верно? Но русские писатели именно в страдании ищут свое вдохновение. Пьянство — это следствие их непрекращающихся болезненных переживаний и горестный спутник их вдохновения».

Кажется, Кунвара заинтересовала эта сторона вопроса, но, к сожалению, чисто теоретически - выпить за судьбу русской литературы индиец так и не согласился.

Кант признался, что мечтает приехать на Алтай, почувствовать шукшинский дух и своими глазами увидеть мир людей и вещей, с которыми, вопреки географии, он ощутил духовное родство.

Сергей
Мансков /1/
Владислав
Воробушкин /2, 3, 5/
Елена
Гешелина /4/

Фельетонисты, лирики, историки

1. Анатолий Муравлев. Неизвестный Алтай. Лихолетье войны.

Документальные очерки о фронтовиках и тружениках тыла.
- Барнаул, 2010.

Для русского человека нет ощущения настоящего. С языческих времен мы живем либо мифологическим (чаще героическим) прошлым, либо светлым будущим, в котором все будет умно и красиво. В юбилейный год Великой Победы известный алтайский журналист Анатолий Муравлев выпустил книгу очерков о прошлом, большая часть которых уже была опубликована в различных краевых СМИ. Первое ощущение от двухсотшестидесятистраничной книги в серой обложке было обычным – еще одна дань ратному подвигу русского народа. Но это лишь первое, поверхностное впечатление. Книга заинтересовала, дала много интересных и новых знаний. В первую очередь - в вопросах алтайской самоидентификации. Суть того или иного региона формируют не громкие определения «аграрный», «депрессивный», «инновационный», а культурные герои, меняющие мир благодаря своей пассионарной энергии. Именно таким людям, в свое время вырванным под корень советской репрессивной машиной, посвящена книга журналиста. Анатолию Степановичу удалось не только отыскать этих чудом сохранившихся стариков, но и доказать, что героизм был не частным, а массовым явлением.

Само название книги «Неизвестный Алтай» говорит о многом. Как сейчас помню стенд начала 1980-х годов на пересечении проспекта Ленина и улицы Чкалова. На нем были изображены все полные кавалеры ордена Славы из нашего города. Большинство фамилий этих ветеранов остались в памяти по сегодняшний день. Анатолий Муравлев умело стимулирует читательский интерес, переходя от малоизвестных фактов к собственным журналистским открытиям. Начинается книга с очерка об Алексее Скурлатове, ставшем прототипом памятника Алеше и воспетом в песне «Болгарии русский солдат». Этой, как сейчас бы сказали «брендовой истории», в свое время были посвящены газетные публикации и телевизионные материалы. Ничего нового, что, конечно, не отменяет солдатский подвиг налобихинского жителя. А дальше начинаешь удивляться. Оказывается, в лице Великой войны есть и алтайские черты. Анатолий Степанович убедительно, с репортерской скрупулезностью доказывает, что скульптура «Родина-мать» на Мамаевом кургане ваялась с алтайской девушки; прототипом знаменитого и еще в годы войны ставшего народным героем Василия Теркина был уроженец Крутихинского района Василий Готов; и, наконец, главный герой популярного телесериала «Четыре танкиста и собака» Ольгерд Ярош списан с героя-танкиста из Залесово Виктора Тюфякова. Дальше – просто

перечислю название некоторых очерков: «Партизан отряда Ковпака», «Алтайский Штирлиц», «Ночная ведьма». За яркими, даже претенциозными названиями скрываются судьбы реальных людей, которые сделали свой большой вклад в русскую Победу.

Познавателен и полезен большой очерк о Михаиле Калашникове. Его имя во время разного рода предвыборных истерий пишут на партийных знаменах, но ни разу не удавалось найти его объективную биографию. Часто общаясь с гостями нашего края, приходилось слышать: «Какая Курья? Он работал в Казахстане, а сам коренной туляк!». Анатолию Степановичу удалось подробно описать судьбу великого конструктора. Более того, жизнь Михаила Тимофеевича приобрела некий обобщенный смысл – раскулачивание, два тайных возвращения на родину с тысячекилометровым пешим переходом, война, отсутствие возможности творить на Алтае и триумфальное возвращение. Очерк заканчивается светлым аккордом: «Сейчас на Алтае проживают 33 родственника великого конструктора».

И последнее. Книга «Неизвестный Алтай» могла бы претендовать на получение различных наград и быть в центре фарватера громогласных официозных песен, если бы не ее третья часть, которая посвящена обратной стороне Великой Отечественной войны. Поражают цифры – в годы войны в Алтайском крае по идеологическим статьям («измена Родине», «антисоветская агитация», «саботаж») были осуждены 6816 человек. Треть всех репрессированных по Сибири и Уралу. Расстарались работники фискальных органов. Это при том, что большинство мужчин воевали, а в тылу оставались старики, женщины и дети. Именно они вошли в число тех несчастных советских людей, которых перемолола сталинская идеологическая машина.

2. В.В. Корнев. Вещи нашего времени: элементы повседневности.

Монография. - Барнаул, 2010.

О, хищные вещи века!

На душу наложено вето.

А. Вознесенский

«Мы ленивы и нелюбопытны», - сказал Пушкин. Это написано чуть меньше двухсот лет назад и звучит едва ли не извинением. Возьмешь с библиотечной полки книгу, изданную под грифом Алтайского госуниверситета, увидишь, что это академическая монография, пробежишь глазами несколько строк - и не захочется читать дальше. Между тем, в отношении книги, о которой пойдет речь, такое поведение просто преступно. Написано: монография, читай: публицистика; указано: автор - кандидат философских наук, читайте: талантливый фельетонист. Вот образчик его стиля:

«Sex - это фундаментальная стратегия потребления, цель которой - выгодно продать/получить свое/чужое тело. На это указывает и набор типовых сексуальных эпитетов или комплиментов, имеющий какой-то кулинарный характер: «моя шоколадка», «конфетка», «ягодка», «ты такая аппетитная», «я тебя съем» и т. п.».

«Владелец мобильного телефона так же, как типичный мазохист, объявляет себя доступным в любое время и в любом месте и принимает нелепую позу во время сеанса коммуникации...».

Однако, к делу.

«Вещи нашего времени: элементы повседневности» - это энциклопедия понятий современного мира и современной жизни («мобильный телефон», «секс», «супермаркет», «автомобиль», «насилие» и др.) с философским введением, заключенным в первой главе, необходимым только для того, чтобы научно объяснить, что такое вещь, повседневность, желание, и показать, что вещь - это просто проекция человеческого желания и знания, заданная культурой.

Читая книгу, понимаешь: автор по складу характера - просветитель. Что же он хочет сказать, каков его message? Что рождение детей - это способ стать садистом, доказать другим родителям, что ты их не хуже, и поддержать иллюзию бессмертия (глава «Дети»). Что мобильник покупают ради «паблисити», поддержания собственного статуса или, проще говоря, чтобы «попонтоваться» (глава «Мобильный телефон»). Что автомобилист - это самоубийца, нарцисс, сумасшедший (глава «Автомобиль»). И так далее. Что обывателю хорошо, автору - плохо; свой антимещанский пафос В.В. Корнев не скрывает. И хотя откровенное нападение на систему ценностей современной цивилизации напоминает «трюизм наоборот» или «обратное общее место» (выражение Тургенева), книга В.В. Корнева ценна: она предлагает новую точку зрения и заставляет задуматься. Философский анализ - это всегда самоанализ, настаивает автор, следовательно, критическая и аналитическая книга, подобная «Вещам...», питает ум. Кроме того, автор приводит доказательства собственной точки зрения, что редкость для публицистики.

Вместе с тем, книга В.В. Корнева - философский, т. е. уясняющий смысл языковых выражений, текст. Вещь, повседневность, желание... Обнаружить проблематичность этих понятий, перебрать найденные философами определения и выбрать самое разумное, а иногда предложить свое, наполнить понятие новым смыслом - вот задача автора, с которой он справляется. Достоинство его работы также и в том, что для чтения ее достаточно иметь хотя бы начатки высшего образования и знать о существовании психоанализа. Такому читателю работа скажет многое. Ее строгий, точный, местами хлесткий, убедительный язык способен заманить в философские кущи, а «озлобленная живопись мыслей» доставит большое удовольствие.

3. Виктор Ведяшкин, Татьяна Журавлева. Труп. Стихи. - Барнаул, 2010.

Молодые барнаульские авторы выпустили стихотворный сборник под названием «Труп». Он оформлен необычно и красиво: вырезанный из газетной бумаги человек сушится на бельевой веревке. Угольный фон притягивает и намекает на авторский замысел. Неужели опять очернительство и пессимизм? Посмотрим!

Раздел «Окоченение» принадлежит авангардному поэту Виктору Ведяшкину. В нем 16 стихотворений.

«Последнее лето» - меланхолический верлибр. Выбор формы говорит об эстетических пристрастиях автора - они лежат в сфере авангарда; в этом же убеждает эпитет «злочие» и неприличное слово в девятой строке. Финал - абсурден:

*Кто-то очень толстый
И огромный
Взял и затолкал меня
В карман.*

Чувствуется ирония и трагизм.

Виктор Ведяшкин пишет и традиционными размерами. Вот стихотворение о том, как воспринимает стихи неискушенный читатель:

*Дуры сдуру хохотали
И хватались за живот,
И совсем не понимали,
Что он лопнет вот-вот-вот.*

Последнее четверостишие раскрывает авторскую психологию:

*В снах он был могучим прЫнцем,
Ворошил углы души.
А пузатых три девицы
Взял и насмерть рассмешил.*

Действительно, когда Виктор Ведяшкин говорит, что ищет «хитрого ежика в тумане», чтобы «провести с ним время приятно», - мы смеемся. Стихи называются «Самообман», а деятельность главного героя названа «вытьем». Этот самоанализ - черта настоящего творца. Нам кажется, что Виктор Ведяшкин на правильном пути. Он задумался о качестве своих стихов, и значит - у него есть творческий потенциал.

Раздел «Разложение» принадлежит поэтессе Татьяне Журавлевой. Она уже несколько лет публикует пессимистические стихи в электронном журнале «Ликбез». В настоящей книге - 15 ее стихотворений, среди которых есть совсем короткие. Например, такое:

*Отними у меня ногу.
Отсоси у меня кровь.
Когда отнимают и отсасывают -
Это и есть любовь.*

Кое-кто из журавлевских читателей, восхищаясь этой формулой, сравнивает ее даже с названием легендарного труда М. Фуко «Надзирать и наказывать»... Нам же эти трагические, эпатажные строки напоминают Маяковского, который говорил о собаке: «Она бережет перееханную поездом лапу». А кого-то они искренне рассмешат благодаря малопристойному слову...

Татьяна Журавлева постоянно твердит о черствости, автоматизме современного человека. Похоже на детские страшилки Виктора Пелевина: один мальчик убеждает другого, что тот труп:

*Во Франции перестали разлагаться трупы.
Они как живые лежат в могиле.
Их хотели сровнять с землей и закопать туда новые трупы.
Люди, а может, они живые?
Посмотрите, может, вы не тех закопали?
А может, вы сами лежите в могилах?*

Действительно, «Труп» - книга тенденциозная. Авторы вслед за Кеном Уилбером (он цитируется в эпиграфе) считают, что больше нет критериев, чтобы отличить истинное искусство от подделки, живое тело от трупа. Художник может предъявить нам волшебную палочку, а может - дохлую крысу. «Мой плевок - это тоже искусство», - сказал немецкий экспрессионист Швиттерс. Он прав. Но задумаемся, нужно ли такое искусство? Нужно ли оно вам, читатель? Решайте сами.

4. Елена Ожич. Истории взрослых. Стихи. - Барнаул, 2010.

Эта книга - дебютная, но имя поэта Елены Ожич хорошо знакомо барнаульским любителям поэзии. В 1990-х годах в Барнауле существовал ни на кого не похожий Театр состояний «Свет» - именно там возшла поэтическая звезда Е. Ожич. Тогда она писала лирические миниатюры с налетом сюрреализма. Потом был период долгого мол-

Истории ЕЛЕНА ОЖИЧ взрослых

чания, а потом – возвращение. Но это был уже другой поэт. Со своей темой и манерой.

Когда читаешь стихи Елены Ожич в первый раз, чувствуешь себя неловко. Как будто подглядываешь в замочную скважину или читаешь чужое письмо. Формула «стихи – дневник души» подходит к этой книге идеально. Это не просто стихотворный сборник – это лирический дневник, выполненный в форме стиха – как классического, рифмованного, так и свободного. Е. Ожич – мастер верлибра, что большая редкость в русской поэзии:

*Эй, не ленись, золотая рыбка.
Посмотри на нас,
Мы вполне прекрасные люди
И почти закончили строгать свое корыто.*

Стихи Е. Ожич – о повседневном: о детстве, юности, старении (цикл «История взрослых» – несколько щемящих историй о стариках), одиночестве, но главную их тему составляет быт и бытие. Е. Ожич – поэт повседневности, умеющий находить прекрасное в «земных низостях», в самых простых вещах:

*Словно братец Кролик, забираюсь
в колючий куст –
Он не выгонит, не уколет, даст попробовать
Одиночества позабытый вкус.
У него цвет малины, душистый шлейф,
комариный зум.
Не уронишь если, а в рот положишь,
Обязательно скажешь: «Уммм».*

Это стихи о том, как существует поэт в мире быта. Как происходит взросление. Как рутина разрушает мечты и стремления. Как сохранить бытие, не поглощенное бытом:

*Мы с тобой собирались
В отпуск, как в подвиг,
И мечтали о том,
Что как будто открылось
Нам турецкое море...
Вместо этого что?
Картошка, рассада-засада...*

«Истории взрослых» – доказательство того, что проза жизни вполне может стать поэзией жизни – если попадется поэт, способный описать эту самую прозу. Здесь нет никакого эстетства, никаких изысканно-усложненных образов – но за этой высокой простотой скрывается такая глубина, какой не найдешь у иных мастеров плетения словесных кружев:

*Только не вздумай, Господи,
Наводить красоту
На своем подбородке.
Знаешь, сколько здесь болтается
Таких, как мы,
И как мы боимся
Каждого Твоего чиха.*

Стихи Е. Ожич отличаются искренностью, психологической достоверностью, отсутствием лирических штампов и – что очень важно – современной манерой письма. И в этом их сила.

5. Елена Рябова. Письма без ответа. Стихи. - Барнаул, 2010.

Поэзия - это то, что нельзя выразить средствами прозы. Иначе трудно объяснить ее существование. Писать прозаическую рецензию на стихи — значит, исследовать мир поэзии негодными средствами. Поэтому формальный разбор поэтической книги нужен только автору, и его по большей части увеселяет, читатель же хочет знать немногое - стоит читать новую книгу или нет. Попробуем ответить на этот вопрос.

Елена Рябова - автор двух книг. «Письма без ответа» - ее второй сборник. Рябова руководит литературным объединением «Спектр» и печатается в краевой периодике. Логично ожидать от нее владения поэтической формой, строгости к слову и стилистического чутья. Пробный камень - это первое в книге стихотворение. Посмотрим:

*Звонят, звонят колокола,
Благословляя расстоянья,
И даль вечерняя светла,
Тепла от вешнего дыханья.
Пробились из земли ростки,
А вслед за ними - наши души
К теплу и свету. Мы близки,
Когда весна преграды рушит.
Уже пролился первый дождь,
Небес умытых очертанье
Развесил в лужах. Как хорош
Звук колокольного признанья!*

Достоинство этого стихотворения - его кольцевая композиция: звон колоколов претворяется в метафору «колокольного признанья». Почему признания? Потому что эти стихи о близости человеческих душ. Как сказал бы гоголевский чиновник-педаант, рифмы «по большей части точные» и «имеет место» параллелизм пробуждения природы и души. Таким образом, стихи выполнены по старым (классическим, народным) литературным рецептам и понравятся читателю опытному и наивному.

Рябова предпочитает писать о природе, одушевлять ее, чем высказываться прямо, лирически. Она оберегает читателя от надоевшего авторского «ячества» и дарует ему свободу. С ней легко. Как приятно чувствовать радость героини, повторив вместе с ней ее «Лыжную прогулку»:

*Мчат меня бродяги-лыжи
В пробуждающийся бор.
Щебет птиц еще не слышен,
Сердце рвется на простор.*

Сильные стихи собраны в первых двух разделах книги. В третьем - много слабых стихотворений. Тем не менее, на вопрос, стоит ли читать книгу Рябовой, - мы отвечаем утвердительно. Книга издана малым тиражом - 300 экземпляров, и представлена автором предисловия Галиной Колесниковой как типично женская поэзия. Мы готовы поспорить с этим. Поэзия есть качество, и не нужно уподоблять ее местам общего пользования. В стихах Елены Рябовой это качество есть.

В галерее «Открытое небо» прошла персональная выставка живописи «Вальсирующие» приезжей молодой художницы Алисы Зражевской.

Дмитрий
Золотарев

Алиса без чудес

Алиса Зражевская была связана с Новосибирском, в этом городе она родилась, училась в Архитектурной академии, сейчас она — московский житель. Как явствует из краткой творческой биографии, художница увлекалась дизайном и поисками во втором современном искусстве (признаки которых на выставке мы не обнаружили).

Провокационное название выставки — лишь случайное совпадение обстоятельств: «Вальсирующие» — замаскированное неприличное название одного старинного французского фильма. Так что зрители, которые ожидали увидеть что-то этакое «московское», шабашное, разгульное, — ошиблись. «Вальсирующие» в понимании автора — набор жанровых сценок из жизни обычных людей.

Выставка, прежде всего, любопытна своим оформлением, внешним видом. Картины были представлены без подрамников и багета, видимо из-за удобства их перевозки. Вместо привычных носителей — холст или картон, использовался незнакомый материал, геотекстиль, внешне напоминающий пакетную пленку из промышленного производства. На стенах — мысли и высказывания об искусстве самой Алисы на подобие того, что художник Васнецов — тоже импрессионист (впрочем, о ком из братьев Васнецовых идет речь, совершенно не понятно). Использование необычного материала все же не признак какого-то новаторства: края этого геотекстиля могут быть аккуратно натянуты на подрамник (автор предусмотрел такую возможность), и перед нами вновь — старое как мир станковое произведение искусства.

«Вальсирующие» — типичный женский проект, а не какой-нибудь ожидаемый номоодно гендерный. Все те же детские образы; несколько напоминающие известней-

шие работы Дега зарисовки из женской жизни; симпатичные собачки; незамысловатые мужские персонажи. Одна из немногих удачных работ, где действительно есть и ирония и яркий образ, — сценка в метро «Над суетой», обыгрываемая внешний вид мужчин-гоблинов из современного подземелья.

Художница пишет акриловыми красками, безоговорочно достигая мастерства в способах выразительности цвета. Однако акриловое солнце, к которому не равнодушна художница, хоть и ярко светит, но не греет.

Алиса Зражевская.
Над суетой. 2010.

В галерее «Бандероль» проходила выставка известного в городе архитектора Сергея Боженко «Алтай – Курай».

Неархитектурные пейзажи

Интрига данного события в том, что его участник-архитектор представил на всеобщее обозрение не основной, «ремесленный» чертежный труд, а то — чем он увлечен в свободное время. Для Сергея Боженко занятие живописью — это давнее хобби: увлечение рисунком в мастерской Василия Рублева, собственные пейзажные экспромты под наблюдением Владимира Добровольского. Отсюда возникает и невольный интерес к столь неожиданному проекту, расположившемуся в одном из выставочных залов, а не в привычной для архитектора городской среде.

Представленные работы не имеют ничего общего с архитектурными поисками. Боженко выступил не как скучный профессионал, а как восторженный любитель искусства. Автор решил не выставлять своих ранних работ, а «правильно» ограничил себя лишь живописью.

Экспозицию выставки составили пейзажи. Боженко был верен принципам живописного свободного рисунка, а тем паче следует правилам открытой нервной живописи. Поиски автора не носят усложненных маньеристских задач, которые ставили перед собой его учителя. Для Боженко важны не отвлеченные философские копания, а регулярная исследовательская деятельность, направленная на изучение природы. По жанру это — горные пейзажи, по исполнению — этюды. Работы яркие по цвету, характерные по темпераменту написания, динамичные, сильно обобщенные. Словом, настоящая живопись. Однако не забудем, что небольшие по формату произведения — это лишь игрушки в часы досуга автора.

Парадокс, Сергей Боженко известен в первую очередь не как профессиональный архитектор, а как разноплановая творческая личность: он — рыбак, автор литературных произведений и даже почти художник.

«Домашние заготовки» невольно привлекли внимание, но ненадолго. Выставка, подготовленная ко дню рождения, представляла интерес для друзей, самого автора, но не для широкого круга зрителей.

**Сергей Боженко.
Шавлинский ледник. 2005.**

Сергей Боженко. Утреннее настроение. 2005.

В июле-августе в Государственном художественном музее Алтайского края проходила выставка московского керамиста Юрия Капустина «Четыре вектора в творчестве».

Повелитель стихий

Юрий Капустин родом с Алтая. Когда-то он жил в Барнауле, вел изостудию во Дворце пионеров (к нему на занятия ходил впоследствии известный дизайнер Юрий Яуров). Давние дружеские отношения связывают мастера с музеем. В разные годы стены музея принимали его выставки: первая выставка проходила в далеких 1960-х годах, а последняя — была в 2000 году. Прошли годы, новая экспозиция с успехом показывает основные достижения керамиста.

Юрий Капустин известен как неутомимый экспериментатор применения различных новых технологий в художественных изделиях. На некоторые новшества у него даже есть патенты первооткрывателя. Как мастер-профессионал он работает не только в традиционной керамике и живописи, но освоил авангардные рисунки кузбасслаком и древнюю технику перегородчатой эмали.

«Векторы творчества» — это обозначенные профессиональные техники в искусстве (живопись, графика, керамика, эмаль), количество которых совпадает с количеством известных стихий: воды, огня, воздуха и земли. Неслучайно символом выставки стало мистическое изображение шаманского бубна.

В экспозицию выставки вошли произведения всех «стихий». Наиболее полно были представлены керамические работы и эмали со стилизованными изображениями животных и абстрактных мотивов. Капустин ориентируется на искусство скифов, шорцев — древних жителей Сибири. Этнографическая тенденция присуща большинству авторских произведений. Взяв за основу ювелирную технику перегородчатой эмали, художник, укрупнив размер, делает декоративное произведение искусства (яркий образец — «Бег горного барана»). Эта техника богата насыщенным «византийским» цветом. Контрастные черно-белые кузбасс-лаки отличаются своим напряженным ритмом от ярких цветов эмалей, и от скромных суховатых оттенков керамики. Живописные и кузбассо-графичные работы дополняют творческие возможности керамиста-экспериментатора.

Были времена, когда специализация художника-керамиста считалась большой редкостью. На всю Сибирь вместе с автором выставки их насчитывалось не больше семи человек. Теперь другое дело: в городе расцвел промысел «Турина гора», а в последние годы появились совсем уж экзотические барнаульские гончары.

Выставка посвящена 75-летию со дня рождения мастера и является своеобразным итогом его профессиональной деятельности.

**Юрий Капустин.
Бег горного барана. 2010.**

В галерее «Бандероль» проходит выставка приезжих художников из города Прокопьевска «Между землей и небом».

Гости из Прокопьевска

Экспозиции выставки составили произведения двух живописцев. Первый из них - Виктор Самошкин, один из самых известных акварелистов Сибири, старейший художник Прокопьевска, привез какие-то странные и невнятные экспромты.

Другой – молодой Роман Ахметгалиев, выступил с коллекцией своих живописных работ. Он окончил Кемеровское областное художественное училище, был участником ряда местных выставок. Нетрудно заметить, что он художник начинающий и современный. Он владеет лишь азами живописной премудрости, так, рисунок автор полностью игнорирует. Его активную живопись можно отнести к разряду дикой. При создании незатейливой образной структуры художник использует в основном крупные живописные пятна. Так же он не равнодушен к «живой» тестообразной фактуре живописи.

Современность Романа Ахметгалиева близка восприятию многих молодых художников. Подобные живописные поиски художника близки и барнальцам, достаточно вспомнить некогда популярное городское объединение «Взгляд». Автор недолюбливает действительность как таковую, а создает ее заново, приукрашивая романтически. Это заметно и по условной колористической гамме (приятные голубые, розовые оттенки контрастируют с обязательным черным цветом). И по выбранному жанру – города мира... Все те же обязательные (и несколько поднадоевшие) виды Лондона и Венеции, в которых автор вряд ли бывал, слишком уж они условны, почти абстрактны. Сладкая и малообещающая авторская живопись напоминает яркий фантик от конфеты. Конечно, формально живопись Ахметгалиева можно отнести к направлению фовизма. Однако лучше этого не делать. Достаточно вспомнить таких орфеев-корифеев парадной буржуазности как Матисс и Дюфи.

Однако не так все и безнадежно. Например, его питерские пейзажи очень интересны. Художник был в Петербурге, воочию общался с городом и даже, возможно, писал с его природы: «Университетская набережная», «Вид Исаакиевского собора» (одна из лучших работ на выставке). Возможно, именно через них молодой художник и выйдет на свою дорожку в запутанных джунглях современного изобразительного искусства.

Роман Ахметгалиев.
Исаакиевский собор. 2010.

Роман Ахметгалиев.
Университетская набережная. 2010.

Летом в галерее «Открытое небо» произошло, пожалуй, самое яркое открытие последнего десятилетия – художника Татьяны Юсовой. Следующая ее персональная выставка должна скоро открыться в другой барнаульской галерее. Небывалый случай в нашей выставочной практике!

Театр одного художника

Все представленные работы, выполненные за последние десять лет, относятся к барнаульскому периоду – времени, сколько художница живет в нашем городе. Выставка-дебют неизвестного автора стала открытием настоящего, талантливого мастера. Обычно бывает так, что «открытия» – это молодые люди, только начинающие свои художнические карьеры. В этом же случае, произошло знакомство со зрелым, талантливым и оригинальным художником.

Татьяна Юсова переехала в Барнаул из Казахстана. В 1980-е годы она окончила Алма-Атинское художественное училище и Алма-Атинский театральный художественный институт. Полученные образования помогли сформировать неповторимую индивидуальность автора. Для Юсовой-художника важен рисунок, его конкретная роль в построении композиций. Казалось бы, прописные истины, а в конечном итоге получается великая магия искусства.

Театральная специализация развила высокое образное начало (художница недолго работала в Алтайском драматическом театре). Юсова пишет натюрморты, городские пейзажи, эскизы костюмов (смешанная техника: акварель, гуашь; ювелирная «выделка» листа). Однако не традиционные жанры делают ей славу. А композиции, сотканые воображением: сны; грациозные женские образы, преимущественно японки; цветочные вариации. Театр – коллективный труд. Художница же, восприняв саму суть театральной образности, движется в направлении индивидуального поиска изобразительного искусства. Главный критерий этого искусства – эстетизм. Живи Татьяна Юсова в каком-нибудь Петербурге, то давно была бы отмечена высокими званиями и степенями профессионального художника, а у нас она уже в какой раз не может вступить в региональное отделение Союза художников.

Можно выписать готовый рецепт счастья, но каждый ли сможет им воспользоваться? В справедливости этих слов могли убедиться многие посетители выставки, для которых знакомство с картинами художницы стало настоящим открытием нового мира. Публика встретила выставку тепло, книга отзывов пестрит восторженными и самыми лучшими впечатлениями (были замечены автографы некоторых местных литераторов). Одно из самых интересных мнений принадлежит театральному художнику Борису Щербакову: «Когда попадаешь на выставку работ Татьяны Юсовой, и тебя сразу же очаровывает, захватывает дух ее работ... Удивительное – рядом!!! Она умеет удивляться и восхищаться! Искусство должно быть элитарным. Это процесс тайнодействия. Художник всегда один на один со своим творением. Художник должен быть одинок!».

**Татьяна Юсова.
Театр. 2000-е.**

Межсезонье.

Играя Чехова.

Татьяна Юсова

Барнаул – истории живая нить